

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

5

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Весенние стихи.	3
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение лозы. Роман (Продолжение)	5
ГЕОРГИИ КАЧАХИДЗЕ. Гнездо в горах. Стихи	30
МУРМАН ЛЕБАНИДЗЕ. Баллада о сельском враче. Стихи.	32
МАРИНА ГЕЛЬВИ. Ласточкины гнезда. Сын. Рассказы	34
ЛИДИЯ МАГИСТРОВА. Верю.*** Стихи	44
БОНДО КЕШЕЛАВА. Незабываемый день. Стихи.	46

ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

ИРВИН ШОУ. Ставка на мертвого жокея	47
---	----

ОЧЕРКИ

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. По дорогам Индии Очерк третий	67
--	----

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

Л. БРАИЛОВСКАЯ. Дом строится на заводе	72
--	----

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Н. ДЖАШИ. Основоположники марксизма об ис- кусстве	77
Л. РОСТОВЦЕВ. Огоньки	83

СРЕДИ КНИГ

Д. КАКАБАДЗЕ — В. И. Ленин и грузинские коммунисты	90
М. ВАЧНАДЗЕ — Книга о Тбилисском театре имени З. Палиашвили	91

Новые работы грузинских руствелологов

Б. БАХТАДЗЕ — Ценное исследование; П. ГУДУ- ШАУРИ.—Эстетика Руставели; И. МЕГРЕЛИ- ДЗЕ — Образ и эпоха великого поэта	92—95
Коротко об авторах	96

5
М А И
1959

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ**

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

Р О М А Н

(Продолжение)

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

Коринтели почувствовал прикосновение тяжелой руки к плечу и открыл глаза.

Перед ним стоял дядя Нико.

— Я ждал тебя, Вахтанг, и заснул в кресле. Пойдем домой, — сказал он.

Они вошли в гостиную. Коринтели посмотрел на неприбранный стол и окончательно пришел в себя.

— Вахтанг, — сказал ему дядя Нико, — ты завтра не уезжай, друг мой.

— Почему, дядя Нико?

— У меня к тебе важный разговор.

— А кто мешает нам побеседовать сейчас?

— Теперь уже поздно. Пусть завтра твой шофер отвезет Медико с теткой в Бермуху, а ты останься на денек-другой.

— Я и так хотел остаться, но чем ты так обеспокоен?

Дядя Нико сурово сдвинул брови.

— У меня голова болит, Вахтанг. Как сына, прошу тебя, не проси меня сейчас передавать тебе разговор Вари с твоей женой. — И он ласково добавил: — Я зрение твое и слух твой там, где тебя нет, Вахтанг. Когда найду нужным, все расскажу.

Дядя Нико так вцепился в ручку кресла, что оно затрещало.

— Но все же, о чем они говорили?

Коринтели умоляюще посмотрел на старика. Тот не выдержал его взгляда:

— Эта проклятая бородатая баба хочет поехать в Бермуху. Боюсь, как бы она не развалила твою семью. У нее в этом деле немалый опыт: она развела всех своих дочерей.

— Это не страшно, дядя Нико, чему суждено распасться, то должно распасться... Ты только скажи мне, о чем они говорили?

Лоб дяди Нико покрылся испариной. Его лихорадило. Но дядя Нико остался верен себе.

— Ты лучше меня знаешь, Вахтанг, мудрую грузинскую пословицу: «Не все напитки надо пить, не все слова надо говорить». Об одном прошу тебя: не спускай глаз с этой чертовой куклы... И за женой проследи...

И он не проронил больше ни слова.

После отъезда Медеи и ее тетки, Коринтели попросил дядю Нико не приглашать гостей, дать ему возможность насладиться одиночеством. И как ни грустно было дяде Нико, он выполнил эту просьбу.

С тяжелым сердцем наблюдал он за помрачневшим Вахтангом, который, как иннок, искал тишины и одиночества — с ним нельзя было уже ни посмеяться, ни выпить вина.

Вставал он рано и садился за «Ампелографию». Часами бродил он затем по саду среди свидетелей своего детства и юности, с грустью вспоминая те дни, когда здесь слышались родные ему голоса.

Он радовался, когда под вечер куры поднимались на кривые деревья айвы, и ложился спать в одно время с ними.

Из Бермухи прибывали письма за письмами. Медея беспокоилась: «Почему ты так долго задерживаешься в Телави? Не болен ли?»

Коринтели испугался, как бы она за ним не приехала, и ответил несколькими общими успокаивающими фразами: у него, мол, оказались дела, и он скоро вернется.

Дядя Нико терзался мыслью о том, что во всем этом виновен он, что это его слова так огорчили Вахтанга. Глядя на него, он и сам мучился. Но он никак не мог решиться поведать ему все то, что слышал своими ушами из уст Вари, ночью сидя в саду.

Дядя Нико старался не попадаться на глаза Вахтангу. Он уходил из дому, не появлялся к обеду, ссылаясь на какие-то неурочные дела. Поздно вечером он, обычно уже изрядно выпив с приятелями, тихо пробирался к себе в спальню и укладывался спать.

Тетя Текле не понимала, что происходит с ее мужем, и чем так опечален Коринтели.

— Может быть, ему не нравится, что мы живем в доме его отца? — спросила она однажды дядю Нико и предложила ему переехать к сестре, в Тбилиси.

Но муж промолчал и дал ей понять, что Вахтанг обеспокоен не этим.

Вскоре их дом навестил работник телавского института. Он спросил, здесь ли профессор Коринтели. Тетя Текле провела его к Вахтангу. Они о чем-то долго беседовали, потом вместе ушли.

С этого дня Коринтели перестал вести затворнический образ жизни. Он ходил в институт, возвращался поздно и обедал вместе с тетей Текле, которая ухаживала за ним, как за маленьким ребенком.

Сейчас ее несколько озадачивало то, что, разговаривая с ней, Вахтанг ни разу не упоминал о своей жене. Несколько раз она сама вспоминала при нем Медею, хвалила ее красоту и благородство, но всегда это заканчивалось тем, что Коринтели, равнодушно выслушав ее, переводил разговор на другую тему.

Ранним утром принесли телеграмму из Кварели. Цихистави просил Коринтели приехать.

В тот день дядя Нико явился точно к обеду. Не садясь за стол, он предложил Вахтангу проехаться на машине в Горную Тушетю. В ответ тот показал ему телеграмму.

— Ну и что? — настаивал на своем дядя Нико. — Три дня раньше, три дня позже — что изменится?

Потом, опустив глаза, он, как бы невзначай, добавил:

— И Суския просит тебя, она едет туда в командировку.

Услышав имя Сускии, Коринтели вздрогнул. Нико, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Вчера я встретил ее у аптеки. Она интересовалась, как ты живешь, потом сказала, что будет очень рада, если ты согласишься поехать с ней по Тушетии. Там есть у кого остановиться. Я пригласил ее сегодня к обеду. Не возражаешь?

Коринтели не успел ничего ответить. Открылась дверь, и вошла Циствала.

— Докторша пожаловала,—сказала она. И вслед за этим действительно появилась Суския.

Все это было так неожиданно и так радостно. Коринтели вскочил из-за стола, стал извиняться за то, что он в пижаме, не успел переодеться...

— Я врач, Вахтанг, и часто вижу мужчин и не в таком одеянии,— улыбнулась Суския.

На ней было простенькое ситцевое платье желтоватого цвета с голубыми пятнышками. Печать усталости лежала на ее лице. И от этого, должно быть, оно показалось Коринтели еще более очаровательным.

Мельком взглянул он на часы и с грустью подумал о том, что уже пять, и Цихистави ждет его.

Дядя Нико отправился в погреб за вином. Суския под села к тете Текле и вполголоса рассказывала ей о своих домашних делах. У нее, оказалось, заболел отец и за ним некому ухаживать, так как она день и ночь на работе. Придется привезти родственницу, которая недавно овдовела.

Коринтели слушал голос Сускии и думал: «Как он душевен! Как много в нем от нее самой! Искусство передает мысли и чувства людей. Но оно бессильно воспроизвести богатство оттенков человеческого голоса. Голос может быть приятен тебе и неприятен, любим и ненавистен. Не отсюда ли начинается любовь?»

Появился дядя Нико с большим кувшином в руке.

Коринтели удивился:

— Для кого столько вина? Уж не собираешься ли ты, дядя Нико, один опустошить этот кувшин?

— Кто не раз убивал оленя с Черной горы, тот и впредь убьет его,— ответил тот поговоркой. Дядя Нико надеялся, что приход Сускии развесят Вахтанга, и он в конце концов присоединится к нему. Воспрянувшая душа захочет, естественно, вина. И за этим последует путешествие в Тушетию. Разве Суския и «Киндзмараули» могут оказаться слабее телеграммы Цихистави?!

Однако расчет дяди Нико был не точен. Как только часы пробили шесть, Коринтели встал из-за стола.

— Бог с ней, с этой телеграммой,—отговаривал его дядя Нико. — Сообщи Цихистави, что приедешь через несколько дней. Ничего ведь не случится.

О том же просили его и печальные глаза Сускии. Он видел это. Но он не мог поступить иначе.

— Нет, дядя Нико,—ответил Коринтели. — Как ни приятно было бы мне съездить сейчас в Тушетию, но я вынужден отказаться от этой радости. Цихистави не стал бы зря меня беспокоить. Раз он просит приехать — надо ехать. Я могу из Бермухи послать вам машину.

— Не в машине дело,—взволнованно произнесла Суския. — С нами едет директор больницы Корсавели. Я хотела, чтобы и вы были со мной.

Дядя Нико пустил в ход новое оружие:
— Я не предполагал, что ты поедешь сегодня, и поэтому
Андро. Как же ты поедешь с пьяным шофером, Вахтанг?

напоил
314135320
3132010133

Но Коринтели был непреклонен.

— Ничего, если понадобится — я сам сумею повести машину.

Тогда дядя Нико прибегнул к последнему средству:

— Сегодня утром приехала соседка Даро из Кварели и сказала, что алазанский паром не работает.

Что было делать Коринтели? Он заколебался. Суския влекла к себе. Она находилась возле него. Им овладевала страсть. Но он превозмог себя и решительно отрубил:

— Надо ехать.

* * *

Коринтели был так углублен в свои мысли, что не замечал калейдоскопической смены ландшафта. Он не сдерживал молодого шофера, не обращал внимания на стрелку спидометра.

С каждым километром он приближался к своему дому. Но есть ли у него этот дом? Что ожидает его в Бермухе? Усатая «дядя Варя»... Медико... Любовь, которая двадцать лет бушевала в его груди, погасла сейчас, подобно огню в ветреную ночь. Остался пепел.

Когда-то он считал Медею человеком безупречной чистоты. Это она швырнула в лицо Шаркутье брильянты, наряды и с легким сердцем уехала на родину.

Обычно, когда мы судим любимого человека, то сердце наше как бы раздваивается: одна половина обвиняет, другая — защищает, ищет смягчающие вину обстоятельства, старается хоть частично сохранить то, что теряешь. И если ты находишь, что человек, которого ты любишь, недостоин любви, то, возможно, он достоин уважения. Пусть останется хотя бы это...

«Но ведь когда тетя Варя поносила тебя, и не только тебя, а все, что для тебя свято, Медея молчала», — говорил обвинитель.

«Да, молчала, — соглашался защитник, — но разве молчание всегда признак согласия? Когда мы встречаемся с одержимым, то мы избегаем вступать с ним в спор, так как понимаем, что это бесполезно. Наше молчание в таком случае — отнюдь не признак согласия. К тому же, когда бушевала пьяная тетя Варя, Медея что-то шептала ей на ухо, пыталась ее унять. Не так ли? А что она еще могла сделать? Хорошо воспитанная женщина не могла ведь грубо обрушиться на свою тетку, устроить скандал. Это было бы неприлично».

Коринтели готов был внять этому успокаивающему, второму голосу своего сердца. Но тогда раздавался будоражащий голос обвинителя, и он вспоминал массу оскорбительных подробностей.

Любовь и дружба подобны хрупкой драгоценной вазе. Достаточно одного толчка — и она может треснуть. И разве только треснуть?!

Машина мчалась, не замедляя хода. Вот и то ущелье, которое они проезжали несколько дней назад. Медея хмурилась. Но это была еще та Медея, которую он так долго и пылко любил.

И в ту ночь треснуло, разбилось то, что никогда не должно было разбиться...

Сложная штука — жизнь! Многие годы познаешь человека, любишь его, наделяешь всеми земными добродетелями, но в одно мгновение он оборачивается к тебе совершенно другой стороной — и ты ужасаешься

тому, что увидел. Это мгновение подобно страшному землетрясению, которое безжалостно разрушает все.

Машина замедлила бег.

Черные тучи окружали вознесенные ввысь остроконечные вершины. Ниже на синеющие горы ложился туман. На отрогах мелькали тени. С полей и виноградников люди возвращались домой. Трудовой день был закончен.

По краям дороги тряслись груженные копнами сена ослики. Медленно и степенно двигались парами черные буйволы, запряженные в груженные арбы. Издалека доносилась песня детей.

На одной арбе сидели мужчина и женщина. Коринтели определил по их внешности, что это должны быть муж и жена: ведь долго живущие друг с другом супруги приобретают схожий облик.

«Эти труженики, должно быть, счастливы, — думал он. — Каждый их день прожит не даром. Они не знают измен и подозрений. Как открыты и ясны их лица — вот этого крестьянина в тушинской шапочке и его жены».

И еще он думал о том, что труд — величайший фактор не только материального благополучия, но и нравственной чистоты человека. Тот, кто ощущает труд, как тягостную ношу, никогда не постигнет этой величайшей тайны жизни.

Природа формирует человека на протяжении первых трех десятков лет. Характер Медико созрел в Париже, в семье французского буржуа де-Мосперо, где труд презирали.

Женщине, воспитанной в таком «раю», жизнь в Бермухе казалась, естественно, сплошным адом.

Но тут ход его мыслей прервал голос — голос защитника: «Человек может измениться, — сказал он успокаивающе. — Не следует торопиться с приговором».

«Твой приговор справедлив, — перебил первый голос. — Вспомни слова дяди Нико: «Когда найду нужным, все расскажу». Ты знаешь, что они значат?!»

Где-то выли шакалы.

Ночь, спустившаяся в ущелье, тяжело вздыхала, подобно огромному черному буйволу.

Темно было и в душе Коринтели. Теперь он сожалел о том, что заставил доброго дядю Нико произнести те несколько жестоких слов, которые он произнес и которые уже нельзя было вычеркнуть из памяти.

Погрузившись в свои думы, Коринтели не заметил, что они едут по незнакомой дороге. Он взглянул на шофера, тот молча вертел руль.

Дорога вилась по берегу какого-то бушующего потока. Навстречу им раскрывали свои огромные пасти ущелья, освещенные сильным светом автомобильных фар.

Вдруг Андро резко затормозил. Коринтели подбросило, и он стукнулся головой о смотровое стекло.

Перед ними блеснули глаза буйвола. Животное, не подозревая об опасности, стояло на краю пропасти, точно чугунная скульптура.

Андро отогнал буйвола.

— Чудом спасся, — проронил он ему вслед.

— И нам бы нелегко пришлось, — сказал Коринтели, закуривая папиросу. И про себя подумал: «Не грех научиться у такого буйвола уменью спокойно встретить смерть».

Мысль возвратила его почему-то к Сускии Миндели. Какой удивительной красотой блистала она сегодня в своем простом ситцевом платье оттенка цветков лозы. Некоторые женщины особенно красивы ночью, при свете электричества, а другие — красивы днем, при свете солнца. «Кто такой этот директор Корсавели?» — мучительно-долго думал он и, наконец, вспомнил местного кутилу и ловеласа, которого прозвали «вечным студентом», потому что он обошел чуть ли не все университеты Российской империи и стал в конце концов врачом, окончив медицинский факультет в Харькове.

«Завтра они выедут из Телави, — терзался Коринтели, — Корсавели будет с Сускией». В нем просыпалось чувство ревности. Он пытался заглушить его и потому твердил: «Нет, Суския никогда ничего себе не позволит с этим противным Корсавели. Иначе она не звала бы с собой меня».

Машина стала одолевать крутой подъем, и мотор заглох. Коринтели сказал шоферу:

— Уступи мне место, Андро.

Коринтели с юношеской живостью сел за руль и плавно взял подъем.

— Запомни, — сказал он шоферу, снова пересев на свое место, — никогда не налегай на вино, если тебе предстоит какое-нибудь дело. Вино мы все пьем, но дело и вино никак несовместимы.

— Я не знал, что вы сегодня предполагали выехать в Бермуху, — оправдывался Андро.

— Верно, ты не знал этого, — согласился Коринтели, — но я ведь предупредил тебя накануне, что мы можем поехать в институт.

Шофер, чувствуя свою вину, молчал.

— Не едем ли мы с тобой в сторону Тбилиси? — спросил Коринтели.

— Дорога на Тбилиси осталась справа.

Коринтели готов был в ту ночь поехать и в Тбилиси, если бы не телеграмма Цихистави.

«Как может человек моих лет и положения так по-юношески легко отдаваться капризам личной жизни, — осуждал он сейчас себя. — Бог с ними — с Медеей и Сускией».

Перед ним предстали жители Бермухи, и особенно ясно увидел он лицо Цихистави. Вспомнил свой микроучасток.

«Ничто не остается тайной на этом свете, — думал он. — Как можно из-за ссоры с женой отказаться от дела всей своей жизни? Все личное — недолговечно на этой земле. Оно уйдет вместе с тобой. Личная жизнь — своеобразная лотерея. Нет, она скорее походит на игру в нарды, на бессмысленный стук костяшек... Некоторые с упорством и старанием катают костяшки и вместо «душаши» получают «дуяк»¹, но не унывают и продолжают катать костяшки».

Столько энергии уже было им истрачено, что не хватало сил заново устраивать свое личное счастье. Остаток жизни нужно отдать делу.

Но думая так, он не мог все же отрешиться от Сускии. Она снова встала сейчас перед его взором. Ей, как и ему, не повезло в личной жизни. «Как побледнела Суския, когда узнала о телеграмме Цихистави. И почему я не поехал с ней в Тушетию? Сказал бы Цихистави, что телеграмма прибыла с опозданием. Ничего бы не случилось».

Но проходила минута, и он стыдился этой своей мысли.

¹ Душаши — дважды по шесть, дуюк — дважды по одному.

Его семейная жизнь началась слишком поздно и кончалась слишком рано. С этим следует примириться. Он многое упустил в работе. Нужно поторопиться и наверстать упущенное. Ведь не за горами старость—предвестница смерти. И он успокаивал себя:

«И не такие, как ты, старели и умирали. Всему приходит конец. Только дело человека бессмертно. Любовь к родине — пустая фикция, если она не воспламеняет человека для дела».

XIV

До Алазани оставалось около трех километров, но дальше нельзя было ехать — дорогу забили машины, ждущие своей очереди на паром. Паром, действительно, не работал. Образовалась пробка. Что было делать Коринтели? Возвращаться в Телави или заночевать в машине? Он решил съехать с шоссе на опушку леса и заночевать.

На рассвете его разбудили гудки автомашины. Недалеко от причала он увидел «ЗИС-101» кизилового цвета. Машина застряла посредине шоссе. Лопнул скат. Шофер возился с домкратом. Рядом стояли вышедшие из машины пассажиры.

Коринтели узнал Цихистави и агронома Мелитаури. Они разговаривали с лысым человеком, который оказался тоже уже знакомым, — тем самым Цероденой, которого он встретил у дяди Нико.

У Цихистави просияло лицо. Он крепко пожал руку Коринтели:

— Получили мою телеграмму?

Цихистави дружески взял его под руку и, оставив своих спутников у машины, пошел с ним к парому.

— Я так к вам привык, товарищ Вахтанг, — сказал он сердечно, — что мне вас просто не хватало в эти дни.

Коринтели удивился такому неожиданному признанию. Он знал, что Цихистави скуп на слова и чувства. Лирика, сентиментальность чужды ему. Цихистави был сдержан до сухости, редко чему удивлялся, верил только фактам и цифрам. «Такие люди могут многое делать в жизни, — думал о нем Коринтели. — Они не шумят, не бахвалятся, а упорно и неуклонно тянут тяжелую лямку и заражают своей непреклонной волей и энергией других. Они ни на что не жалуются и не играют в героев, будучи истинными героями».

Потому-то так и удивился сейчас Коринтели словам Цихистави.

— Здесь прошел слух, — говорил он, — будто бы вас, профессор, вызвали в Тбилиси и снова посылают за границу. Меня это огорчило. Я осуждал себя за то, что не проявил к вам должного внимания, не создал вам хороших условий в Бермухе.

Он произнес это просто, искренне, и слова его глубоко тронули Коринтели.

— Посылают за границу? Нет, что вы! Меня назначили главным консультантом телавского института. Вот и все. Я остаюсь в Бермухе и буду лишь наезжать туда, — ответил он.

— Очень приятно, товарищ Вахтанг, — обрадовался Цихистави. — Нам крайне нужен такой человек, как вы. Район наш, как вам известно, маленький, а дел, как везде, много. Вы нам помогли и еще, конечно, поможете. И я, как секретарь райкома, не раз чувствовал вашу поддержку. Нам, секретарям райкомов, нужно быть универсально образованными людьми. Ведь жизнь требует от нас множества разных знаний: почвоведения, биологии, агротехники, ботаники. Мы обязаны вникать и в другие дела: инженерные, финансовые, административные... А знаний,

порой не хватает. Правильна, конечно, поговорка: «Велика сила любви, она заставляет человека делать невозможное возможным». Но она не отменяет необходимости знаний. Сегодняшнее наше село — не старая крестьянская община с ее отсталым, некультурным хозяйством. Сельский район — миниатюрное государство. Им нужно уметь разумно управлять.

Цихистави посмотрел на Алазань.

— Недавно, — вспомнил он, — разлилась было наша Алазань. Свинопас Попола переправлял свиней. Несколько понесла вода. Но он сумел их спасти. Вы помните этого человека? Если не ошибаюсь, он вам понравился в тот раз на митинге...

Коринтели улыбнулся.

— Голубоглазый? Высокий?

— Да, точно, он.

Они подошли к реке. Полноводная Алазань гремела, ударяясь о береговые утесы, ворочая и таща камни. У причала парома сгрудились уставшие овцы. Пастухи сидели на бревнах и завтракали.

Их бригадир — Абриа-злозязычный, сняв папаху, поздоровался с Цихистави и Коринтели и пригласил их перекусить.

— Вы — большие люди, но, может быть, отведаете нашу хлеб-соль.

— С удовольствием, — согласился Цихистави. — А насчет «больших людей» — ты зря. Мы такие же обыкновенные люди, как и ты.

Абриа наполнил вином две чаши и протянул гостям. Те поблагодарили и пожелали пастухам здоровья.

Посидев немного с пастухами, Цихистави и Коринтели устроились под небольшим навесом.

Цихистави сказал:

— Да, чуть было не забыл, товарищ Вахтанг, — из Тбилиси вам прислали финский домик.

В другое время Коринтели, вероятно, очень обрадовался бы этому известию. Сейчас же он равнодушно произнес: «хорошо» — и спросил о другом:

-- Как поживает мой микроучасток?

— Трудно ему пришлось, — ответил Цихистави. — Неделю тому назад была большая жара. У вновь посаженных лоз кое-где пожелтели листья. Годердзи на ослах подвозил воду. Потом колхоз выделил одну машину. Как только мы построим ГЭС, возьмемся за оросительный канал. Тогда у нас воды будет вволю, и мы напоим плоскогорье Девяти дубов; земля там, как вы знаете, каменистая.

Цихистави взглянул на свои часы:

— Вероятно, люди уже ждут нас в Бермухе.

— Почему? — спросил Коринтели.

— Позавчера было общее колхозное собрание по поводу строительства ГЭС. К нам присоединилось пять заалазанских колхозов. Руководителем рабочих бригад выбрали Годердзи. Вас также просили помочь. Товарищи ждут вас:

К берегу в это время подъехала машина Цихистави.

— Кто это с вами? — спросил Коринтели, имея в виду Церодену.

— Главный инженер «Сельэлектро», уроженец Бермухи, — ответил Цихистави. — Своевольный, заносчивый человек. У меня нервы, как у буйвола, и то он, кажется, выведет меня из терпения. Вот уже третий месяц, как я воюю с ним. Люди с низкой душой обладают удивительной способностью изматывать нервы другим. Ни за что не хотел он из го-

рода поехать к нам. Какими предложениями только ни пользовался: то нельзя нигде достать турбины, то нет труб, агрегатов. Достали ему все это. Он начал жаловаться на то, что у нас нет цемента. Достали цемент. Теперь он заявляет, что этого цемента не хватит. Вы ведь знаете, что я очень занят. Разве есть у меня время ездить в Тбилиси, бегать по учреждениям? А вот приходится... На прошлой неделе этот инженер заявил, что у него, дескать, померла теща, и потому он вынужден отложить поездку в Бермуху. К тому же, он напился, как свинья. По правде сказать, я подозреваю, что у него имеются какие-то связи с нашими бермухскими стариками, которые с самого начала противились закладке виноградников.

Коринтели внимательно слушал.

— То, о чем вы говорите, слишком серьезно, — заметил он. — И это обязывает нас присмотреться к этому человеку. Я не могу терпеть три типа людей: пьяниц, любителей денег и трусов. Это — ненадежные люди. Пьяница легко продается за вино, любитель денег — за деньги, а трус — чтобы выжить, продлить свое жалкое существование.

Цихистави задымил папиросой.

— Если бы этот чертов осел не преградил нам дорогу, ГЭС уже бы начали строить.

Всего этого не слышал, конечно, Церодена. Он сидел сейчас рядышком с Абриа и жадно пил вино, заедая его крестьянским хлебом и тушинским сыром.

Кудрявый молодой пастух пел:

Так выпьем же, выпьем, друзья,
Покуда мы видим друг друга.
Грустить мы успеем в земле
Под черной могильной плитой.

Абриа жаловался Церодене:

— Из-за этой проклятой пшеницы голодают наши овцы. Шираки перепахали тракторами, а ведь эти степи всегда были пастбищами.

Церодена посочувствовал ему и приложил руку к губам: говори, мол, тише, могут услышать.

Но Цихистави и Коринтели не прислушивались к их разговору. Они были увлечены другим. Обозревая гвелетские окрестности слева от Бермухи, Цихистави разыскал вдали гору и, указывая на нее, сказал:

— Около той горы мы и должны построить ГЭС. Видите развалины крепости?

— Место отличное, но достаточен ли дебет воды? — спросил Коринтели.

— Там два небольших озера, которые питаются тремя родниками.

— А куда поведете оросительный канал?

— Вода пойдет прямо на плоскогорье Девяти дубов и оросит виноградники.

— Подземным каналом?

Тогда Цихистави нарочито громко сказал:

— Главный инженер «Сельэлектро» доказывает, что для такой небольшой ГЭС не требуется туннеля. Вы, конечно, агроном, но я знаю, что вы получили и гидротехническое образование. Интересно знать ваше мнение.

Церодена, как и следовало ожидать, был задет за живое.

— Я главный инженер «Сельэлектро», работаю двадцать лет и не

хуже других знаю свое дело. Кроме того, проект уже утвержден, — почти закричал он.

— Если нужно, то проект можно переделать, — спокойно заметил Цихистави.

Коринтели сделал вид, что не расслышал хвастовства Церодены.

— Я это место тоже знаю, — сказал он. — Но было бы неплохо еще раз осмотреть его.

Цихистави снова посмотрел на часы. Он нервничал.

— Когда же, наконец, починят паром?

Подошел Абриа-злословный.

— Извините, что я вмешиваюсь в ваш разговор, — обратился он к Цихистави. — Но правда ли, что вы собираетесь провести в наши места электричество?

— Да, Абриа, мы будем строить здесь электростанцию.

— Ваше дело вы знаете лучше меня, дети мои, — сказал Абриа, — но боюсь, как бы вы не разгневали Святого Георгия.

— Не разгневаем, — ответил Цихистави. — Вот переправимся на тот берег, и вы сами увидите, какая плодородная там земля. А все потому, что там родниковая вода.

— С этим местом связана одна легенда, которую я слышал еще в детстве от здешних стариков, — заметил Коринтели. — Хотите, расскажу пока нет парома?

— Прошу, — ответил за всех Цихистави.

— На той горе, где виднеются развалины крепости, когда-то был целый город. Принадлежал он крупному эриставу¹ Мамуке. Я хорошо не помню, сколько было у него сыновей — шесть или семь.

— Семь, — подсказал Абриа, раскуривая трубку.

— Так вот, старший сын Мамуки умер от проказы. И тогда, в час похорон сына, вынес Мамука из церкви икону Святого Георгия — Квакаца, украшенную драгоценностями, и при всем народе, собравшемся из трех эриставств, гневно швырнул на землю. Он растоптал ее ногой. Потом приказал прогнать по ней стадо свиней.

О богохульстве Мамуки тотчас сообщили геретскому корикозу². Тот собрал свои полчища и двинулся против эристава Мамуки. И вот здесь, на плоскогорье Девяти дубов, разгорелся жаркий бой. Мамука и шесть его сыновей понесли жестокое поражение. Тогда они укрепились на горе, в крепости.

После долгого кровопролитного боя корикоз захватил крепость. Сыновья Мамуки бежали, а сам он погиб. Труп его привязали к хвосту коня и долго волочили по земле. Икону Святого Георгия спасли и водворили на старое место. Ее оставили стражем и хранителем разгромленного города. Икона носила имя Святого Георгия. Но вы, наверное, знаете, что у Святого Георгия столько прозвищ в Грузии, сколько дней в году. На этот раз его называли Квакаца.

Цихистави то и дело посматривал на часы. Застрявший на той стороне реки паром не двигался.

— Вы видите, в каком я положении, — развел он руками. — В Бермухе нас ждет народ. За Алазанью мне нужно посмотреть комбайны. В Кварели — узнать, отправлены ли овцы на Северный Кавказ. А мы сидим здесь и развлекаемся легендами.

¹ Эристав — военачальник, феодал, владеющий целой вотчиной.

² Корикоз — архиепископ.

Абриа-злозязычный съязвил:

— Пока мы не избавимся от парома и не построим мост, нам часто придется развлекаться легендами, товарищ секретарь.

Мелитаури попросил досказать легенду, которая, по его мнению, имела такую же ценность, какую имеет реликвия древности, которая помогает понять далекое прошлое и своим контрастным светом озаряет настоящее.

— Эту икону,—продолжил рассказ Коринтели,—монахи укрывали во время нашествия арабов в горах Верхней Тушетии. Тушинцы хранили ее в часовне, которую построили над Оленьим источником. Икону прикрепили цепями к стене. Потом геретский корикоз возвратил ее в Кахетию.

Вся Верхняя Тушетия приходила поклоняться этой иконе, украшенной рогами оленей и туров. Паломничество не прекратилось и после революции. Я видел своими глазами, как сюда ходили и тушинцы, и кахетинцы: слепые, немые, глухие, тихо и буйно помешанные, больные. У Квакаца просили излечения, увеличения поголовья скота, благополучного разрешения от беременности... Если человек сам не мог придти, то приносили его одежду и стелили ее перед иконой.

Да, я увлекся и забыл главное. Шесть сыновей Мамуки попросили войско у своего дяди — панкисского эристава и шесть раз атаковали крепость. Но, как утверждает легенда, все их атаки кончались поражением. Квакаца обращал их в бегство.

Потом явился корикоз и страшным проклятием проклял всех, кто ударит лопатой в мертвом городе Мамуки, или соорудит какое-либо строение и поселится в нем навсегда или временно. Где-то в старых хрониках я читал эти страшные проклятия корикоза.

Сколько раз феодалы этих мест пытались поселить своих рабов в окрестностях Мамуки. Но как говорят предания, Квакаца изгонял всех — то болезнями, то другими бедствиями.

В последнее время генерал Вачнадзе поселил здесь лезгин. Они узнали про Квакаца и убежали в горы. Даже наши чабаны до сих пор боятся ночевать там.

— Правильно, — подтвердил Абриа. — Я и сейчас боюсь Квакаца, да будь он славен во веки веков!

Все рассмеялись.

Цихистави заметил:

— Когда мы направили на плоскогорье Девяти дубов тракторы и экскаваторы, то родители наших трактористов-комсомольцев дрожали от страха, боясь гнева Квакаца. Но, как видите, мы его не испугались и с честью завершили свое дело. Скоро мы подступим к самой Мамукской крепости.

— Если может вам что-нибудь посоветовать такой неразумный, как я, — робко произнес Абриа, — то я советую вам, сынок, не делать этого. Ох, как еще может разгневаться Квакаца.

— Все это хорошо, — сказал Коринтели, — но как поднять механизмы на такую высокую гору?

— Это отсюда такие крутые склоны, а с северо-востока туда ведет довольно широкая дорога,—разъяснил Цихистави.—Плато — часть большого плоскогорья, которое называют Гвелети. Оно занимает не одну тысячу гектаров целины и принадлежит бермухскому колхозу. Эту землю нам предстоит освоить под виноградники.

Цихистави увлекся было планом предстоящих работ. Но с той стороны реки тронулся паром.

На берегу сразу же стало оживленней. Пастухи гоняли баранту. Абриа, присев на корточки, ласкал измученного жарой черного барана, освежал его водой. К причалу спешили крестьяне с лопатами, кирками, топорами.

— Заалазанцы идут строить ГЭС! — радостно воскликнул Цихистави.

Церодена кинулся к причалившему парому, чтобы занять местечко поудобнее, но Цихистави вежливо остановил его:

— Пусть сначала переправляют баранту — жаль животных.

Рослый баран возглавлял стадо. За ним двинулись овцы. Чабаны направляли их, тащили за уши, несли на руках, как детей.

Цихистави крикнул Абриа:

— Не лучше ли переправить овец в две очереди?

Абриа заупрямился:

— Нет, перевезем всех сразу. За нами идет трехтысячное стадо. Так мы до вечера провозимся.

Паром достиг уже середины реки, когда какой-то прыткий черный баран, поскользнувшись, сорвался в воду. За ним прыгнуло несколько овец.

Три чабана быстро разделись и кинулись спасать животных. С парома свалился и тот самый черный баран, за которым так нежно ухаживал на берегу Абриа.

Проворно сбросил с себя одежду Абриа. Заросший весь волосами, он походил на лешего. Цихистави и Коринтели с удивлением смотрели на этого огромного человека, который с юношеской ловкостью бросился в бушующую Алазань.

Чабаны вытащили из воды барана и овец. Оставалось спасти последнего, черного барана, которого течением отнесло далеко в сторону. За ним отважно плыл Абриа.

— Какой удивительный старик. Сколько ему лет? — спросил Коринтели у Цихистави. Он вспомнил о мужестве восьмидесятидвухлетнего царя Ираклия, который бился с иранским шахом, по-юношески рубил саблей.

Стоящий за спиной Цихистави молодой чабан усмехнулся:

— Если бы этот черный баран не был его собственностью, разве бы он так старался, наш Абриа?

XV

Коринтели спасался от тоски работой. С утра он отправлялся на микроучасток, на колхозные виноградники, а вечером допоздна трудился над своей книгой «Ампелография». Он полностью выключился из домашней жизни и за день перебрасывался лишь несколькими словами то с Майей, то с Андро.

Засуха угрожала винограднику. Он мог погибнуть. Опустив голову, ходил Коринтели между рядами лоз, срывал засохшие листья, осматривал тощие стволы. Что делать? Природа, казалось, решила одним ударом уничтожить плоды большого труда множества людей.

Огорченный вышел он из виноградника, прикрыл за собой калитку и пошел по тропинке, что вела к сараю для саженцев.

— Батоно профессор, — сказал ему одноглазый Гайоз, — вчера целый день вас разыскивал какой-то старик из Телави. Он раза три:

приходил сюда. Я посоветовал ему заглянуть к вам в гостиницу, но он отказался. Обещал сегодня снова сюда навеститься.

Коринтели забеспокоился. Кто бы это мог быть? Он расспросил Гай-оза о внешности того человека. Выходило, что это был не кто иной, как дядя Нико. Но что привело его сюда? Ведь они недавно виделись. И почему он избегает встречи в доме? Коринтели недоуменно повел плечами. Вероятно, случилось что-то весьма важное. Что именно?

Ему недолго пришлось ждать ответа на эти неожиданно возникшие вопросы. Навстречу ему шел дядя Нико.

— Я уже второй день ищу тебя, Вахтанг! — сказал он, волнуясь.

— Что случилось, дядя Нико?

Тот медлил с ответом.

— В гостиницу ко мне ты не заглядывал? — спросил Коринтели.

— Нет, у меня не было желания встретиться там с тетей Варей и Медико. Здесь, в конце села, живет один мой родственник, у него я и остановился. Я искал тебя всюду, но никто не знал, где ты. Какая-то молодая женщина сказала, что ты на строительстве ГЭС в Гвелети, и я уже собирался туда.

Коринтели еле держался на ногах, его одолевало дурное предчувствие.

— Давай присядем, дядя Нико. Скажи, что случилось?

— Ничего особенного. Но я принес тебе довольно неприятную весть, Вахтанг.

— Какую?

Дядя Нико глубоко вздохнул.

— Позавчера ночью я встретил заведующего артелью, где служит эта чертова тетя Варя. Он спросил меня: «Не встречаете ли вы Варю, вдову Джорджадзе?» «Встречаю», — ответил я. Потом он сообщил, что ей пришло письмо из Парижа, почтальон уже третий день ее разыскивает, и передал мне пакет. Взял я его и, знаешь, не смог удержаться — вскрыл. Я поступил, конечно, недостойно, и не будь этого письма из Парижа, адресованного тете Варе, я никогда бы такого не сделал. Но помнишь, Вахтанг, я говорил тебе в Телави: там, где тебя нет, я — твои глаза и твои уши. Поэтому-то я и позволил себе вскрыть чужое письмо. Вот оно.

И дядя Нико вытащил из бокового кармана пиджака большой конверт.

В нем Коринтели обнаружил письмо Ефимии и несколько фотографий Люсьена Шаркутье.

«...Люсьен, как я уже тебе писала, страдает меланхолией, — читал Коринтели. — Позавчера он возвратился в Париж после длительного путешествия. По его поручению шлю тебе для Медико эти фотографии. Он передает ей пламенные поцелуи и молит вернуться к нему».

Коринтели вложил фотографии и письмо в конверт.

— Теперь мне все ясно, дядя Нико, — сказал он. — А письмо пошли тете Варе.

Медея, уступив настойчивым просьбам тетки, решила проветрить свой гардероб.

Она заставила шофера и Майю вытащить во двор огромные ковры и кожаные чемоданы.

— Это лишь часть моего парижского добра, — сказала печально Медея. — Я собиралась вернуть его Люсьену, но тетя Ефимия запретила.

Она вынула из чемоданов платья — первоклассные изделия парижских мастериц. Здесь же лежали макинтоши и шубы. У тети Вари горели от зависти глаза.

Ее отвлек Андро — в руках у него было адресованное ей ¹⁴¹³⁵⁷⁴⁰ ~~письмо~~ ⁸¹⁷³⁹¹⁰³³³.

— Где ты взял его?

— Один телавский шофер передал для вас, — ответил Андро.

Тетя Варя вскочила и, что-то шепнув Медею по-французски, открыла конверт.

— Очки! — крикнула она.

Медея подала ей очки.

— Письмо от Ефимии, — радостно воскликнула тетя Варя и принялась читать.

Дочитав письмо до конца, она сказала:

— А я ведь и впрямь ясновидящая. Ты сомневалась, примет ли он тебя? Человек из-за тебя заболел меланхолией, понятно? Да он будет целовать твои пятки.

Заметив вблизи Майю, тетя Варя замолчала. Потом она принялась разглядывать фотографии.

— Люсьен блаженствует в Монте-Карло, играет, — рассказывала она своей племяннице. — Он отдыхает в Ницце на веранде гостиницы «Мажестик». Вокруг него множество китайских ваз, украшенных белыми цветами. Начинается путешествие по Италии! — произнесла она в таком восторге, словно сама была участницей этого путешествия.

Долго рассматривали тетя Варя и Медея фотографии, на которых было зафиксировано путешествие Люсьена Шаркутье по Италии, потом, сложив все карточки вместе и тяжело вздохнув, тетя Варя заключила:

— На этих фотографиях не хватает только тебя, моя дорогая.

Она хотела сказать еще что-то, но вблизи послышались шаги. Тетя Варя быстро спрятала фотографии и письмо.

Вошел Коринтели.

Медея, взглянув на усталое, покрасневшее от жары лицо мужа, сказала:

— Все это плохо кончится, Вахтанг.

— Что именно? — иронически спросил тот.

— Посмотри в зеркало, на кого ты похож. Разве можно с твоим здоровьем работать в такую жару?

— А я думал, ты говоришь о другом.

Медея сделала вид, что не расслышала этой фразы. Тетя Варя же сразу взяла менторский тон.

— Вы должны беречь свое здоровье... —

— Приготовь Вахтангу завтрак, — крикнула Медея показавшейся во дворе Майе.

Вахтанг пошел домой. Но он отказался от завтрака, переоделся и попросил Майю позвать Андро. Жене он заявил, что едет в Кварели на совещание.

Тетя Варя, посмотрев на нетронутый завтрак, сказала испуганно Медею:

— А вдруг Андро показал ему это письмо?

— Вахтанг никогда не позволил бы себе открыть его, — ответила Медея.

XVI

Абриа-злослычный вернулся домой одуревшим от вина. Еще не войдя во двор, он начал звать жену:

— Мао! Мао-о!

Мао пекла хлеб в тонэ и не сразу ответила мужу.

— Мао! Мао-о! — раздавался его крик.

Со двора выглянула Тетро, его внучка. Она была в разводе с мужем,

и Абриа не любил ее.

Увидев Тетро, Абриа рывкнул на нее, как на ненавистную собаку.

Тетро убежала и позвала бабушку.

— Куда ты, к черту, девалась?! — заорал Абриа.

— Хлеб пекла, — дрожа, отвечала вымазанная в муке и обливающаяся потом Мао.

— На кой черт тебе хлеб, старуха, когда все горит от жары? Дай мне воды!

— Воды нет. Я пекла хлеб, Тетро шила, остальные ушли на собрание, — оправдывалась Мао, — некого было послать за водой.

Абриа не унимался.

— Все кругом горит от жары, высохли пастбища, погибают овцы, а мои внуки ходят по собраниям, шьют себе платья и чешут языки!

Мао покорно скрестила на груди руки. Ее молчание только подлило масла в огонь.

— Разгневали Квакаца! Построили сарай на участке Мамуки, засадили лозы, по костям святых проехали на тракторах! Квакаца всех за это накажет! — грозился Абриа.

— У меня хлеб подгорит, — робко произнесла Мао, намереваясь вернуться к тонэ.

— Мао-о! — заорал снова Абриа. — Воды!

— Где я тебе сейчас воду возьму? Я сама умираю от жажды у раскаленной тонэ.

— Воды, говорят тебе, скорей!

Тогда Мао принесла кислое молоко.

Абриа пригубил кружку, поморщился, сплюнул и со злостью швырнул кружку в Мао. Та успела увернуться.

— Это прокисшее мацони вылей на могилу своих мертвецов! — ругался Абриа.

— Сегодняшнее оно, клянусь Святым Георгием, — успокаивала его Мао.

— Пусть покарает тебя Квакаца!

Мао молчала. Она снова попыталась возвратиться к тонэ.

— Хлеб пригорит, — умоляюще сказала она.

Абриа не отпускал ее.

— Какого дьявола ждете? — корил он ее и всех домашних.

— А что мы должны делать, человек?

— Почему не идете на дидеба¹, почему не украсите гугаю², или бросьте в воду кости покойников и этим умиротворите Квакаца. Не забывайте, что мы, тушинцы, — его слуги.

— Я ведь одна, — отвечала Мао. — Куда мне идти одной?

— Как это — одной? У тебя семь невесток да около двадцати племянников и их жен.

— Что ты говоришь? Ведь они комсомольцы. Кто разрешит им идти на дидеба, или устраивать гугаю, или бросать в реку кости покойников?

¹ Дидеба — старинный обычай, согласно которому женщины во время засухи обходили босиком деревню, собирали по горсточке пшеницу и приносили ее в дар иконе.

² Гугая — венчальная девичья одежда, которую, согласно тушинскому обычаю, девушки надевали на палку, отправлялись к реке, опускали в воду и пели: «Боже, приноси дождь, не хотим больше засухи».

— Сегодня же собери женщин, — настаивал на своем Абриа, — идите к Квакаца. И Тетро возьмите с собой.

— Мы-то, старухи, пойдем, — соглашалась Мао. — А Тетро — комсомолка, она не пойдет.

— Знать ничего не хочу, — не успокаивался Абриа. — Пусть идет с вами. Не то — чтобы я ее больше здесь не видел.

* * *

Еще с весны из Бермухи в райком партии стали поступать сигналы о неблагополучии на овцеводческой ферме. Случилось то, что обычно случается: занявшись одним, в данном случае — виноградниками и строительством ГЭС, — забывают о другом. Внимание к овцеводческой ферме ослабло, и этим кое-кто воспользовался. Правление создало комиссию во главе со свинопасом Попола.

Обнаружилось, что на телавском базаре какие-то неизвестные лица продавали ягнят, привезенных из Бермухи. На ферме увеличился падеж скота и появились даже угрожающие признаки сибирской язвы. Зоотехник говорил, что его вызывают в райком, а на самом же деле он отправлялся в Кварели — к своим друзьям и там пьянствовал.

Комиссия не могла пройти и мимо таких фактов, что овечья отара, за которой присматривал Абриа Уджираули, осталась как-то ночью без присмотра, на нее напал медведь и погибло пять овец.

А потом, спустя месяц, пропало еще несколько. Затягивалась стрижка овец, их перегон на летние пастбища.

Абриа ссылался на то, что засуха уничтожила растительность на горе Сперозия, на горах Сакория, Дидо, и поэтому, мол, нечего гнать туда овец. Когда же председатель колхоза Тедо Таралашвили с ним не согласился и настоял на том, чтобы погнать отару в горы, Абриа задержал почему-то часть овец в Бермухе и сам, прикинувшись больным, остался дома.

Когда комиссия попросила у Абриа объяснений, он наорал на нее:

— Вы сами виноваты во всем случившемся. Развели виноградники. На земле Девяти дубов не осталось и травинки. Теперь взялись за гвелетскую землю. Разгневали Святого Георгия — Квакаца, вот он и послал на нас засуху. Как было не оголодать баранте?

Выходило так, что во всем повинен, главным образом, председатель колхоза.

Кончилось тем, что колхозное собрание сняло Абриа-злословного с поста бригадира и заодно — за либеральное отношение к лодырям и расхитителям колхозного добра — освободило Тедо Таралашвили. Ему, вероятно, досталось бы еще больше, но учли его прошлые боевые заслуги. Председателем колхоза единодушно избрали Годердзи Эланидзе.

Абриа негодовал. После собрания он пошел к своему брату Лео, чтобы с ним, как говорится, отвести душу. Они изрядно выпили. Абриа всячески поносил колхозного парторга Габо Цискарашвили и Годердзи.

— Пока я жив, — шумел Абриа, — Годердзи не дождетя того, чтобы жениться на Нуу. Я силой заставлю ее выйти за этого Коберидзе.

Он вспомнил Канкре и принялся ругать его.

— Изменил нам Канкре, на задних лапках стоит он перед Годердзи после того, как тот набил ему морду... Баба он, слонтяй, а не мужчина!

Запасы чачи¹ у Лео истожились, и тогда Абриа схватил свою палку и побрел домой.

¹ Чача — виноградная водка.

Здесь его обуял новый приступ ярости. Хозяйский его глаз, пусть и пьяный, сразу же обнаружил уйму непорядков. Во-первых, была открыта калитка. «Это, вероятно, Тетро забыла ее запереть»,—зло подумал Абриа. Во дворе разгуливала свинья Лалбацы. Если бы сейчас ему попался ее хозяин, он, не задумываясь, раскроил бы ему череп своей дубиной.

— Мао-о! Мао-о!—вопил Абриа, забыв, что его старухи нет дома, что она вместе с другим женщинами из рода Уджираули пошла, как требовал того недавно Абриа, к церкви Святого Георгия на дидеба.

На его крик откликнулись только гуси, разгуливавшие по двору.

Абриа начал звать внучку:

— Тетро! А, Тетро-о-о-о!

Но и ее не было дома.

Взмахнув палкой, Абриа кинулся преследовать свинью. Та, взвизгнув, скрылась в густых зарослях кукурузы.

Тогда Абриа повернулся к дому соседа своего, Лалбацы.

— Лалбаца, ау, Лалбаца-а! — кричал он. — Будь ты проклят, собачий сын!

Не довольствуясь этим, он спустил с цепи овчарку Бролу и при ее поддержке начал наступление на укрывшуюся в зарослях кукурузы свинью Лалбацы. Долго гоняли они ее, пока, наконец, не загнали в угол двора. Тогда пьяный выхватил кинжал и пырнул затравленное животное в брюхо. Когда свинья испустила дух, он взвалил ее на плечи и бросил в крапиву, росшую во дворе второго его соседа, Швела Габедандзе, которого сегодня назначили бригадиром вместо Абриа.

Как ни был Абриа пьян, но он не потерял рассудка и рассчитывал одним выстрелом убить двух зайцев: Лалбаца заподозрит Швела в том, что тот заколол свинью, и, таким образом, оба его врага сцепятся друг с другом.

XVII

— Микроучастку кое-как помогли, но другие виноградники гибнут. Где взять воду, чтобы их оросить? — спрашивал Годердзи у Цихистави.

Годердзи не первый год знал секретаря райкома партии и не раз убеждался в его прозорливости. Цихистави всегда трезво взвешивал «за» и «против», «плюсы» и «минусы» и находил выход из затруднений. Он никогда не опускал рук перед трудностями, и это очень нравилось в нем Годердзи.

Но теперь Годердзи думал: «А что может сделать Цихистави? Не родит же он воду?»

Молодой председатель колхоза видел, что серьезно встревожен и Коринтели — он ищет и не находит выхода из беды, которая угрожает их виноградникам.

Это был не многолетний виноградник, у которого корневая система сидит глубоко в земле, а юные посадки, весьма чувствительные к малейшим изменениям влажности почвы. Гибель виноградников на плоскогорье Девяти дубов подорвала бы авторитет профессора Коринтели. Ему оказали доверие, а он его не оправдал. Ссылку на волокиту и саботаж со стороны главного инженера «Сельэлектро» вряд ли кто принял бы во внимание. Судят не победителей, а побежденных...

Коринтели представлял себе, как возрадуются его противники. Не все в Наркомземе Грузии поддерживали идею закладки виноградников

в Бермухе. Против этого выступал и начальник одного из отделов агроном Биланишвили. Он утверждал, что дело это безнадежное.

Коринтели знал, конечно, что плоскогорье Девяти дубов каменистое, оторванное от окружающего земельного массива. После того, как землю эту очистят от диких зарослей и тем самым оголят ее верхние слои, солнце и ветры высушат ее еще больше. А виноградники нуждаются в орошении. Без воды не цвести лозе. И он, как и Цихистави, который уверовал в него и горячо поддержал, возлагал надежду на ГЭС. Если бы не проклятый Церодена, из-за которого потеряли три драгоценных месяца, вода была бы. А теперь...

Возникшая опасность еще больше сблизила ученого и секретаря райкома.

* * *

Годердзи и семь бригадиров встретили Цихистави, Коринтели, инструктора ЦК Ахалкаци и главного инженера «Сельэлектро» возле Мамукской крепости.

Церодена доказывал, что строить канал для такой маленькой ГЭС — значит разбазаривать государственные средства. Цихистави и Коринтели ему возражали. Их поддержал Ахалкаци. Церодена вынужден был сдаться. Он сказал:

— Пусть будет по-вашему. Ваша сабля, моя шея.

* * *

В окрестностях крепости царила тишина. Над разрушенными башнями и бойницами высились деревья инжира. Все вокруг заросло диким кустарником. Из ежевичных зарослей выползали осоловевшие от жары змеи.

По всему, что открывалось человеческому глазу, можно было судить о том, как жестоко свирепствовали здесь смерть и насилие. В главном зале дворца богохульного эристава выросли огромные дубы и осины. Коринтели внимательно осмотрел их и заключил: каждому дереву не менее тысячи лет.

Жалко разевали свои пасти древние камины. Сохранились остатки голнарских каменных кувшинов, приспособленных для выжимки масел, обломки орнаментов, изуродованных железных дверей и окон.

— В эту махину запрягали рабов, вертели ее и таким образом добывали масло, — пояснил Коринтели, взявший на себя роль гида. Он рассказывал так, будто был управляющим крепости эристава Мамуки.

— Это главный зал, там — спальные комнаты, а здесь — веранда. Алазанская долина с этой веранды, как на ладони. А это церковь, в которой покоится икона всесильного Квакаца. Купол ее подобен сванской шапке. Построена она не позже IX—X веков. Должен сказать, что это единственный храм во всей Грузии, кроме Некреса, где в виде приношений брали только свинью. Надо полагать, что местные монахи любили свинину.

Сюда приходили не только молиться, но и пригоняли скот, привозили невест. Горцы искали здесь своих кровных врагов. Бились они, конечно, за церковной оградой, бились саблями. В борьбу вступала вся семья, затем весь род.

Все подошли к железным, изъеденным ржавчиной дверям старой церкви. Эристава, епископ и святые, изображенные на полустертых фресках, походили на ободранных нищих.

Коринтели всмотрелся в портрет человека с длинными усами. Он си-

дел в кресле, положив правую руку на эфес сабли, а в левой держал щит величиной с колесо арбы. Это и был сам эристав Мамука.

На противоположной стене сохранилось изображение корикоза. На его лице, цвета яичного желтка, выделялась черная борода. Туловище его было так примитивно нарисовано, что он более походил на детскую куклу, чем на человека. Низкорослый архиепископ зло пялил глаза на представительного феодала.

В Бермухе под старым дубом Цихистави, Коринтели и их спутников ждали сотни людей. Они собрались, чтобы двинуться на штурм крепости Мамуки. Стихийно возник митинг. Говорили коротко и ясно:

— Наша героическая партия ведет народ вперед, и потому не страшны нам ни враги, ни стихийные силы природы.

После этого тронулись в путь.

Впереди шли люди со знаменами, лопатами, топорами, кирками. Молодежь затянула песню.

За людьми колонной двигалась техника: тракторы, бульдозеры, грейдеры, рипперы, бетономешалки.

Позади всех тряслась потрепанная трехтонка, груженная мешками, корзинами, кувшинами с вином. На мешках восседали мельник Ниортава и его «ангелы-хранители» — Канкре, Лалбаца и Гагрия.

— Везем приношение Святому Георгию, ребята, — гримасничал Ниортава, обгрызая вареный початок кукурузы.

— Эй, ты, толстопузый, не поминай лихом Квакаца! — смеялся Лалбаца.

— Ты, длинный, как весло, лучше о себе побеспокойся, — отвечал Ниортава. — Да, забыл! — паясничал он. — Квакаца с тобой ничего не сможет сделать.

— Это почему? — крикнул Канкре.

— Квакаца всемогущ, но свести с ума сумасшедшего не может даже он, — сказал Ниортава и, окончив глодать початок, швырнул его в Канкре.

— Что ты делаешь, чертов сын? — вспылил Канкре.

Тогда Ниортава принял серьезный вид и как бы посочувствовал ему:

— Ты не должен был бы сегодня ехать с нами, мой дорогой Канкре. Ведь у тебя может там начаться зубная боль и колики в животе.

Канкре не понимал шуток.

— Что ты мелешь, старый обманщик! Если я еду, то буду работать, как следует. Пусть отсохнет твоя пустая болтливая тыква.

Ниортава не лез за словом в карман.

— Ты ведь кроме ловли рыбы да кражи арбузов ничем днем не занимаешься, а по ночам заглядываешь в курятники к вдовам.

— В курятниках видели не меня, а тебя, — отбивался Канкре. — Ты — тень бутылки! Любой петух выше тебя, и какая баба... Хе... хе... хе...

Кто знает, как долго острословили бы друзья, если бы машина не оказалась уже поблизости от Мамукской крепости.

Канкре сразу же принялся сгружать мешки. Раскинув свои длинные руки, он вместе с мешком прихватил Ниортава. Мельник не растерялся. Он поправил спустившиеся штаны и спокойно сказал:

— Будь здоров, Канкре. Я давно уже не сидел на ишаке.

* * *

Никогда, кроме церковных праздников, не бывало в этих местах столько народу. Новая жизнь могуче ворвалась в этот мертвый город, чтобы воскресить его к жизни.

И Мамука ожила! Над всем Гвелетским плоскогорьем гремела сейчас величественная симфония труда. Голоса людей слились с ударами лопат, топоров, кирок, молотков, с гудением тракторов, бульдозеров и бетономешалок, с визжанием пил...

Люди не знали усталости. Они были объаты единым порывом. Нельзя было терять ни дня, ни минуты. Виноградные лозы торопили их. Нужно было наверстать упущенное.

Никого не приходилось подстегивать. Каждый был увлечен работой и старался внести свой вклад в общее дело.

Сюда пришли потомки тех тушинцев, которые помогали когда-то царю Ираклию в те годы, когда он, оставив окруженную лезгинами и османами крепость на родной земле, смело пошел походом в Дагестан и тем самым снял осаду, — Цискаришвили, Торгваидзе, Эланидзе, Набаидзе, Каадзе, Хекодзе...

Здесь отважно трудились потомки тех мужественных воинов, которые воевали в Крцаниси и Аспиндзе в отряде царя Ираклия, — Аладашвили, Махарашвили, Пейкришвили, Квиринашвили, Махниашвили и Мазашвили, Наврозашвили и Сапрошвили...

Наше время потребовало от них трудового героизма, и они его проявили.

Пять братьев Деметрашвили — известные заааланские плотники — мастерили опалубку для заливки бетона. Три брата Джохадзе тесали камни для здания ГЭС.

Наши бермуховские друзья — Вано Хелашвили, Ника Уджираули и Коля Соколов образовали бригаду трактористов.

На стройке работали пятнадцать внуков Абриа и Лео Уджираули.

Коринтели держал в руке рулетку и ватерпас. Он, пренебрегая запретами врачей, находился здесь целыми днями, проверял ровность траншей.

Как доменщики возле раскаленного металла, обливаясь потом, работали в невыносимую жару Канкре, Лалбаца и Гагрия. Бермуховцы были удивлены: что произошло с этими лентяями, которые многие годы только тем и славились, что занимались браконьерством и пьянствовали?

Когда двенадцать сильных мужчин снимали с пятитонной машины турбину, Канкре, занятый своим делом, заметил, что им трудно, и подставил свое плечо.

Где требовалась помощь, там немедленно появлялись Лалбаца, Гагрия, Канкре, и работа закипала.

Шутками и смехом подтягивали они товарищей, и сами были рады тому, что постигли в конце концов известную истину: если человек берет с любовью за дело, он превращается в творца — и тяжелое бремя труда теряет свою тяжесть.

Когда приступили к установке турбины и агрегатов, с электромехаником Годабрелидзе случился солнечный удар. Заменить его было некем. Канкре разыскал Цихистави и сказал ему:

— Разрешите мне стать на место Годабрелидзе.

Цихистави тем более недоверчиво отнесся к этому предложению, что слышал о Канкре много дурного.

— А что ты, парень, понимаешь в этом деле? — сказал он ему.

— Что понимаю — покажет дело, — ответил Канкре.

Выяснилось, что Канкре несколько лет работал электромехаником в Тбилиси. И он успешно заменил выбывшего из строя товарища.

Не узнать было и Лалбацы. Раньше он так неловко орудовал мотыгой и киркой, что у них то и дело ломались рукоятки. Ниортава шутил: «Лалбаца гораздо больше времени тратит на починку рукояток, чем на работу». А теперь он трудился рядом с Канкре, выполнял все его поручения.

На Гвелетском плато, в окрестностях Мамукской крепости стоял нестерпимый зной. Дул восточный ветер, не приносящий прохлады и поднимающий столбы пыли. Женщины и дети не успевали подносить воду землекопам, бетонщикам, арматурщикам. «Воды!» — слышалось повсюду. Больше всего ее требовали электросварщики, у которых на лица были надеты металлические маски, наподобие тех, которые носили древние рыцари.

Фронт работ растянулся на несколько километров. Не всюду могли проходить машины. На некоторые участки приходилось доставлять цемент, известь, арматуру и щебень на осликах или — того проще — собственными руками.

А зной, как назло, усиливался. В тени — и то было сорок пять градусов. Ветерок замер. Деревья протянули ветви ввысь, словно молили небо ниспослать живительную влагу. Листья стали, словно жестяные.

К озерам и родникам устремились звери, птицы и пресмыкающиеся.

* * *

Коринтели то и дело прикладывал мокрый носовой платок к вискам. Цихистави говорил ему:

— Приходите только в утренние часы. Отдайте распоряжения и возвращайтесь домой. В такую жару вам здесь не место. Поберегите свое здоровье.

Но Коринтели по-прежнему проводил в Мамуке целый день — с утра до вечера.

Тяжелей жары был для него страх за виноградники. Здесь, на людях, он чувствовал себя лучше. Видя, с каким энтузиазмом они работают, он верил, что недалек тот день и час, когда бермухские лозы будут спасены.

Цихистави и Коринтели поднялись на утес и с него взглянули на плато, врезавшееся треугольником в окружающие леса. Со всех сторон его обступили огромные валуны. Кавказский хребет был подернут сейчас меловыми пушинками облаков.

— Здесь много народу разместится, — сказал Цихистави. — А видите, Вахтанг, на том холме мы поставим памятник Ленину, вокруг разобьем цветники. Правее и левее от него вырастут жилые дома, школа, клуб, больница, колхозные постройки. Скоро появятся переселенцы. В первом квартале будущего года нам должны отпустить для них тысячу готовых домов. От Бермухи сюда проложат асфальтированное шоссе.

Они спустились на плато. Внимание Коринтели привлекли кусты шиповника. Рубиновые его плоды сверкали на фоне пожелтевших листьев.

Цихистави отвлек его:

— Нас ждут большие дела, Вахтанг. На этом плато будет прекрасно расти лоза. Не так ли?

— Позавчера я обошел плато и почти везде видел индикатор¹, —

¹ Под индикатором в данном случае подразумевается растение, которое свидетельствует, что в этих местах, на этой почве может расти виноградная лоза.

ответил Коринтели.—Под виноградники можно освоить до тысячи гектаров. А вон там, на склоне оврага, — сказал он, улыбаясь, — я поставлю свой финский домик.

Коринтели указал рукой, чтобы уточнить место своего будущего жилища, и неожиданно для себя и Цихистави обнаружил в этом направлении группу людей. Они шли к церкви Квакаца. Среди них было несколько женщин в черных одеждах со свечами в руках и трое мужчин, которые тащили что-то в мешке.

— Сегодня Атенгеноба¹, — вспомнил Цихистави.—Состоится, вероятно, жертвоприношение.

Так оно и было. Тремя мужчинами оказались Абриа, Лео и пастух Поцхвери. Они тащили свинью.

У врат древней церкви все перекрестились. Абриа подтащил свинью к близрастущему дереву, зажег свечку и ею опалил свинье морду. Та яростно визжала, стараясь вырваться на свободу. Но ее крепко прижали к земле. Минуты ее были сочтены. Абриа сотворил молитву, и свинью закололи.

Поцхвери остался у мертвой туши, остальные вошли в церковь.

Под ее древними сводами прозвучало языческое заклинание:

«Дале, Ламре, Циборе летле сахристианцин, вайда чуишн, вай бешчушн, цкалобе, аминь»².

«Аминь», — повторили коленопреклоненные люди. Они молили всемогущего Квакаца ниспослать дождь на их страждущую от безводья землю.

— Последние слуги Квакаца, — сказал о них Цихистави.

На следующий день серые облака покрыли небо и на рассвете окропили землю. Старики превозносили Квакаца, который, якобы, внял их молитве. Но вскоре снова воссияло солнце и продолжило свое триумфальное шествие по побелевшему, словно лопотский мрамор, небу. К обеду подул сухой восточный ветер. Квакаца оказался глухим и отнюдь не всемогущим.

Не небо ниспослало спасение ссохшейся лозе, а его завоевали ей люди. Бермухская ГЭС была в конце концов пущена. Вода устремилась по каналу, пересекла склон и весело растеклась по оросительной сети.

Босоногие ребята бежали ей вслед и, пританцовывая, безудержно хлопали в ладоши. Женщины протягивали к воде руки, чтобы дотронуться. Старики суеверно крестились.

Счастливые бермуховцы встречали воду, как встречают долгожданного, дорогого гостя.

Когда-то греки, завидев Черное море, восторженно кричали: «Таласс! таласс!»³. Так же восторженно произносилось сейчас здесь спасительное слово «вода».

XVIII

Пришла кахетинская осень, обычно щедрая на плоды и краски. Но плодов на этот раз было мало. Горячие сухие ветры прошли над землей.

Абриа, Лео, Поцхвери и Уги Уджираули жили не в самой Бермухе, а неподалеку от нее, на склоне горы, отделенной от Бермухи глубокими оврагами. «Черным хутором» прозвали это место. Дурная была у него слава. Если случалось в Бермухе какое-нибудь несчастье—подозревали жителей «Черного хутора». Само это слово стало бранным. И молодежь

¹ Атенгеноба — праздник Св. Георгия.

² «Боже, ангелы гор и дол, помогите нам, христианам...» и т. д.

³ Таласс — море. (Греч.).

из семей Уджираули, проживавшая здесь, желая забыть прошлое, порвать с ним, назвала свой хутор «Красным».

Изменилось название хутора, но не изменилось место, на котором он стоял. Чтобы провести туда через овраги воду, нужно было строить дорогостоящие акведуки. А средств не было. Хутор оставался без воды.

Уджираули пытались потихоньку договориться с Цероденой. Из этого ничего не вышло. Тогда они озлобились.

После того, как Коринтели увидел, что его детище — виноградники на плоскогорье Девяти дубов спасены, он занялся своими делами.

На том самом холме в Гвелети, который давно облюбовал Коринтели, поставили пятикомнатный финский домик. Хозяин вставал чуть свет и работал вместе со столярами и каменщиками. На помощь им приходили Годердзи и Лалбаца. Возле дома разбили цветник. Сюда же пересадили многолетние фруктовые деревья, и сразу вырос большой сад.

Все удивлялись тому, с какой быстротой все это свершилось. Ведь еще совсем недавно, месяц назад, здесь были заросли колючего кустарника, боярышника и дикого кизила.

Тут же, на Гвелетском плато, двумя шеренгами, вдоль улицы, вытянулись двести стандартных домов для переселенцев. Построили клуб, амбулаторию, сельмаг, аптеку...

Медея, как мы помним, не раз жаловалась прежде на свое жилище. Но она не была в восторге и от нового дома. Он не радовал ни ее, ни тетю Варю. Все, говорят, познается в сравнении. Жизнь в гостинице была для них куда легче, удобнее.

Старая Майя не могла ежедневно подниматься в Гвелети и приходила лишь два раза в неделю. Медее и тете Варе пришлось самим заниматься хозяйством: готовить пищу, убирать комнаты, мыть посуду...

Повесишь днем сушить белье и, понадеявшись друг на друга, забудешь его внести в дом. Ночью вспомнишь и, как ошпаренная, сорвешься с постели. А на дворе ветер, гроза.

Чего проще, казалось бы, отварить картофель или поджарить мясо? Но картофель оказывался сырым, а мясо пережаренным.

А как трудно было мыть посуду!

Кроме этих неудобств новой жизни возникли и другие.

Бермуху часто навещали гости — родственницы из семей Вачнадзе, Джорджадзе, Русишвили. Приятно было вспомнить былое. Здесь эти люди появлялись реже.

Сельская жизнь, пусть и осложненная некоторыми заботами, все же благоприятно сказалась на здоровье тети Вари. Она заметно пополнила. Морщинистое лицо ее округлилось. Крепдешинное платье и лаковые туфли племянницы совсем преобразили ее.

Коринтели чувствовал себя явно хуже. Новый дом не принес ему покоя. Всюду его преследовал неприятный, визгливый голос тети Вари. И не только, конечно, голос. Он начал испытывать ненависть к этому человеку. Она раздражала и возмущала его. И это отношение к ней все больше и больше распространялось на Медею.

— Можешь сжечь свои парижские наряды! — крикнул Коринтели, когда увидел, как любовно она с тетей Варей снова и снова перебирает свой гардероб. — Тебе не придется больше щеголять в них на балах.

Медея вызывающе ответила:

— Кто знает, может быть, и придется.

Воскресным утром Коринтели был разбужен звуком горнов и грохотом барабанов. Он надел пижаму и подошел к окну.

Единым и стройным маршем поднимались на Гвелетское плато пионеры.

С радостью смотрел он на возбужденных ребятишек с красными галстуками. Сердце его пело:

«Воспрянь, народ мой, и весельем потряси молчание развалин крепостей, храмов, домов.

Воспрянь, народ мой, и утверди жизнь там, где она была уничтожена».

Но в этот момент он услышал за своей спиной знакомый, брюзжащий голос тети Вари:

— Только их не хватало в этом аду.

Коринтели негодуяюще хлопнул дверью и спустился в сад.

До его слуха донесся отдаленный шум машины. Защищаясь от солнца, он поднес к глазам руку и разглядел, как по изогнутой петлями дороге поднималась машина кизилового цвета. Порой она пропадала в красно-желтых кустах можжевельника и в густой листве деревьев, потом появлялась все ближе и ближе, блестя своими никелированными частями.

Коринтели направился было к воротам, чтобы встретить секретаря райкома, но когда машина повернула направо, он понял, что Цихистави приехал посмотреть, как устроились новоселы. Коринтели вернулся в сад, сел на большой серый камень и стал смотреть на горы.

По всей длине кахетинской части Главного Кавказского хребта протянулся понизу длинный белесый облачный шлейф. Казалось, что малахитовые горы подвешены между небом и землей.

Не прошло и двадцати минут, как у ворот раздался автомобильный гудок, и из машины вышел бодрый и заметно загоревший Цихистави.

Коринтели поспешил ему навстречу.

«Как обманчиво бывает первое впечатление, — думал он. — Сначала кажется, что от человека веет холодом, а приблизишься к нему — и тебя обдаст теплом».

— Вы, кажется, грустите, товарищ Вахтанг? — сказал Цихистави, открывая маленькую калитку. — Что ж, и погрустить порой не грешно.

Глаза его заискрились. Он понимающе, добро улыбнулся и окинул взглядом сад.

— А это что, Вахтанг?

— Это приусадебный участок первого поселенца Гвелети, — с гордостью произнес Коринтели. — В каких-нибудь десять дней посадил. Узнаете, что это за дерево?

— Унаби.

— Да, унаби, — подтвердил Коринтели. — Как удивительно корявы и кривы его ветви. Плоды его сначала походят на яхонты, а в период спелости — на рубины. И по своему удивительному вкусу они ни с чем не схожи.

— А что вы посадите на этих грядках?

— Здесь посажу до сотни лоз. Возможно, я и преувеличиваю, но я люблю виноград и считаю его царем ягод. Он лучше любых фруктов. Что может сравниться с ним по красоте и вкусу! Какой другой плод?! Я ведь недаром посвятил всю свою жизнь изучению виноградной лозы. Наш народ ее любит...

Цихистави утвердительно кивнул головой. Он взглянул на часы и заторопился идти.

— Вот-вот приедут товарищи из здравотдела и комитета по переселению. Мне нужно идти, товарищ Вахтанг. Скоро начнется совещание.

Завтра-послезавтра откроем амбулаторию. Да, вы знаете, кого назначили туда заведующим?

Коринтели вспомнил Сускию и смутился.

Цихистави заметил это.

— Эх, забыл я фамилию этого врача со странным именем,—сказал он. — Я встретился с ней летом у Нико Мирианашвили. Вы как-то говорили, что учились вместе с ней в Телави.

Значит, это была действительно Суския! Чтобы скрыть свое волнение, Коринтели закурил.

— Не Миндели? — робко произнес он.

— Да, Миндели. А как ее зовут? Кажется, Суския. Такого имени я нигде не слыхал. Она, говорят, опытный врач.

Коринтели с трудом сдерживал свое волнение. Он хотел, чтобы Цихистави вновь и вновь произносил ее имя — такое близкое и дорогое. Но Цихистави молчал.

— Когда придут переселенцы — рачинцы, пшавы и хевсуры? — спросил Коринтели.

— Один эшелон, вероятно, сегодня, а остальные завтра будут в Телави.

Коринтели хотел пригласить гостя на обед, но тут же вспомнил о тете Варе и запнулся. Мало ли что она может сморозить! Да и обед-то, который она приготовила, не рассчитан на гостей.

С огорчением простился он с Цихистави. Возможно, тот еще что-нибудь рассказал бы о Сускии. Хотелось поскорей увидеть ее.

Читая книги, мы поражаемся тому, как неожиданно и умело создает писатель сложные коллизии и, смело используя капризы случая, переносит героя в такое место, где его совершенно не ожидаешь встретить. Но ведь часто так поступает и сама жизнь, которая ежедневно и ежечасно творит свои непревзойденные, ненаписанные романы.

Мысль о Сускии не оставляла Коринтели. Он и раньше не раз порывался ехать в Телави, но ему удавалось побеждать это свое желание, держать в узде свое чувство. Он надеялся, что время сделает свое дело, и любовь, в конце концов, заглохнет: от огня останется только пепел.

Изредка приходили письма от дяди Нико, который скучал и звал его в гости. Коринтели благодарил и обещал приехать. И он, вероятно, давно бы уже снова съездил в Телави, если бы не Суския, хоть он и избегал встреч с ней.

«Все оставшиеся силы должны быть посвящены делу», — твердил он себе.

(Продолжение следует)

Георгий Качахидзе

ГНЕЗДО В ГОРАХ

Перевод с грузинского Ю. Лучанского

Меня рассвет нашел в ущелье,
Лучом касаясь век смеженных,
И —
 ласточкою улетел я,
Весь —
 в песнях,
 в крылья превращенных.
Ни тени сна.
Горы
 громада
Приподнялась
 в лесах по пояс,
А я крылом у водопада
Срезаю жемчуга прибоя.
Из дома
 в дом,
 добром
 стремимый,
Лечу
 на праздник пробуждѣнья,
По букварю девчурки милой
Крыло мое
 скользнуло тенью.
Лечу,
 зову
 и отзываюсь
Над берегами созиданья,
И тыщи рук,
 зарей взвиваясь,

Из тьмы лесов
 выводят зданья.
Я на плечо бетонной балки
Крылом своим облокотился.
Растут дома.
 Душой припал к ним —
С крыла
 рассвет
 росой
 скатился.
Повеселеют
 все строенья, —
Весь их фундамент —
 мощь
 державы.
И
 вьет
 мой птенчик
 в упоенье
Гнездо
 в горах золотоглавых.

Мурман Лебанидзе

БАЛЛАДА О СЕЛЬСКОМ ВРАЧЕ

Перевод с грузинского К. Ваншенкина

Белый конь проскакал на заре по селу,
О дорогу подковой звеня.
Небольшой узелок был привязан к седлу,
Пот горячий катился с коня.

И навстречу народ заспешил поскорей,
Стали женщин рыданья стихать,
Перед всадником ловким у самых дверей
Пала горем убитая мать.

Был у матери страшно измученный вид
И желала она одного:
«Доктор! Небо пускай тебя благословит,
Ты мне сына спаси моего!..»

Спрыгнул всадник — и ростом совсем невелик,
И одежда в рассветной росе —
Сбросил черную бурку и белый башлык,
И увидели девушку все.

«Где больной?..» И тогда расступились вокруг,
Чтоб дотронулись руки врача
До его молодых обессиленных рук,
До груди, что была горяча.

Да, три дня и три ночи сидела она
У широкой постели его,
Не желая тревожить тяжелого сна
И не видя кругом ничего.

Чем лечила она — догадаться нельзя —
Волшебством иль великой мольбой,
Но наутро на третье открыл он глаза:
И увидел ее пред собой.

«В детских снах лучезарных была ты со мной,
В том лесу, где шумели ручьи.
Я запомнил», — сказал, улыбаясь, больной
И опять замолчал в забытьи.

И поздравила девушка мать и родных
С тем, что юноша жив и здоров,
Попрощалась с людьми и оставила их,
И умчалась под грохот подков.

Сыну мать говорит: «Слава богу спасен!...»
Но у юноши пасмурный вид.
Под шумящей листвою, задумавшись, он
На дорогу с тоскою глядит.

Марина Гельви

Ласточкины гнезда

Папа купил тумбочку для радиоприемника. По этому случаю в доме сделали генеральную перестановку мебели. Вообще, у нас чуть что, сразу же мама берется все передвигать. Месяц тому назад передвигали мебель, потому что болела моя старшая сестра Лида, а еще раньше передвигали потому, что бабушка поссорилась с мамой и требовала хоть два квадратных метра изолированной площади. Она говорила: «Даже мертвым не отказывают в этом!». Тогда мама и бабушка так кричали друг на друга, так кричали!..

А все из-за квартиры. Очень она у нас неудобная. Вот смотрите: одна комната—столовая. В ней два окна, они на улицу выходят, и три двери. Одна дверь—в переднюю, другая — в маленькую спальню мамы и папы, третья—в кухню.

Квартира у нас вся заставлена вещами, и вещи все старые. Я бы, например, половину выбросил. Позавчера передвигали бабушкин платяной шкаф, Лида залезла наверх вытереть пыль и провалилась внутрь. Ох, и смеялась же мама, а бабушка заплакала и сказала:

— Неужели я не имею права на отдельную комнату? Чтобы мои вещи не ломались, не терялись...

Позавчера мы сделали так: взяли и перегородили столовую шкафами. Правда, стало еще теснее. Зато из одной комнаты получились две: бабушкина, с одним окном и дверью в переднюю, и наша, где спим я и Лида. Комната наша тоже с одним окном и дверями, которые ведут к маме с папой и в кухню. Папа пришел со службы и обрадовался: наконец-то выход найден! Но днем опять был скандал—пропали ножницы.

В нашем доме определенного места у вещей нет. Кому что нужно,—отыщет, но потом оставляет там, где теряет в этой вещи надобность.

В тот день в пропаже ножниц обвинили меня. Моя мама—учительница. Так вот она и стала доказывать:

— Виновник пропажи, Ваня, ты! Потому что, во-первых, около твоей кровати валяются нарезанные бумажки, во-вторых, ты искал ножницы все утро, в-третьих, я сама слышала, как твой дружок Сережа кричал со двора: «Ванька, неси ножницы!», в-четвертых...

Я не стал слушать, что в-четвертых. Я вспомнил, что оставил ножницы в саду, под сливой, со ствола которой мы скovyривали древесный клей, и побежал в сад.

Но ножниц там не оказалось.

Тогда папа взял ремень и стал ходить за мной по двору, тихонько приговаривая:

— А ну-ка, молодец, подойди поближе!

Я знал, что папа не ударит меня. Но в это время из окна кухни выглянула мама и крикнула:

— Иван (так зовут моего отца), если ты не выпорешь Ваньку, я из дома уйду! Ах, как все это мне надоело!...

И папа меня ударил.

Может быть, он и не хотел причинить мне боль, может быть, не так уж сильно он ударил, но от неожиданности и обиды я заорал что было силы и выскочил на улицу.

На другой стороне улицы недавно построили большой дом. В стене его сделали ящик для песка. Большой, как наша кухня. Вот я и подумал: «Домой не вернусь, буду ночевать в этом ящике».

Но вечером пришла Лида и рассказала, что дома все переругались. Оказывается, в течение часа Лида пробежала через бабушкину комнату одиннадцать раз, и бабушке все время приходилось вставать с постели (у моей бабушки болят ноги), чтобы закрывать за Лидой дверь в холодную переднюю. А ножницы оказались у бабушки под тюфяком. Она их сама утром в саду подобрала и спрятала.

Лида уговорила меня вернуться. Я пришел домой и вижу: все сидят за столом и обсуждают, как устроить, чтобы у бабушки была отдельная комната. Папа сказал, что нужно застеклить балкон. Тогда можно будет из кухни сделать комнату для бабушки, а обед готовить на застекленном балконе.

— Но даже если мы застеклим балкон, кухня все равно останется проходной,—печально сказала бабушка.

Мама нахмурилась. Я знал, о чем она думает. Она не хочет уступить свою спальню бабушке, потому что мы со дня на день ждем приезда старшего папиного брата с женой, а так как он любимец бабушки, то, конечно, она его вселит в спальню, и мы останемся в проходной комнате.

Но мама не говорит об этом бабушке. Мама говорит другое:

— Я не могу уступить вам спальню. Вы же знаете, как необходим мне и Ване отдых после адской работы в школе.

— Да, конечно, — торопливо соглашается бабушка. И я вижу, что ей как-то неловко и папе неловко. А мама уходит в спальню. Тогда я подхожу к папе и тихо спрашиваю:

— Неужели придется разрушить на балконе ласточкины гнезда?

Папа морщит лоб, долго думает и бормочет:

— О, как хотел бы я быть сейчас маленьким!..

Я не понимаю, зачем ему нужно это. Но я верю папе: папа никогда не врет.

И на другой и на третий день все разговоры в нашем доме так только и начинались: «Вот когда мы застеклим балкон...»

Как-то я попросил папу починить салазки. В сарай, где мы столярничали, пришла мама и сказала:

— А, собственно говоря, почему мы должны экономить, отказывать себе во многом и за счет этого строить галерею? Я же знаю, что все это затевается для твоего брата. Пусть он и хлопочет, когда придет!

Настали холода. Выпал снег. Вот была радость! Мы с Сережкой и Лидой до тех пор катались на салазках, пока совершенно не промочили ботинок. И еще бы катались. Но из подъезда нашего дома выбежала мама. «Ну,—думаю,—сейчас начнет ругать». А она даже не взглянула на мои ноги.

— Беги к доктору Максиму Захарычу! — торопливо приказала ма-
ма. — Скажи, пусть придет — бабушке очень плохо!

Я со всех ног пустился бежать к доктору.

— Да, вот так и живем, — тихо говорил Максим Захарыч, когда ба-
бушка забылась коротким, тяжелым сном, — одни уходят, другие при-
ходят...

— Надо перевезти ее в нашу спальню, — сказала мама.

— Да, там будет удобнее, — согласился доктор.

Раздвинули шкафы и повезли бабушку в спальню.

Два дня меня не пускали в школу. Я бегал в аптеку и играл на ули-
це в снежки. К нам приходили знакомые, шептались с мамой и папой и
уходили.

Ночью меня разбудил плач. Я открыл глаза и услышал голос Мак-
сима Захарыча:

— Ничего не поделаешь: жизнь есть жизнь...

Плакала мама.

Мы с Лидой выскочили из постелей и побежали в спальню. Но нас
не пустили к бабушке. Отвели в кухню. Через некоторое время к нам
вошла мама. Увидела, как плачет Лида, и вдруг сухо, раздраженно ска-
зала:

— Перестань!.. Отмучилась она... Да и отжила свое... А вот мы....

Она не договорила. Села на табурет и, прислонившись головой к
стене, закрыла глаза.

Ее помятое лицо застыло не то в гримасе боли, не то в странной
улыбке. Я не мог понять. И подумал, что вот теперь опять будет пере-
становка мебели... А мама вдруг стала походить на бабушку, хоть и не
была ее дочерью...

С Ы Н

— Эй ты! — окликнули откуда-то сверху.

Саша поднял голову. В чердачном отверстии сарая показалась и
быстро спряталась круглая, наголо остриженная голова. В тот же миг
над крышей сарая взвился флажок, на чердаке что-то затрещало, за-
играла дудка и срывающимся баском мальчишеский голос выкрикнул:

— Отдать концы!

И тот же голос на очень высоких нотах ответил:

— Есть отдать концы!

Потом начались выкрикивания то низким, то высоким голосом:

— Малый вперед!

— Есть малый вперед!

— Право руля на три румба!

— Есть право руля на три румба!

Саша от удивления раскрыл рот. А перед ним уже вертелся курно-
сый мальчишка.

— Здорово! — сказал он таким тоном, словно час назад расстался
с Сашей, и, кивнув в сторону чердака, деловито спросил:

— Поплыли?

Саша молчал. Тогда мальчик подошел к нему совсем близко, шепнул доверительно:

— Я — Генька-капитан. А еще я, знаешь, как бегаю! Вчера здесь кросс устраивали. Жаль, тебя не было... Ну ничего, ты ведь навсегда приехал.

— Нет, — тихо сказал Саша, — я только погостить.

— Не ври, твоя бабка Настя всем во дворе сказала...

— Что сказала? — насторожился Саша.

— Сказала, что только этой обузы ей и не хватало. Да еще до самого гроба.

Веря и не веря, Саша пытливо поглядел в глаза Геньке, опустил голову и, медленно повернувшись, ушел в комнату.

Пахло чисто вымытыми полами... На стене, оклеенной пестренькими обоями, тикали ходики. Саша сел у двери на сундучок, обвел взглядом чужую комнату, чужие вещи и заплакал. Где-то хлопнула дверь, он притих, прислушался и вдруг вспомнил прощание с матерью.

Бледная, растерянная, ходила она по комнате, говорила:

— Погостишь и вернешься... Бабушка добрая... И постарайся понравиться ей: ведь меня она не любит. Мы с ней только раз и виделись, когда отца твоего хоронили.

Саша вспомнил добрые глаза отца, сильные руки его — и расплакался:

— Не хочу я от тебя уезжать, мамочка! Разве я мешаю вам? Когда дядя Андрей с работы приходит, я всегда на улицу ухожу, потому что он так на меня смотрит, так смотрит...

Никогда не забудет Саша, что было дальше. Мать, ломая руки и странно потягиваясь, словно жгло ее что-то изнутри, прошептала: «С ума сойду!» и опустилась перед Сашей на колени. Она обхватила его, прижалась, зарыдала. Саша испугался: вдруг и вправду с ума сойдет. Перестал плакать, сказал:

— Хорошо, мама, раз так надо, я поеду.

Саша верил маме беззаветно. Слова Геньки не поколебали этой веры, а только усилили неприязнь к бабушке. Ведь встретила она его неприветливо. Только вошел в галерею, вместо поцелуев, оглядела всего, проворчала:

— Не в отца ты, сразу видать. Вернись к дверям, ноги вытри. У меня в доме домработниц нету.

А когда он, соскучившись к вечеру, пошел за ворота, окликнула:

— Иди-ка, дело дам!

«Ведьма», — подумал Саша.

Так начали они жить вместе.

* * *

Саша повернулся к стене, попробовал освободить свое плечо из чьих-то цепких пальцев, помычал недовольно и открыл глаза.

— Вставай! — наклонилась над ним бабушка.

Он посмотрел на нее непонимающе, вспомнил, что он не дома, и тоскливо произнес:

— К маме хочу.

— Так что ж, до приезда мамы лежать будешь?

За окном едва рассветало.

— Зачем так рано? — удивился Саша.

— Кто рано встает, тому бог подает.

— Ой, бабушка, полежу немножко..

— Ты как Тит, да?

— Какой Тит?

— А тот, что на печи полеживал. Зовут его: «Тит, иди ^{МОЛОТИТЬ!}». А он отвечает: «Живот болит». Нароботались люди, кушать сели: «Тит, иди кашу есть!» А он кричит: «Ой, ой, погодите, а где моя большая ложка?»

Саша весело рассмеялся. И сон прошел.

Одевшись, Саша побежал в кухню. Там было холодно. Он постоял перед умывальником, поежился и вдруг услышал, как в комнате то-ненько запела бабушка:

Цветики вы мои, лазоревы-и-я...

За окном розовело небо. Саша слушал песню и думал, что там, дома, мама уже встала и, собираясь на службу, вспоминает его. Может быть, она стоит у зеркала, нежная, красивая мама, такая, как эти цветы, про которые поет бабушка. А может быть, она так же, как он, собирается мыться.

Саша посмотрел на умывальник, вздохнул. Саша был в том возрасте, когда умывание считают глупой причудой взрослых. Но чтобы не огорчить бабушку, он решил поступить так, как поступал дома: намо-чил кончики пальцев, поводил ими по щекам, по лбу и схватился за по-лотенце.

В это время в кухню вошла бабушка.

— Сашок, погляди-ка в окно!

Саша подбежал к окну, осмотрел с любопытством двор и вопроша-юще оглянулся на бабушку. Она не улыбалась, глаза ее, светлые, ум-ные, насмешливо щурились.

Саше стало не по себе. «Чего это она?» — подумал он обеспокоенно.

— Ишь, как старается! — сказала бабушка, указав рукой на кры-шу сарая. Там, освещенная первыми лучами солнца, умывалась кошка.

— И я... — начал Саша неуверенно.

— Скорей умойся, Сашок, а то перед кошкой стыдно!

— Так я уже...

Но она перебила:

— За столом тебя подожду. Лицо-то твое от грязи полосатое.

Саша покраснел и бросился к умывальнику.

После завтрака бабушка повела Сашу в сад. Маленький, с узки-ми, заросшими травой дорожками, он весь пестрел цветами. Саша побе-жал в конец сада, спрятался за куст сирени.

— Сашок! — позвала бабушка.

«Тише, — сказал сам себе Саша, — пусть ищет. Я индеец, а она — белый. Нет, пусть я индеец, а она тоже индеец, но из другого племени».

Саша лег на живот и пополз вдоль забора.

— Ты чего тут лазишь? — пробасил кто-то над самым ухом. Саша ахнул. Но в широкую щель забора глядел смеющийся глаз Геньки. Са-ша встал, подбоченился:

— А чего тебе надо?

— У меня мяч есть. Хочешь, в футбол погоняем? На улице вся коман-да собралась!

Саша обрадовался, побежал к калитке. Но бабушка откуда-то из-за куста схватила его за руку:

— Делу — время, потехе — час. И порядку моего ты не нарушай. Возьми вот, окопай осторожно цветы.

Лопата показалась Саше тяжелой и неудобной, земля — противно липкой. Прислушиваясь к звонким голосам мальчишек, играющих на:

улице в футбол, он вдруг почувствовал себя очень несчастным. К горлу подкатил какой-то комочек, на глазах выступили слезы, но он проглотил слюну и загородил плечом лицо свое от бабушки.

Работали молча. А у Саши такой характер: не может он долго дуть с водой поднять, сказал:

— Давай помогу.

Бабушка чуть удивилась и подобрела:

— Небось проголодался?

— Ага, — сказал Саша. Вылил из лейки воду и пошел к калитке.

— Ты куда? — спросила бабушка.

— Поем чего-нибудь.

— А есть вместе нужно. Вот кончим эту грядку и пообедаем.

Саша вздохнул и вернулся. Он решил не спорить. В конце-то концов не зимовать же ему тут. Приедет мама — и кончится эта трудная жизнь.

* * *

Но дни проходили за днями, Саша уже и счет им потерял, а мама все не приезжала.

На Сашу бабушка такую уйму обязанностей возложила, что и погоревать-то было некогда. Да еще и в школу начал ходить, чтобы не отстать в учебе.

Проходя мимо беспечного, всегда улыбающегося Геньки, Саша ставил ведро с водой на землю, жаловался:

— Уморить она меня, что ли, хочет? Все кости ноют.

— Эксплуатирует, значит? Нету житья мальчишкам. В «Пионерской правде» пишут: «Идите в походы, открывайте богатства нашей Родины!» А мать со двора не выпускает; коленку об чего-нибудь обдеру, — бьет.

— Моя мама никогда меня не била, — с гордостью произнес Саша. Генька, сплюнув, сказал:

— Значит сознательная. Много тебе еще таскать воды-то? Где другое ведро?

Саша любил Геньку. Генька — единственный человек, который понимал его. Бабушка, например, не любила говорить о маме, а Генька сам спрашивал, нет ли от нее письма. А письма все не было.

* * *

Начались дожди. Уныло и пусто стало в бабушкином саду.

— А ты, Сашок, — сказала как-то под вечер бабушка, — чем от окна к окну без толку бродить, погляди лучше, что в этом сундучке лежит.

Саша подошел к сундучку, на котором он в день приезда сидел и плакал, поднял тяжелую крышку.

Сундук был набит книгами.

— Отец твой, бывало, читал их мне, — смахнув слезу, сказала бабушка. Саша медленно опустился на колени. Книги были потрепанные, с разноцветными картинками на обложках. «Детство», «Всадник без головы», «Холодный дом».

Саша погладил ладонью книги и взглянул на бабушку. Уголки его губ опустились и дрожали, большие глаза смотрели не по-детски серьезно.

Бабушка подошла и в первый раз за все время обняла его.
— Бабуся моя! — прошептал, судорожно всхлипнув, Саша и вдруг заплакал. Она гладила его по голове, а у самой тоже так и лились по морщинкам слезы.

— Мы с тобой проживем, не бойсь, проживем...

— А мама? — испуганно спросил Саша.

— От мамы письмо было, да я не показала тебе. Ничего ты не поймешь в нем, только... только просит она, чтобы не скучал.

— А когда она приедет?

— Скоро, Сашок, скоро.

— Когда скоро? Например, через три дня?

— Нет, Саша.

— Например, когда я прочту вот эти две книги, она приедет?

— Зима пройдет, Саша, и она приедет.

— Бабушка!

— Да, Саша. Ты уже большой, понимать должен.

* * *

Медленно, переползая изо дня в день, из месяца в месяц, проходила зима.

Прибегая из школы, холодный, покрасневшийся, Саша первым делом заглядывал в почтовый ящик. Но письма от мамы приходили редко и были коротенькими. Бабушка говорила:

— Ну ладно. Давай скорей пообедаем—да за книжечку. Больно интересная.

Саша сам был в восторге от отцовских книг. Он старался читать с выражением, потому что ему нравилось, когда бабушка, сидя за вязанием, вдруг опускала на колени спицы, ахала и нараспев произносила: «Ба-а-тюшки!». Саша торопливо говорил: «А вот, ты послушай, что дальше!». И опять он читал, волнуясь, то повышая, то понижая голос, а она вязала и ахала.

И еще Саша любил «строить» дома. В долгие зимние вечера он выпиливал и склеивал их из фанеры с узорчатыми ставнями, замысловатыми башенками и балконами. Стены домов он разрисовывал электрическим выжигателем.

— Ай да Сашок! Ай да руки золотые! — каким-то звонким, помолодевшим голосом говорила бабушка.

— Вот выучусь и не такие еще дома построю, — с гордостью произносил Саша.

— Конечно, построишь, я верю.

Саша был доволен и работой своей и похвалой бабушки. Он старался изо всех сил.

* * *

Но вот пришла весна. Ночью еще снег лежал плотным белым покрывалом, а утром, как пригрело солнце, зазвенела веселая капель. Вдоль тротуаров побежали ручейки, Генька с малышами корабли на воду пустил, крикнул:

— Эй, строитель, выходи на улицу!

Саша вскочил с постели, подбежал к окну.

— Иди, иди к нам! — хором закричали малыши.

Саша подошел к окнам, что смотрят во двор. Во дворе — черные

проталины. Пес Джулька носится по двору, а бабушкина курица смотрит на него возмущенно своим круглым глазом и подпрыгивает.

Саша смеется: боится ведь Джулька курицу, а все норовит за хвост ухватить.

Чего это бабуса не разбудила Сашу сегодня? Ах да! Каникулы! Мама, мама придет! Вчера получили от нее радостное письмо. Напевая песенку, Саша выскочил на крыльцо, окликнул Джульку и вышел с ней на улицу.

Генька крикнул своей команде: «Полный вперед!» — и важно подошел к Саше.

— Начался ледоход, — сказал он, — ты слышал, как ночью гудела река?

— Моя мама приезжает, — сказал Саша.

— Да ну! Вот хорошо-то! Эй, Сашка, бежим к реке — все ребята уже там!

Но Саша отказался. До реки ли ему теперь? Он проследил взглядом за убегавшим к пристани Генькой и решил, чтоб время скорее прошло, заняться делами. Он отгреб от забора снег, прибил отставшие от столба доски, наколот дров.

Был удивительно длинный день.

А к вечеру ударил мороз и подул с реки холодный ветер. Нахлобучив ушанку, Саша встал в открытой калитке и смотрел вдоль улицы.

— Сашок! — тихо позвала с крыльца бабушка.

— Ещё немножко! — попросил Саша.

А мамы все нет. Тогда он задумал: надо считать до двадцати. Девятнадцатый человек пройдет, а двадцатая будет мама.

— Раз, два, три, четыре... — шепотом считал Саша. Щеки у него горели, как в огне, сердце громко стучало.

— Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать... — Из-за угла выбежала девочка. Саша оглядел ее с неприязнью и решил считать до пятидесяти. Стемнело. Прислонившись к калитке, Саша терпеливо считал. Прохожие появлялись все реже. Один раз ему показалось, что он сбился со счета, но и пятьдесят третий и пятьдесят четвертый прохожий прошел, бабушка еще раз позвала Сашу, и он опять попросил ее подождать немножко, а мама все не шла.

Поздно вечером принесли телеграмму: «Дорогие, приехать не могу. Целую. Мама».

Саша взглянул на бабушку и горько заплакал.

— Опять поссорились! — в сердцах сказала бабушка. — Одна она там, вот что плохо.

«Одна, одна», — ныло в груди у Саши.

Он вдруг подумал, что от него что-то скрывают, что он должен как-то помочь маме, он должен спасти ее. А что, если он сам поедет к ней? Эта мысль испугала Сашу, он отогнал ее и снова вернулся к ней. А в сердце уже кипела радость. Мама увидит его, бросится на колени и закричит: «Не надо мне никого, только бы мой Сашок был со мной!». А дядя Андрей пусть гримасничает от злости. Постоит, постоит и уйдет. Тогда они будут сидеть, обнявшись, говорить о бабушке, а потом пойдут гулять, как гуляли, пока не пришел к маме дядя Андрей.

Саша застонал от счастья и удивился, почему он раньше не мог до этого додуматься? Он скажет о своем решении Геньке. Генька все знает и посоветует, как быть. Генька и денег может на дорогу одолжить. У него в копилке есть.

Но утром бабушка пришла со двора и сказала:

— Генька тебе поклон передал. Сейчас они с сестрой к тетке в Одессу уехали.

— Надолго? — упавшим голосом спросил Саша.

— Сказали — на неделю.

«Ничего, — бодрился Саша, — столько ждал и еще подожду. Зато Генька обязательно мне поможет».

Через неделю вернулся Генька. На нем был огромный, свисающий с плеч бушлат и полосатая тельняшка. Захлебываясь от восторга, он рассказывал:

— Китобойную флотилию «Слава» видел. Громадина, во!

— Знаю, — сказал Саша, — в Антарктиду она плавает.

— А моряки! — Генька оправил на себе бушлат. — Полундр-р-ра!

— Что это такое?

— Бегите все наверх, неприятель у правого борта!

— Ух ты!

— Еще не то увидишь в Одессе. Знаешь, ты только никому, слышишь? Я из дому решил сбежать, в Одессу, на флот!

Саша был подавлен. Ну как после таких речей сказать, что он хочет к маме? Засмеет Генька.

— Хочешь вместе убежим? — предложил вдруг Генька.

— Я решил домой ехать, — несмело сказал Саша.

Генька обрадовался.

— Полундр-р-ра! Едем вместе! Сначала к тебе, а оттуда в Одессу.

— Нет, на море я не хочу.

— Жаль... Ну, ладно... Едем к маме твоей, а после, может...

— Генька, ты настоящий друг! — растроганно произнес Саша.

Генька усмехнулся:

— Как это твоя бабка говорит: «Для милого дружка и сережка из ушка»?.. Ух, вредная старуха!

Саша промолчал. Потом спросил:

— А на чем мы поедем?

— Хотелось бы на ТУ-104, — наморщив лоб, сказал Генька.

Саша рассмеялся: скажет тоже!

— Шутки в сторону. Полный вперед! — посерьезнел вдруг Генька. — Завтра в девять вечера сядем в поезд и поедем. Ты соли, хлеба, луку припаси, а я копилку свою сломаю. Буду ждать тебя в балке у дороги. Смотри, не опоздай!

Ночью Саше снились тревожные сны. Он с криком просыпался, переворачивался, по совету бабушки, на другой бок и снова стонал во сне. Утром бабушка потрогала его лоб, надела очки и долго смотрела в горло.

— Ничего не болит, — поторопился заверить Саша.

— Обидел тебя кто-нибудь?

— Да нет же.

— Ты скажи, Сашок. Уж я ему, обидчику, задам!

Саша порывисто обнял бабушку, поцеловал ее в щеку и, застеснявшись, выскочил во двор.

Весь день Саша нервничал. Настроение его поминутно менялось. То ему становилось жаль бабушку — и он готов был не ехать, то не мог усидеть на месте, так хотелось поскорее сесть в поезд.

Наконец, стрелка ходиков подползла к условленному часу. Саша вышел на крыльцо, осмотрелся.

— Чего мечешься, как неприкаянный? — проходя мимо, проворчала бабушка.

Хлопнула калитка. Саша вздрогнул. К нему, прихрамывая, шел почтальон.

— Нам? — холодея от какого-то тяжелого предчувствия, спросил

Саша.

Почтальон молча подал телеграмму.

— Что там еще стряслось? — подошла обеспокоенная бабушка.

Саша прочел телеграмму про себя, взглянул на бабушку:

— Ничего... просто... Ну и пусть!

Он сбежал с лестницы, постоял немного во дворе и вернулся.

— Я, бабуся, воды в бочку не набрал. А завтра утром цветы наши поливать нужно.

Через час во двор прокрался Генька и остановился пораженный. Саша, насвистывая, носил в ведре воду и сливал ее в бочку.

— Ты с ума спятил? — прошептал Генька.

— Нет, — ответил Саша, — просто к маме ехать нечего, она с дядей Андреем в Москву уехала.

Генька сел на ступеньку лестницы.

— А на море?

— Не видел я Одессы, — задумчиво сказал Саша, — а бабушка у меня уже старенькая.

— Так ты ж потом...

— Нет, Генька, хочешь, поезжай сам.

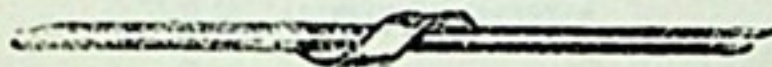
— Да ну, одному скучно.

— Генька, друг, ну, давай подумаем...

Геньке понравилось: «друг». Он почувствовал серьезность разговора и подсел ближе.

Вдалеке прогудел электровоз.

— Наш уехал, — вздохнул Генька.

Лидия Магистрова

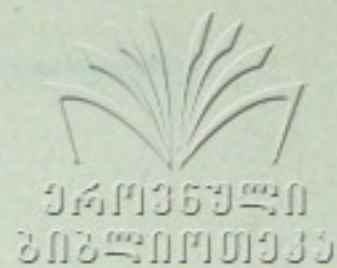
В Е Р Ю

Опять в садах золотится осень,
В листве зажигает живые огни.
Друзья упрекают: «Стихи забросила...» —
и правы они.

А дни бегут,
Но в ночи-бессоницы
Мой карандаш по-прежнему нем.
Зато под сердцем трепетно бьется
Самая лучшая из поэм.
И это важней, чем тысяча строчек,
Это — все, что первенец мой
Из глубокой, из теплой ночи
В трудный мир принесет с собой,
Смелость,
 нежность,
 упорство,
 силу —

Все, что дадим ему я и ты.
Мне сказали — смотреть на красивое,
И ты каждый раз приносишь цветы,
И часто бродишь со мной в листопадах,
Где лунный струится свет по ночам, —
Сынишке тоже учиться надо
Бродить, волноваться, мечтать.
Маленький мой!
В твоей лишь власти
Дать мне новое имя — Мать,
Большое и хрупкое женское счастье,
Которое так легко сломать.
Я знаю — под сердцем, в теплых глубинах
Тебе, малыш, не грозит ничего,
Я верю в силу рук любимого,
И в верность верю его,
И в то,
Что мирное небо это,
Шелест чуткой ночной тишины,
Землю в трепетных бликах света,
Теплые детские сны,

Все, чем радостен мир влюбленный,
В котором дышим,
 любим,
 живем,
Мы для вас —
 еще нерожденных,
Отстоим и убережем.

* * *

Ночью
В звездный мир законный,
Навстречу свету зари,
Вслед за последним надорванным стоном:
Вырвался детский ликующий крик.
Боль еще волнами в теле рыщет,
Еще озноб леденящий бьет,
А я уже вижу,
Я уже слышу —
Рядом со мной неумело дышит
Сын мой —
Сердце мое!
И, словно за муки мои в награду,
За боль, опалявшую, как огонь,
Эта звенящая ясная радость,
Этот блаженный покой.
 ...Мечталось
 о будничном
 и о главном
 в жизни,
Мечталось — дерзать,
 творить.
И очень хотелось стать любимой,
Очень хотелось стать желанной,
Нужной и нежной быть.
Пусть не все,
 что задумано,
 сбылось,
Но верю — я не напрасно жила,
Дышала,
 радовалась,
 томилась.
Под Солнцем новая Жизнь затеплилась —
Я
 эту жизнь
 зажгла.

Бондо Кешелава

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

Перевод с грузинского Ю. Лучанского

*В феврале 1923 года в Ахали-Сенаки
из Сухуми приехал Серго Орджоникидзе*

Февральское утро, но снег небеса позабыли.
Стоим у дороги в торжественной тишине.
И вдруг — над рядами, словно орлиные крылья, —
Рукоплесканье — плеска волн и ветра сильней.

Вот он! — в распахнутой солнцу шинели,
Над смуглой улыбкой барашек папахи лихой.
— Да здравствует Орджоникидзе! — возгласы зазвенели,
И голосу народа вторит наш хор молодой.

В жажде всех раньше желанного гостя увидеть,
Каждый вперед, хоть на шаг, ступить норовит,
В пионерском «ур-р-ра!», голубями над нами взвитом,
Шаг его твердый слышен — до звона в крови...

Он идет! И вот-вот поравняется с нами,
Он в душу глядит — и встретить глаза невтерпез!
Широко улыбаясь, он руку вскинул, как знамя,
И грудью всей выдохнул: — Да здравствует молодежь!

Пой, февральское утро двадцать третьего года,
В нашей памяти песней остался Грузии славный сын.
— Здравствуй, свобода! — сквозь голод и непогоду
Сильный голос твой слышу в шторме и в штурме вершин.

Ирвин Шоу

Ставка на мертвого жокея

Перевод с английского Э. Гольдернесса

Ллойд Барбер лежал в кровати и читал «Франс-суар», когда вдруг зазвонил телефон. Часы показывали два пополудни. Пятый день подряд шел дождь, и пойти Барберу было некуда. Он читал о положении команд в розыгрыше регби. На матчи он никогда не ходил, и ему было все равно, какое место в розыгрыше занимают Лилль, По и Бордо, но все остальное в газете он уже прочел. В маленьком темном номерке отеля было холодно, потому что с десяти утра до шести вечера отопление выключалось, и Барбер лежал на своей бугристой двуспальной кровати, сняв ботинки и укрывшись пальто.

Он снял трубку, и человек у конторки внизу сказал:

— Вас тут ожидает дама, мистер Барбер.

Барбер скосил глаза, чтобы увидеть себя в зеркале над маленькой шифоньеркой, стоявшей против кровати. Не мешало бы выглядеть получше.

— Она сказала свое имя?—спросил он.

— Нет, месье. Спросить?

— Не стоит, — ответил Барбер.— Я сейчас спущусь.

Он положил трубку и надел ботинки. Он всегда надевал сперва левый — на счастье. Застегнув воротник, Барбер подтянул галстук, отметив, что он уже потерялся в узле.

Надев пиджак, он похлопал себя по карманам в поисках сигарет. Сигарет не было. Пожав плечами и оставив свет включенным — назло хозяину, который всегда докучал с уплатой по счету, — он отправился вниз.

Маурин Ричардсон сидела в маленькой комнатке при вестибюле в одном из тех обитых порыжелым плюшем кресел, которые третьеразрядные парижские отели предоставляют в распоряжение своих клиентов, чтобы не поощрять чрезмерной общительности и гостеприимства в пределах первого этажа. В комнатке стоял полумрак, и с дождливой улицы через пыльные занавески еле просачивался мертвящий, зеленоватый свет. Когда Барбер впервые встретился с Маурин — во время войны, как раз перед ее свадьбой с Джимми Ричардсоном,—она была юной, хорошенькой девушкой с ясными, доверчивыми синими глазами. Но с тех пор она дважды рожала, и стройность ее исчезла, лицо в зеленоватом отсвете казалось мертвенно-бледным, а глаза тусклыми. На ней было поношенное намокшее суконное пальто — дела Ричардсона шли не блестяще.

— Хелло, Красавица, — сказал Барбер. Ричардсон всегда называл ее так, чтобы позабавить товарищей по эскадрилье, и проявил столь не-

поколебимую преданность этому прозвищу, что в конце концов его стали употреблять все.

Маурин обернулась так быстро, словно он испугал ее.

— Ллойд, — сказала она. — Как я рада, что застала вас.

Они пожали друг другу руки, и Барбер предложил пойти куда-нибудь выпить кофе.

— Пожалуй, не стоит, — сказала Маурин. — Я оставила ребят на второй завтрак у подруги и обещала забрать их в половине третьего. Времени осталось мало.

— Так, — сказал Барбер. — Как Джимми?

— О Ллойд... — пальцы Маурин дернулись, и Барбер заметил, что они красные, а ногти обрезаны неровно. — Вы его не видели?

— Что? — Барбер, напрягая в полумраке зрение, озадаченно уставился на нее. — Что вы хотите этим сказать?

— Вы его не видели? — повторила Маурин тонким, дрожащим голосом.

— Мы с ним виделись, примерно, месяц тому назад, — сказал Барбер. — А что? — спросил он, по сути уже догадываясь, в чем дело.

— Он уехал, — сказала Маурин. — Уже тридцать два дня, как он уехал. Я не знаю, что мне делать.

— Куда он уехал? — спросил Барбер.

— Не знаю, — Маурин достала пачку сигарет и закурила. Она была так растеряна, что даже не предложила сигарету Барберу. — Он мне не сказал. — Она жадно затягивалась табачным дымом. — Я так тревожусь. Я подумала, может быть, он сказал что-нибудь вам, или вы где-нибудь натолкнулись на него.

— Нет, — осторожно ответил Барбер. — Он мне ничего не говорил.

— Все это очень странно. Мы женаты больше десяти лет, и он никогда ничего подобного не делал, — сказала Маурин, плохо владея своим голосом. — Он просто пришел раз вечером и сказал, что берет у

себя на службе отпуск на месяц, что в течение тридцати дней он вернется и по возвращении все мне расскажет, а пока попросил ни о чем не спрашивать.

— И вы не спрашивали?

— Он вел себя так странно, — сказала Маурин. — Я никогда не видела его таким. В приподнятом настроении. Возбужденный. Даже, можно сказать, счастливый, если бы он не вставал все время ночью, чтобы посмотреть на детей. И ведь он никогда не доставлял мне никаких хлопот — по женской части, — чопорно добавила Маурин. — Не в пример некоторым другим. Да, в Джимми есть именно то, что на него всегда можно положиться. Так что я просто помогла ему собраться.

— Что он взял с собой?

— Только дорожный чемоданчик, — сказала Маурин. — С самой легкой одеждой. Словно собирался на летний отдых. Он взял даже теннисную ракетку.

— Теннисную ракетку, — кивнул Барбер, словно забирать с собой теннисные ракетки было для исчезающих мужей самым обычным делом. — Вы не имели вестей от него?

— Нет, — ответила Маурин. — Он сказал, что не будет писать. Слышали ли вы когда-нибудь что-либо подобное? — Даже искреннее страдание не охладило ее чисто супружеского негодования. — Я знала, что нам не следует ехать в Европу. Вы — другое дело. Вы не женаты, и вы всегда были каким-то диким, не то что Джимми...

— Вы позвонили ему на службу? — перебил Барбер.

— Я позвонила просто, как знакомая, — сказала Маурин. — Было бы слишком глупо, если бы жена стала у них спрашивать, где ее муж.

— И что они сказали?

— Они сказали, что ждали его два дня назад, но он не приходил.

Барбер взял у Маурин сигарету и закурил. Это была его первая сигарета за последние четыре часа, и

она показалась ему восхитительной. Он испытывал некоторую эгоистическую признательность Маурин за то, что она пришла именно к нему.

— Ллойд, вы что-нибудь знаете? — спросила Маурин. В зеленоватой полутьме она казалась постаревшей и опустившейся в своем мокром легком пальтишке.

Барбер поколебался.

— Нет, — сказал он. — Но я сделаю парочку визитов и позвоню вам завтра.

Они встали. Маурин натянула перчатки на свои покрасневшие руки. Перчатки были старые, зеленовато-черные. Глядя на них, Барбер вдруг вспомнил, какой безупречно изящной была Маурин при их первой встрече, в Луизиане, давным-давно, какими юными, пышущими здоровьем и нарядными были он, Джимми и все остальные — в лейтенантской форме, с новенькими «крылышками» на груди.

— Послушайте, Красавица, — сказал Барбер. — Как у вас насчет денег?

— Я пришла не за этим, — решительно и холодно сказала Маурин.

Барбер достал свой бумажник и задумался над ним. Этого, впрочем, не требовалось. Он совершенно точно знал, сколько у него там лежит. Достав бумажку в пять тысяч франков, он вручил ее Маурин:

— Вот, постарайтесь пока обойтись.

Маурин сделала движение, словно собиралась вернуть ему деньги.

— Я не думаю, что мне... — начала она.

— Ш-ш-ш, Красавица, — сказал Барбер. — Во всем Париже не сыщешь девушки, которой не пригодилось бы пять тысяч в такой денек.

Маурин вздохнула и положила деньги в свою сумочку.

— Мне очень неловко брать их у вас, Ллойд.

Барбер поцеловал ее в лоб.

— В память о необузданном дикаре прошлых дней, — сказал он, засовывая в карман бумажник с

оставшимися пятнадцатью тысячами франков, которых, насколько он понимал, ему хватит ненадолго. — Джимми вернет мне.

— Вы думаете, с ним ничего не случилось? — спросила Маурин.

— Конечно, — стараясь казаться беспечным, произнес Ллойд. — Беспokoиться не о чем. Я позвоню вам завтра. Он уже, наверное, будет дома, у телефона, злой на меня за то, что я в его отсутствие околачивался тут возле его жены.

— Держу пари, что именно так и будет, — сказала Маурин с жалкой усмешкой. Она вышла через мрачный, похожий на пещеру, вестибюль на дождливую улицу, торопясь к своим детям, которых она оставила у знакомых на второй завтрак.

Барбер поднялся к себе, взял телефонную трубку и стал дожидаться, пока старичок внизу подключит его к сети. На полу лежали два открытых чемодана, напиханные рубашками, потому что в крошечной шифоньерке не хватало места. Сверху на шифоньерке лежал просроченный счет от портного, письмо из Нью-Йорка от бывшей жены Барбера, спрашивавшей, что ей делать с его армейским пистолетом, который она нашла на дне сундука, — ее пугал новый закон о хранении оружия; письмо от матери, советовавшей ему поскорее вернуться домой и постараться устроиться на постоянную работу, письмо от женщины, к которой он был равнодушен, — она приглашала его приехать к ней на ее виллу близ Эза, где, по ее словам, так чудесно и тепло; письмо от юнца, который во время войны летал с ним стрелком и считал себя признательным за то, что Барбер спас ему жизнь, когда он был ранен в живот над Палермо, и который, как это ни странно, написал книгу. Теперь он слал Барберу длинные, несколько литературные письма, по крайней мере, раз в месяц. «Наше поколение подвергается

опасности,—говорилось в отстуканном на машинке письме юнца,—опасности измельчания. Слишком рано мы пережили все, что выпало нам на долю. Наша любовь превратилась в привязанность, наша ненависть — в отвращение, наше отчаяние—в меланхолию, наши страстные увлечения—в предпочтения. Мы удовлетворяемся ролью покорных пигмеев в ничтожном, но роковом балаганном представлении».

Письмо подействовало на Барбера угнетающе, и он ничего не ответил.

Под рамку зеркала над шифоньеркой была засунута фотография, снятая прошлым летом на берегу в Довиле. Ричардсоны арендовали там домик, и Барбер дважды приезжал к ним по субботам — Джимми Ричардсон был вторым из привязавшихся к Барберу за время войны. Как-то само собой получалось, что Барберу дарили свою привязанность люди, в чьей привязанности он вовсе не нуждался. «Люди вешаются на тебя, — сказал ему кто-то однажды, — потому что ты автоматический лицемер. Стоит кому-нибудь войти, как ты сразу делаешься веселым и уверенным в себе».

Джимми и он были сняты в купальных трусах, и Барбер выглядел высоким, статным белокурым счастливым рядом с Джимми, который был похож на толстого, неловкого мальчика.

Барбер вглядывался в фотографию: Джимми не походил на человека, который может запропасться куда-то на тридцать два дня. А что до него самого, подумал он, скривившись, то он выглядел «автоматически веселым и уверенным в себе».

В трубке раздался пронзительный, похожий на атмосферные помехи, гудок. Барбер встряхнулся и набрал номер «Георга V». Получив «Георга V», он попросил мистера Смита, мистера Берта Смита. Через некоторое время барышня сказала, что мистер Смит больше не прожи-

вает в отеле. Барбер поторопился спросить, прежде чем девушка положит трубку, не собирается ли мистер Смит вскоре возвратиться, не оставил ли он своего нового адреса.

— Нет, — ответила девушка, на этот раз после долгого молчания,—его приезда не ожидают, и он не оставил своего нового адреса.

Барбер положил трубку. Полученные сведения его не удивили. Берт Смит по таинственным причинам часто переезжал из отеля в отель, да он мог сменить и полдюжины фамилий с тех пор, как Барбер говорил с ним в последний раз. Нахмурившись, Барбер подошел к окну. Зимний парижский дождь сыпал на узенькую улочку, затуманивая ее, обесцвечивая здания так, что нельзя было догадаться об их настоящем виде. Рабочий снимал с грузовика ящики с вином и, казалось, что такая погода стоит специально ему в наказание; льющие с небес серые потоки, оконные выступы, вывески, свернутые навесы над витринами приглушали типично парижский звон бутылок, и он звучал неясно и печально. В такой день не следовало отсутствовать мужу, не следовало отсутствовать другу. В такой день не следовало быть одному или иметь в кармане только пятнадцать тысяч франков, или находиться в тесном номерке отеля, где отопление выключается от десяти утра до шести вечера. В такой день не следовало быть без работы, без сигарет, без второго завтрака.

Барбер снова встряхнулся. Не было смысла сидеть весь день дома. Если он собирается что-нибудь предпринять, то прежде всего надо разыскать Берта Смита. Он взглянул на часы. Было около половины третьего. Он попытался вспомнить, где ему случалось встречать Берта Смита в два тридцать. Модный ресторан возле Рон-Пуэнта, где едят кинодельцы, киноактеры, владельцы французских газет и богатые туристы; бистро на бульваре Латур-Мабур, на левом берегу; ре-

стораны в Отейле, Лоншане и Сен-Клу.

Барбер с грустью подумал о последних пятнадцати тысячах франков в своем бумажнике. День обещал быть долгим, мокрым, тяжелым. Надев пальто и шляпу, он вышел. Дождь все еще лил, поэтому он взял такси и велел шоферу ехать в ресторан возле Рон-Пуэнта...

Все это началось около двух месяцев тому назад, на трибуне в Отейле, как раз перед шестым заездом. День выдался туманный, зрителей было мало, Барберу не особенно везло, но он все же поставил и в шестом заезде—пять тысяч при счете восемь к одному — и забрался выше, чтобы лучше видеть.

Рядом с ним оказался только один зритель — маленький, круглый человек в дорогой велюровой шляпе, снаряженный, на английский манер, биноклем и сложенным зонтиком. Он улыбнулся и кивнул Барберу. Вежливо улыбнувшись в ответ, Барбер вдруг ясно ощутил, что он уже много раз встречался с этим человеком — а может, с его братом, или с полдюжиной похожих на него типов — в ресторанах, барах, на улице.

Человек с зонтиком двигался к нему вдоль мокрого ряда бетонных сидений. У него были маленькие, щегольски обутые ножки, яркий галстук и холеное космополитическое лицо с большими красивыми черными глазами, окаймленными густыми черными ресницами. Барбер называл такие лица импортно-экспортными. Это было лицо одновременно вежливое, циничное, самоуверенное, чувственное, безнадежное и дерзкое; его владелец мог быть и турком, и венгром, и греком, и уроженцем Басры. Такие лица можно видеть в Париже, Риме, Брюсселе, Танжере. При взгляде на такое лицо невольно кажется, что время от времени его обладателем должна интересоваться полиция.

— Добрый день, — сказал по-английски незнакомец, прикоснувшись

к шляпе. — Везет ли вам сегодня? — У него был легкий, но какой-то неопределенный акцент.

— Так себе, — проронил осторожно Барбер.

— Кого вы выбрали среди этих? — человек показал зонтиком на дорожку, где проходили возбужденные предстоящим состязанием лошади, направляясь к стартовой линии, проведенной вдали на грязной траве.

— Номер третий, — сказал Барбер.

— Номер третий, — человек пожал плечами, словно ему было жаль Барбера, но хорошее воспитание не позволяло высказать это открыто. — А как обстояло в эти дни с киноделами?

— Кинодела уехали домой месяц тому назад, — сказал Барбер, слегка удивленный тем, что незнакомец знает об этом. Американская компания снимала фильм о войне, и Барбер провел четыре счастливых, хорошо оплаченных месяца, застегивая на ведущих актерах парашюты и объясняя режиссеру разницу между «П-47» и «Б-25».

— А белокурая звезда? — спросил человек, отводя бинокль от глаз. — Вместе с сопутствующим ей щеголем?

— Тоже уехали домой.

Человек повел бровями и слегка покачал головой, словно выражая сожаление по поводу того, что его новый знакомый и Париж лишились сопутствующего щеголя.

— Ну что ж, — сказал он, — по крайней мере, у вас есть теперь время приходить после полудня на скачки. — Он уставился в бинокль на дорожку. — Вон они, идут.

Номер третий шел впереди до последней прямой. Здесь его быстро обошли четыре лошади.

— Каждая скачка в этой стране, — начал Барбер, когда лошади пересекли линию финиша, — на сотню метров длиннее, чем нужно. — Он достал свои билеты, разорвал

их пополам и бросил на мокрый бетон.

С удивлением он увидел, что человек с зонтиком тоже достал и порвал несколько билетов, тоже на третий номер, и Барбер успел заметить, что все они были дорогие. Человек с зонтиком бросил билеты с покорным, чуть насмешливым выражением лица, словно он всю свою жизнь привык рвать и выбрасывать вещи, внезапно утратившие ценность.

— Вы останетесь на последний заезд? — спросил человек с зонтиком, когда они начали спускаться с трибуны.

— Не думаю, — ответил Барбер. — Хватит с меня побед и славы на сегодняшний день.

— Почему бы вам не остаться? — настаивал незнакомец. — Я могу кое-что разузнать.

Барбер задумался.

— У меня есть машина, — продолжал человек с зонтиком. — Я могу подбросить вас в город, мистер Барбер.

— О, — сказал удивленно Барбер. — Вы знаете мое имя?

— Конечно, — улыбнулся незнакомец. — Почему бы вам не подождать меня в баре? Я должен получить кое-что в кассе.

— Я думал, вы проиграли, — подозрительно сказал Барбер.

— На номере третьем, — ответил незнакомец. Он извлек из другого кармана еще несколько билетов и слегка помахал ими. — Но у меня всегда есть страховка. Нужно всегда думать о страховке. Я найду вас в баре?

— О-кей, — подтвердил Барбер, не потому, что он ожидал от человека с зонтиком какой-либо информации о последнем заезде, а в расчете на поездку домой. — Я буду там. Да, кстати, как вас зовут?

— Смит... Берт Смит.

Барбер пошел в бар и заказал кофе, а потом спросил коньяку, ибо после такого заезда одного кофе было недостаточно. Он стоял, гор-

бясь, у стойки, с горечью размышляя о том, что он принадлежит к числу людей, никогда не думающих о страховке.

Смит подошел к стойке, неслышно шагая своими щегольскими ножками, и, улыбаясь, положил свою легкую руку на локоть Барбера.

— Мистер Барбер, — сказал он, — есть слух насчет седьмого заезда. Номер шестой.

— Я никогда не выигрывал на шестом номере, — в голосе Барбера звучало сомнение.

— Симпатичный маленький слушок, — продолжал Смит. — В настоящий момент тридцать два на один.

Барбер с недоумением посмотрел на него. Он вкратце постарался прикинуть, что может быть в этом для Смита.

— Что за черт, — сказал он, направляясь к окошечку, где продавали билеты. — Сколько я еще должен потерять?

Он поставил пять тысяч франков на номер шестой и из суеверия на все время заезда остался у стойки, попивая коньяк. Номер шестой выиграл — всего на полкорпуса, — и, хотя соотношение несколько снизилось, выдача все же была восемнадцать на один.

Барбер шагал в сумерках по брошенным газетам и пахнувшей деревней, истоптанной траве, похлопывая себя по внутреннему карману, приятно выпячивавшемуся благодаря лежащим там девяноста тысячам франков, весьма довольный человеком, который семенил рядом с ним.

У Берта был «Ситроэн», вел он его быстро, умело и рискованно, срезая дорогу другим машинам.

— Вы часто играете на скачках, мистер Барбер? — спросил Смит, когда они проезжали мимо регулирущика, одинокого и затерянного в своей белой пелерине среди мерцающей отблесками фонарей улицы.

— Слишком часто, — ответил Барбер, наслаждаясь теплом, действием последнего стаканчика конья-

яка и пухлой пачкой в своем кармане.

— Вы любите азартную игру?

— А кто ее не любит?

— Есть и такие, кто не любит рисковать, — ответил Смит, чуть не задев грузовик. — Мне жаль их.

— Жаль? — Барбер посмотрел на Смита, несколько удивленный этим словом. — Почему?

— Потому что, — сказал Смит мягко и с улыбкой, — в наши дни с каждым рано или поздно случается так, что он бывает вынужден вступить в рискованную игру, — и не только на деньги, не только у окошечка продавца билетов. И вот, когда такой случай приходит, а у вас нет привычки к риску, то игра эта не только не принесет вам никакого удовольствия, но, вероятнее всего, что вы проиграете.

Некоторое время они ехали молча. Барбер время от времени поглядывал на мягкое, самоуверенное лицо над рулем, озаренное свечением приборов на щитке. «Интересно было бы заглянуть в паспорт Смита, вернее, во все его паспорта, которые были у него за последние двадцать лет».

— Например, — вдруг сказал Смит, — во время войны...

— Что?

— Когда вы были со своим самолетом на задании... Разве не случилось, что вам нужно было вдруг сразу принять решение, положиться в какую-то роковую секунду на свое счастье, а если бы вы заколебались, если бы вы замешкались в игре — с-з-з-т! — Смит снял одну руку с руля и, опустив книзу большой палец, изобразил скользящее, падающее движение. Он улыбнулся Барберу. — Я полагал, что вы из тех ребят, кому не раз приходилось быть на волоске от смерти.

— Пожалуй, что так, — отозвался Барбер.

— Я предпочитаю именно таких, — сказал Смит.

— Откуда вы узнали, что я был

на войне? — минуту спустя спросил Барбер. Он впервые начал задумываться, случайно ли оказался Смит рядом с ним на трибуне перед шестым заездом.

Смит посмеивался.

— Сколько времени, как вы в Париже? — спросил он. — Полтора года?

— Шестнадцать месяцев, — ответил Барбер, удивляясь, откуда он знает и это.

— Тут нет ничего особенно загадочного, — сказал Смит. — Люди болтают у стоек, за обедом. Одна девушка скажет другой. Париж — маленький город. Где вас высадить?

Барбер глянул в окошко, чтобы узнать, где они находятся.

— Недалеко отсюда... Мой отель выходит как раз на авеню Виктора Гюго. Туда нельзя заезжать на машине.

— Да, да, — сказал Смит, словно ему было известно все обо всех отелях Парижа. — Кстати, если вопрос не покажется вам слишком назойливым, вы долго намереваетесь пробыть здесь?

— Это зависит не от меня.

— А от чего?

— От удачи, — усмехнулся Барбер.

— У вас была хорошая работа в Америке? — спросил Смит, следя за движением впереди.

— Через тридцать лет, работая десять часов в день, я мог бы стать третьим человеком на фирме.

Смит улыбнулся.

— Не сладко, — заметил он. — А здесь вы подыскали себе что-нибудь поинтереснее?

— Иногда попадается, — неохотно отозвался Барбер, начиная сознавать, что ему устраивают проверку.

— После войны вообще трудно интересоваться чем-либо, — сказал Смит. — Пока война тянется, она кажется ужасно скучной. Но когда она кончается, то замечаешь, что мир еще скучнее. Это самое худшее

последствие всех войн. Вы еще летаете?

— Очень редко.

— Для того, чтобы продлевать права?

— Да.

— Это умно, — сказал Смит.

Он резко затормозил у обочины тротуара, и Барбер вылез.

— Вот, — улыбнулся Смит, протягивая руку. Барбер пожал ее. Рука была пухлой и мягкой, но под этой мягкостью чувствовался гранит.

— Спасибо за все, — сказал Барбер.

— Спасибо вам, мистер Барбер, за компанию, — Смит на мгновение задержал руку Барбера. — Мне было очень приятно. Надеюсь, мы сумеем вскоре повидаться. Может быть, мы приносим друг другу счастье?

— Разумеется, — усмехнулся Барбер. — Я всегда дома для людей, которые умеют находить ставки, оплачиваемые восемнадцать к одному.

Смит опять улыбнулся и отпустил руку Барбера.

— Может быть, в эти дни нам выпадет что-нибудь и получше, чем восемнадцать к одному?

Он помахал рукой, и Барбер хлопнул дверцу.

Смит раскрылся через две недели. Барбер с самого начала понял: что-то должно произойти, но он ждал терпеливо, заинтригованный и в то же время довольный, завтракая вместе со Смитом в ресторанах, посещая с ним картинные галереи, выслушивая его суждения об импрессионистах, бывая с ним на скачках и в большинстве случаев выигрывая, следуя информации, которую Смит добывал у молчаливых людей, околачивающихся возле паддока¹. Барбер делал вид, что маленький сметливый человечек нравится ему гораздо больше, чем это

¹ Лужок для прогуливания лошадей при ипподроме. (Прим. переводчика).

было на самом деле, и чувствовал, что Смит, в свою очередь, ведет себя так же по отношению к нему. Это было своего рода замаскированным и циничным ухаживанием, в котором ни одна из сторон пока еще ничем себя не связала.

Но раз поздно вечером, после роскошного обеда и беспорядочной поездки по ночным клубам, во время которой Смит был необычайно молчалив и рассеян, они остановились у отеля, где жил Смит. Ночь стояла холодная, и на улице никого не было.

— Будете вы завтра утром у себя в отеле, Ллойд? — спросил Смит.

— Да, — ответил Барбер. — А что?

— Что? — повторил рассеянно Смит. — Что? — Он посмеивался неизвестно чему. — Мне хотелось бы вам кое-что показать.

— Я буду дома все утро, — сказал Барбер.

— Скажите мне, друг мой, — произнес Смит, слегка тронув Барбера за рукав своей одетой в перчатку рукой. — Есть ли у вас какие-нибудь соображения насчет того, почему я навещал вас так часто за эти две недели, почему я покупал для вас так много всякой хорошей еды и так много хорошего виски?

— Потому что я интересен, забавен и вообще очарователен, — усмехнулся Барбер. — А также потому, что вам что-то от меня нужно.

Смит посмеивался громче прежнего, поглаживая рукав Барбера.

— Вы не так уж глупы, друг мой, не правда ли?

— Не так уж, — согласился Барбер.

— Скажите мне, друг мой, — произнес Смит почти шепотом, — хотели бы вы заработать двадцать пять тысяч долларов?

— Что? — спросил Барбер, уверенный, что он ослышался.

— Ш-ш-ш! — Смит весело улыбнулся. — Подумайте об этом. Я найду к вам утром. Спасибо, что проводили меня до дому. — Он оставил

руку Барбера и направился к подъезду.

— Смит! — позвал Барбер.

— Ш-ш-ш! — Смит игриво приложил палец к губам. — Приятных снов. Зайду к вам утром.

Барбер был еще в постели, когда отворилась дверь и вошел Смит. Опущенные занавеси затемняли комнату, Барбер лежал в полудремоте, вяло размышляя: «Двадцать пять тысяч, двадцать пять тысяч». При звуке отворяемой двери он открыл глаза. В дверном проеме на фоне бледноосвещенного коридора обозначился низенький объемистый силуэт.

— Кто там? — спросил Барбер, оставаясь лежать.

— Извините, Ллойд, — слышался голос Смита. — Спите. Я зайду попозже.

Барбер быстро сел.

— Смит! — сказал он. — Войдите.

Смит закрыл дверь. На нем были широкое твидовое пальто — вполне английское — и мягкая фетровая итальянская шляпа, а в руках он держал большой пакет. Он производил впечатление человека, только что принявшего ванну, свежесбрированного и весьма настороженного.

Барбер накинул халат, сунул ноги в ночные туфли и закурил.

— Простите, — обратился он к Смицу, — я умоюсь.

Он зашел за ширму, отделявшую умывальный таз от остальной комнаты.

Чувствуя себя с вычищенными зубами и причесанными волосами свежее и увереннее, Барбер вышел из-за ширмы.

— Париж, — сказал Смит, стоя у окна и глядя на улицу. — Что за проклятый город! — Он повернулся, улыбаясь: — Ах, какой вы счастливчик! Вы можете позволить себе мочить голову. — Он с грустью потрогал свои редкие, аккуратно причесанные волосы. — Каждый раз, когда я мою голову, они осыпаются, как листья. Сколько вам лет?

— Тридцать.

— Что за возраст! — Смит вздохнул. — Чудесный момент равновесия. Чувствуешь себя достаточно взрослым, чтобы знать, чего ты хочешь, и достаточно юным, чтобы быть готовым ко всему. — Он отошел от окна, сел и прислонил пакет к ножке стула. — Ко всему. — Он взглянул на Барбера почти кокетливо. — Вы помните наш разговор, я полагаю.

— Я помню что-то о двадцати пяти тысячах долларов, — сказал Барбер.

— Ах, вы помните, — развеселился Смит. — Хотите ли вы их заработать?

— Я слушаю.

Смит поднял свои мягкие руки, словно умываясь, слегка потер ими по лицу, его негнущиеся пальцы издали легкий, сухой, шуршащий звук.

— Есть небольшое дельце, — сказал он. — Небольшое интересное дельце.

— Что я должен сделать за свои двадцать пять тысяч долларов? — спросил Барбер.

— Что вы должны сделать за свои двадцать пять тысяч долларов? — мягко повторил Смит. — Вы должны немного полетать. Временами вам приходилось летать и за меньшую плату, не так ли?

Он посмеивался.

— Разумеется, — подтвердил Барбер. — Что еще я должен делать?

— Ничего! — сказал Смит, сам изумляясь. — Только полетать. Вам все еще интересно?

— Продолжайте, — сказал Барбер.

— Мой друг только что купил совершенно новый одноместный самолет. «Бичкрафт», одномоторный. Машина приятная, удобная, стопроцентно надежная, одним словом, совершенство, — восхищался Смит, с искренним удовольствием расписывая новизну и надежность маленького самолета. — Мой друг сам, конечно, не летает. Ему нужен част-

ный пилот, который был бы все время под рукой.

— На какой срок? — спросил Барбер, внимательно следя за Смитом.

— На тридцать дней. Не больше, — Смит улыбнулся ему. — Неплохая плата, не правда ли?

— Пока еще не могу судить, — сказал Барбер. — Продолжайте. Куда ему нужно летать?

— Видите ли, мой друг — путешественник, — сказал Смит извиняющимся тоном, словно это было небольшим личным несчастьем, о котором можно упомянуть только в дружеском кругу, а затем понизил голос. — Это состоятельный человек, любящий путешествовать. Особенно он любит ездить во Францию. На юг Франции. Он просто влюблен в юг Франции. Он всегда отправляется туда, как только у него появляется возможность.

— Да?

— Он хотел бы сделать две круговые поездки из Египта в окрестности Канна в течение следующего месяца, — сказал Смит, пристально глядя на Барбера, — в своем новом самолете. Затем, в третий раз, он обнаруживает, что опаздывает, и садится на пассажирский самолет, а его пилот следует за ним двумя днями позже, один.

— Один? — переспросил Барбер, стараясь верно понять все.

— Один, вот именно, — утвердительно кивнул Смит, — за исключением небольшого ящика.

— Ах, — сказал Барбер, усмехаясь. — В заключение небольшой ящик.

— В заключение, — Смит очаровательно улыбнулся ему. — Уже все подсчитано: ящик будет весить двести пятьдесят фунтов. В оба конца у этого самолета будет достаточный запас грузоподъемности.

— А что будет в этом небольшом двухсотпятидесятифунтовом ящике? — спокойно спросил Барбер, уверенный, что теперь он уже понял, что ему предлагают.

— Вам это обязательно хочется знать?

— Что я скажу таможенникам, когда они меня спросят о содержимом ящика? — сказал Барбер. — Подите, мол, спросите у Берта Смита?

— Вам нечего делать с таможенниками, — произнес Смит. — Уверю вас. Когда вы подниметесь с аэродрома в Каире, ящика на борту не будет. И когда вы приземлитесь на аэродроме в Канне, ящика на борту не будет. Вам этого достаточно?

Барбер затаился в последний раз и потушил сигарету. Он задумчиво посмотрел на Смита, свободно и непринужденно сидевшего в неприбранной комнате на стуле с прямой спинкой, слишком изящного и слишком хорошо одетого для такого места и часа. «Наркотики, — подумал Барбер, — он объедается ими...»

— Нет, Берти, мальчик, — сказал Барбер решительно. — Этого недостаточно. Продолжайте, говорите.

Смит вздохнул.

— До сих пор вам было интересно?

— До сих пор мне было интересно.

— Ладно, — сказал Смит извиняющимся тоном. — Вот как это будет сделано. Вы создадите привычный шаблон поведения. Вы будете несколько раз взлетать с каирского аэродрома и садиться на поле. Бумаги ваши всегда безупречны. Вас будут знать. Вы станете частицей узаконенной рутины поля. Затем, когда вы отправитесь в путь один, все совершится вполне законно. У вас будет только небольшой чемоданчик с личными вещами. В путевке укажут, что ваш пункт назначения — Канн, и что у вас посадки на Мальте и в Риме только для заправки. Вы подниметесь в Каире. Вы отклонитесь от курса всего на несколько миль. На некотором расстоянии от берега вы окажетесь над

пустыней. Вы опуститесь на старую посадочную дорожку Королевских Воздушных Сил, которая с 1943 года не использовалась. Вы слушаете?

Барбер отошел к окну и стоял там спиной к Смигу, глядя вниз на залитую солнцем улицу.

— Я слушаю.

— Они погрузят ящик на борт. Все это займет не больше десяти минут, — продолжал Смит. — На Мальте никто у вас ничего не спросит, потому что вы будете там транзитом и не сойдете с самолета, а задержитесь ровно настолько, сколько надо для заправки. То же самое в Риме. Над южным берегом Франции вы окажетесь вечером, еще до восхода луны. Тут вы еще раз, — Смит говорил, смакуя слова, — чуть-чуть уклонитесь от курса. Вы будете лететь низко над холмами между Канном и Грассом. В одном месте вы увидите определенное сочетание огней. Вы уменьшите газ, откроете дверь и выпихнете ящик с высоты в сотню футов. Затем вы закроете дверь, повернете к морю и приземлитесь в каннском аэропорту. Ваши бумаги будут в совершенном порядке — никаких отклонений от путевки. Вам нечего будет предъявлять на таможне. Вы просто пойдете прочь от самолета, раз и навсегда, а мы заплатим вам двадцать пять тысяч долларов, о которых я говорил. Это ли не чудесно?

— Чудесно, — в голосе Барбера звучала ирония. — Это просто прелестный маленький план, Берти, мальчик. — Он отвернулся от окна. — А теперь скажите мне, что будет в ящике.

— Деньги. Просто деньги.

— Сколько денег?

— Двести пятьдесят фунтов денег, — сказал Смит, его глаза прямо искрились весельем. — Двести пятьдесят фунтов туго упакованных английских банкнот в чудесном, прочном, легком металлическом ящике. Пятифунтовые бумажки.

Барберу показалось в это мгновение, что он разговаривает с луна-

тиком. Но Смит сидел здесь, вполне реальный и здоровый, и было вполне очевидно, что за всю свою жизнь он ни минуты не сомневался в собственном душевном здравии.

— И когда мне заплатят? — спросил Барбер.

— Когда ящик будет доставлен, — ответил Смит.

— Берти, мальчик... — Барбер укоризненно покачал головой.

Смит посмеивался.

— Я уже говорил себе, что вы не дурак, — сказал он. — Ладно. Мы положим на ваше имя в швейцарский банк двенадцать тысяч пятьсот долларов перед тем, как вы в первый раз вылетите в Египет.

— Вы настолько мне доверяете?

Улыбка быстро сошла с лица Смита.

— Насколько мы вам доверяем, — подтвердил он. Затем улыбка появилась снова: — А после доставки мы немедленно внесем остальное. Чудесное дело. Твердая валюта. Никакого подоходного налога. Вы станете богатым человеком. Полубогатым. — Он посмеивался своей шутке. — Всего лишь за маленький перелет. Всего лишь за помощь человеку, которому нравится юг Франции.

— Когда я встречу с этим человеком? — спросил Барбер.

— Когда вы пойдете на аэродром отправляться в первый полет, — сказал Смит. — Он будет там. Не беспокойтесь. Он будет там. Вы колеблетесь? — спросил он обеспокоенно.

— Я думаю, — сказал Барбер.

— Это несколько не затрагивает интересов вашей родины, — начал Смит с набожным видом. — Я бы не стал просить об этом человека, который воевал за свою страну. Это не имеет отношения и к англичанам, которые для вас, возможно, не безразличны. А что касается Египта... — он пожал плечами. Потом нагнулся, поднял пакет и открыл его. — У меня здесь все карты, на случай, если вам захочется изучить их. Маршрут отмечен весь, но вы,

разумеется, можете уточнить его, так как лететь-то придется вам.

Барбер взял толстый пакет с картами и достал одну наугад. То было только море у Мальты и расположение взлетно-посадочных полос на острове. Барбер подумал о двадцати пяти тысячах долларов, и карта чуть дрогнула в его руке.

— Это до смешного легко, — утверждал Смит, внимательно следя за Барбером. — Неудача исключается.

Барбер опустил карту.

— Если это так легко, то за что же вы платите мне двадцать пять тысяч монет?

Смит засмеялся.

— Надо признаться, — вкрадчиво начал он, — что все же может быть некоторый небольшой риск. Это невероятно, но кто может знать заранее? Мы платим вам, так сказать, за невероятное. — Он пожал плечами. — В конце концов за время войны вы должны были в какой-то мере привыкнуть рисковать.

— Когда надо дать ответ? — спросил Барбер.

— Сегодня к вечеру, — сказал Смит. — Если вы откажетесь, то мы, разумеется, предпримем другие шаги. Мой друг торопится.

— Кто это «мы»? — спросил Барбер.

— Разумеется, — ответил Смит, — у меня есть коллеги.

— Кто они?

Смит сделал легкий жест сожаления:

— Мне очень жаль, но этого я не могу сказать вам.

— Я зайду к вам вечером, — сказал Барбер.

— Хорошо, — Смит встал, застегнул пальто и осторожно, с весьма умеренным наклоном, надел мягкую итальянскую шляпу. Он бережно и со знанием дела подправил поля. — После полудня я буду на скачках. Может быть, вы ко мне там присоединитесь?

— А где сегодня бега?

— Отейль, — назвал Смит. — Сегодня с препятствиями.

— Вы что-нибудь разузнали?

— Пожалуй, — сказал Смит. — Там одна кобыла выступает с препятствиями в первый раз. Я говорил с жокеем. По его словам, она неплохо проявила себя на тренировках; но часа в три у меня будут еще кое-какие сведения.

— Я приду.

— Хорошо, — с восторгом одобрил Смит. — Хотя это, разумеется, и не в моих интересах, чтобы вы авансом черезчур разбогатели. — Он посмеивался. — Однако, во имя дружбы... Карты вам оставить?

— Да, — ответил Барбер.

— До трех часов, — сказал Смит, когда Барбер отворял ему дверь. Пожав Барберу руку, Смит вышел в коридор. Фешенебельная, нарядная, благоухающая фигурка, освещенная скучным светом бледных отельных лампочек.

Барбер запер за ним дверь, подобрал пакет с картами и расстелил их на кровати поверх смятых простыней и одеял. Он давно не видел авиационных карт. Северный Египет. Средиземное море. Остров Мальта. Сицилия и итальянское побережье. Генуэзский залив. Приморские Альпы. Он глядел на карты. Средиземное море казалось очень широким. Ему не нравилось лететь над открытым морем в одномоторном самолете. По сути дела, ему вообще не нравилось летать. После войны он старался летать как можно меньше. Он не задумывался над этим вопросом, но когда ему приходилось путешествовать, он всегда — если только это было возможно — выбирал автомобиль, поезд или пароход.

«Двадцать пять тысяч долларов», — думал он.

Тщательно сложив карты, он сунул их в пакет.

Он опять лег на кровать, спиной на подушки, заложив руки за голову. «Открытое море, — думал он. — Пять раз. Но даже и это не так еще

плохо. А как насчет египтян?» Он был в Каире мельком во время войны. Ему запомнилось, что ночью полицейские ходили там по-двое, вооруженные карабинами. Ему не нравились места, где полицейские ходят с карабинами. А египетские тюрьмы...

Он невольно поежился.

«Кто знает, сколько людей замешано в этом деле? Достаточно одного ненадежного — и погибнешь. Один недовольный слуга или соучастник, один жадный или пугливый сообщник...» Он закрыл глаза, и ему отчетливо представилось, как толстые, смуглые, одетые в форму люди с карабинами направляются к блестящему, маленькому новому самолету.

«Или, предположим, лопнет шина, или погнется шасси при посадке. Кто знает, какова теперь эта дорожка, заброшенная в пустыне с 1943 года?»

Двадцать пять тысяч долларов!

Или, скажем, ты думаешь, что дело уже сделано. Ящик рядом с тобой, египетский берег исчезает позади, внизу и спереди простирается синее море, мотор работает, как часы, и вдруг — замечаешь патруль. Маленькая точка на горизонте разрастается, превращается в истребитель... Он быстро приближается — скорость у него вдвое больше, — дает сигнал поворачивать...»

Барбер зажег сигарету. «Двести пятьдесят фунтов. Скажем, сам ящик — он же должен быть очень прочным — весит сто пятьдесят фунтов. А сколько весит одна пятифунтовая бумажка? Придется ли их тысяча на один фунт веса? Пять тысяч умножить на сто, это, при курсе в два восемьдесят, будет около полутора миллионов долларов».

У него пересохло во рту, он встал и выпил два стакана воды. Затем он заставил себя сесть на стул и унять дрожь в руках. «А если что-нибудь случится, если не удастся привезти их... Если деньги пропадут, но сам ты спасешься? Смит не

похож на убийцу, хотя, кто его знает, как выглядят убийцы в наши дни? И, кто его знает, с какими людьми он связан? «Мои коллеги», как назвал их Смит, станут и твоими коллегами. Состоятельный человек, несколько человек на старой взлетно-посадочной полосе Королевских Воздушных Сил в пустыне, люди, которые зажгут в определенном расположении огни за Канном... Сколько их еще, проскальзывающих через границы, перебирающихся тайно и незаконно из страны в страну с оружием и золотом в чемоданах, сколько их, перенесших войну, изобличения, тюрьмы?.. Сколько их еще, которых ты не знаешь, но от которых зависит твоя жизнь?»

Он вскочил, быстро оделся и вышел, заперев за собою дверь. Ему не хотелось сидеть в холодной, неприбранной комнате, разглядывая карты.

Остаток утра он провел, бесцельно бродя по городу, рассматривая витрины магазинов и прикидывая, какие вещи он купил бы, будь у него деньги.

«А ведь я впервые в жизни, — с любопытством подумал Барбер, медленно пробираясь сквозь уличную толпу, — собираюсь преступить закон». Его удивило, с какой легкостью он думает об этом. Почему бы? Пожалуй, это дело кино и газет. Так привыкнешь к преступлению, что оно начинает казаться вполне человеческим и легко осуществимым. О нем не думаешь, но когда оно вдруг входит в твою жизнь, то обнаруживаешь, что подсознательно ты воспринимал идею преступления, как почти естественный аккомпанемент ежедневной жизни.

Наблюдая за напряженной, дергающейся походкой прогуливаемых по паaddockу перед шестым заездом лошадей, Барбер почувствовал легкий шлепок по плечу.

— Берти, мальчик, — узнал он, не оборачиваясь.

— Извиняюсь, что опоздал, — ска-

зал Смит, становясь у перил паддока рядом с Барбером.—Вы не боялись, что я не приду?

— Что нового от жокея? — спросил Барбер.

Смит подозрительно огляделся вокруг. Затем он улыбнулся.

— Жокей уверен в успехе. Он сам ставит на себя.

— А какой его номер?

— Пятый.

Барбер посмотрел на пятый номер. Это была тонкокостная каштановая кобыла с изящной тонкой шеей и породистой головой. Ее хвост и грива были заплетены, прогуливалась она резво, но не слишком нервно, благоданная, с блестящей шерстью.

— О-кей, Берти, мальчик,—сказал он.—Проводите меня к окошечку.

Он поставил десять тысяч франков. Условия были подходящие — семь на один. Смит поставил двадцать пять тысяч франков. Они рядышком пошли к трибуне и поднялись, пока лошадей выводили на дорожку. Народу было вообще мало, и так высоко забрались еще лишь несколько зрителей.

— Ну, Ллойд,—спросил Смит,—вы просмотрели карты?

— Я просмотрел карты.

— И что же вы думаете?

— Я думаю, что это очень хорошие карты.

Смит в упор взглянул на него. Затем он решил перейти к своему обычному посмеиванию.

— Вы хотите разыграть меня, да? Вы же знаете, что я имею в виду. Вы решили?

— Я...—начал было Барбер, глядя на лошадей, которых проезжали перед бегами, и глубоко вздохнул.— Я скажу вам после скачек.

— Ллойд!

Голос раздался снизу, справа, и Барбер повернулся в этом направлении. По ступенькам карабкался Джимми Ричардсон. Он всегда был кругловатым, по-детски пухлым, а парижская кухня не сделала его стройнее, так что он задыхался, то-

ропливо направляясь к Барберу, пальто его распахнулось, показывая клетчатую фуфайку.

— Как поживаешь?—спросил он, добравшись до них и еле переводя дыхание.— Я увидел тебя здесь и подумал, что ты, может быть, смыслишь в этом деле. Я не умею рассчитывать такие скачки, и целый день мне не везло. Разбираться в лошадях я негоразд.

— Хелло, Джимми,—приветствовал его Барбер.— Мистер Ричардсон. Мистер Смит.

— Рад с вами познакомиться,—сказал Ричардсон и обратился к Барберу.—Нет, Ллойд, ты, правда, ничего не знаешь? Маурин убьет меня, если я приду домой и скажу, что я проиграл сегодня все.

Барбер взглянул на Смита, который добродушно рассматривал Ричардсона.

— Ну, что ж,—сказал он,— вот Берти, мальчик, полагает, что он кое-что слышал.

— Берти, мальчик,—взмолился Ричардсон,—пожалуйста...

Смит многозначительно улыбнулся.

— Пятый номер выглядит очень хорошо. Но вам надо поторопиться. Они стартуют через минуту.

— Пятый номер,—сказал Ричардсон.—Я сейчас вернусь.—Он зашагал вниз по ступенькам, пальто на нем развевалось.

— Доверчивая душа, не правда ли?—обратился Смит к Барберу.

— Он был единственным ребенком,—сказал Барбер,—и ему так и не удалось от этого избавиться.

Смит вежливо улыбнулся:

— Откуда вы его знаете?

— Он был в моей эскадрилье.

— В вашей эскадрилье,—кивнул Смит, глядя вслед удаляющейся фигурке Ричардсона, спешащего к окошку продавца билетов.—Летчик?

Барбер промычал утвердительно.

— Хороший?

Барбер пожал плечами:

— Среди тех, что погибли, были и лучше него, а многие из тех, что

похуже, собрали полную коллекцию наград.

— Что он делает в Париже?

— Он агент компании по торговле медикаментами.

Раздался звонок, и лошади устремились к первому препятствию.

— Боюсь, что ваш друг опоздал,—сказал Смит, приставляя бинокль к глазам.

— Да!—отозвался Барбер, следя за идущими кучно лошадьми.

Лошадь номер пять упала на четвертом препятствии. Она перескочила вместе с двумя другими лошадьми и вдруг упала и покатилась. Остальная группа обошла ее. Четвертое препятствие было далеко, и трудно было точно увидеть, что произошло, пока, мгновением позже, кобыла не поднялась и не помчалась галопом за остальными лошадьми, волоча за собой поводья. Тогда Барбер увидел, что жокей лежит неподвижно, неуклюже уткнувшись лицом в землю, подвернув голову под плечо.

— Пропали наши деньги,—спокойно сказал Смит. Он отнял бинокль от глаз, вытащил свои билеты, порвал их и бросил.

— Можно?—Барбер протянул руку к биноклю. Смит снял ремешок с шеи, и Барбер навел бинокль на роковое препятствие и на лежавшего ничком жокея. К тому уже подбежали двое и старались его перевернуть.

Барбер поправил наводку на резкость, и люди, склонившиеся над неподвижным телом в рубашке, усеянной каштановыми звездочками, превратились из расплывчатых пятен в отчетливые фигуры. В движениях этих людей чувствовалось что-то крайне необходимое, но до отчаяния безнадежное. Они подняли жокея, держа его между собой, и неуклюже побежали прочь.

— Черт побери! — это был Ричардсон, который опять вскарабкался к ним. — Окошко захлопнулось, едва я...

— Не продолжайте, мистер Ри-

чардсон, — остановил его Смит. — Мы свалились на четвертом препятствии.

Ричардсон усмехнулся:

— Это моя первая удача за сегодняшней день.

Внизу, перед трибунами, лошадь без всадника увертывалась и убегала от конюха, пытавшегося ухватиться за оборванные поводья.

Барбер не сводил бинокля с двух людей, несущих жокея. Вдруг они опустили его на траву, один из них склонился и приложил ухо к его груди. Немного погодя он поднялся. Затем они снова понесли жокея, только теперь они шли медленно, словно торопиться было некуда.

Барбер вернул бинокль Смит:

— Я пойду домой—с меня хватит на сегодня.

Смит бросил на него резкий взгляд. Он приставил бинокль к глазам и посмотрел на тех, которые уносили жокея. Затем он спрятал бинокль в футляр и натянул ремешок на плечо.

— Здесь убивают, по крайней мере, одного за год,—сказал он тихим голосом.—В таком спорте без этого не обойтись. Я отвезу вас домой.

— Послушайте,—обратился к нему Ричардсон,—этот малый умер?

— Он был уже слишком стар,—сказал Смит.—Ему надо было оставить это дело раньше.

— Боже мой, — воскликнул Ричардсон, уставившись на дорожку. — А я еще жалел, что опоздал поставить на него. Вот была бы ставка.—Он состроил ребяческую гримасу.—Ставка на мертвого жокея.

Барбер начал спускаться, направляясь к выходу.

— Я пойду с тобой,—сказал Ричардсон. — Сегодняшний день для меня не из удачных.

Все трое молча спустились с трибуны.

Когда они подошли к машине, Барбер уселся сзади, предоставив Ричардсону место рядом со Смитом.

Смит вел машину медленно и молчал. Даже Ричардсон заговорил только раз.

— Ну и смерть,—начал он, когда они проезжали между высокими, голыми деревьями. — На каких-то паршивых скачках, вся цена которым триста тысяч франков.

Барбер сидел в углу, полузакрыв глаза, ни на что не глядя. Он вспоминал, как те двое подняли жокея во второй раз. «Сегодняшний выбор Смита»,—подумал Барбер. Он совсем закрыл глаза и увидел карты, разложенные на его кровати. Средиземное море. Широкие просторы открытого моря. Ему вспомнился запах гари. Самый худший запах на свете. Запах, снившийся ему по ночам во время войны. Запах горячего металла, тлеющей резины. Запах ставки Смита.

— Вот мы и приехали,—послышался голос Смита.

Барбер открыл глаза. Они остановились на углу тупика, из которого был вход в его отель. Он вышел.

—Погодите минутку, Берти, мальчик,—сказал Барбер.—Я хочу передать вам кое-что.

Смит взглянул на него вопрошающе:

— Это неотложно, Ллойд?

— Да. Я обернусь в одну минуту,—Барбер вошел в отель и поднялся к себе. Карты были сложены стопкой на шифоньерке, за исключением одной, которая лежала открытой на диване. На ней были обозначены окрестности Мальты. Он быстро собрал их, положил в конверт и вернулся к машине. Смит стоял у машины, куря и держась за шляпу, потому что поднялся ветер и опавшие листья неслись по мостовой.

— Вот, пожалуйста, Берти, мальчик,—Барбер протянул ему пакет.

Смит не взял его.

— Вы уверены, что вам следует поступить именно так?

— Уверен.

Смит все же не взял карт.

— Я не спешу,—сказал он мяг-

ко.—Почему бы вам не оставить их еще на день?

— Спасибо, не надо.

Мгновение Смит молча глядел на него. Как раз в этот момент на улицах зажглись лампы дневного света. В их холодном, беловато-синем свете спокойное лицо Смита казалось пыльно-серым из-за теней, отбрасываемых его дорогой шляпой, а его красивые глаза под загибающимися ресницами—совсем черными и плоскими.

— Только из-за того, что жокей упал при прыжке...—начал Смит.

— Возьмите,—перебил Барбер,—или я брошу их в водосточный желоб.

Смит пожал плечами. Он протянул руку и взял конверт.

— У вас больше никогда не будет подобного случая,—сказал он, осторожно водя пальцем по краю конверта.

— Спокойной ночи, Джимми,—Барбер нагнулся, обращаясь к Ричардсону, который озадаченно смотрел на них.—Передай привет Маурин.

— Послушай, Ллойд,—произнес Ричардсон, собираясь вылезти из машины.—Я думал, что мы, может, выпьем пару стаканчиков. Маурин ждет меня не раньше, чем через час; я думал, что мы, может, вспомним старину и...

— Извини,—перебил его Барбер, которому сейчас больше всего на свете хотелось остаться одному.—У меня свидание. В другой раз.

Смит повернулся и задумчиво посмотрел на Ричардсона:

— У него всегда свидания, у вашего друга. Он пользуется успехом. Но я сам непрочь выпить, мистер Ричардсон. И буду очень рад, если вы составите мне компанию.

— Хорошо,—произнес неуверенно Ричардсон.— Но я живу за Отейль де Виль и...

— Это мне по пути,—дружески улыбнулся Смит.

Ричардсон откинулся назад на своем сиденье, а Смит начал вле-

зять в машину. В последний раз он взглянул на Барбера.

— Я ошибся на ваш счет, не так ли, Ллойд? — сказал он презрительно.

— Да, — утвердительно кивнул Барбер.—Я старею. И я не хочу задерживаться на этом вопросе.

Смит, посмеиваясь, сел за руль. Они не пожалели друг другу рук. Смит захлопнул дверцу, и машина резко сорвалась с места.

Барбер проводил взглядом большую черную машину, быстро унесшуюся по освещенной холодным, беловато-синим светом улице. Затем он вернулся к отелю, поднялся к себе и лег, потому что скачки всегда его изматывали.

Час спустя он встал. Ополоснул лицо холодной водой, чтобы освежиться, но все равно чувствовал себя опустошенным и ко всему безразличным. Ему не хотелось ни есть, ни пить, и все время вспоминался мертвый жокей в испачканной землей шелковой рубашке. Ему никого не хотелось видеть. Надев пальто, он вышел и, захлопнув за собою дверь, почувствовал, до чего ненавистна ему его комнатка.

Он медленно направился в сторону площади Звезды. Стоял сырой вечер, с реки надвигался туман, улицы были почти пусты — в этот час все обедали. Он не смотрел на освещенные витрины, потому что ничего не собирался покупать. Он миновал несколько кинотеатров с окутанными туманом неоновыми рекламами. «В кино, — подумал он, — герой был бы сейчас уже на пути в Африку. Его бы несколько раз чуть-чуть не поймали в Египте, но он вырвался бы из ловушки, устроенной в пустыне, убив на взлетной дорожке как раз вовремя несколько темнокожих. У него испортится мотор над Средиземным морем, и он еле дотянет до суши, задев волны кончиками крыльев, а затем непременно разобьется, не причинив себе, впрочем, никаких повреждений, кроме, разве, фотоге-

ничного пореза на лбу, и вытащит ящик как раз вовремя. А затем он окажется агентом государственного казначейства или сотрудником британской разведки, и он ни разу не усомнится в своей счастливой звезде, его нервы ни разу не сдадут, и в конце картины он не останется всего лишь с несколькими тысячами. Или же, над холмами окажется густой, низкий туман, самолет будет кружить и кружить, затерянный и обреченный, пока, наконец, баки не опустеют, и самолет не упадет, объятый пламенем. Оглушенный и шатающийся, герой все же будет стараться вытащить ящик, но не сможет сдвинуть его, и, наконец, огонь заставит его отступить; с почерневшим от дыма лицом, он прислонится к дереву и, смеясь безумным смехом, будет смотреть, как горят самолет и деньги... Все это показывает суетность людских стремлений и алчности...»

Барбер мрачно усмехнулся, придумывая эти сценарии перед огромными афишами, выставленными возле кинотеатров. Он свернул с Елисейских полей, бредя медленно и бесцельно, стараясь решить, что ему сделать сначала, — поесть или выпить. Почти машинально он дошел до Афинской площади. За две недели смитовского ухода они почти ежедневно встречались вечером в Английском баре на Афинской площади.

Он вошел в отель и спустился в Английский бар. Едва зайдя в зал, он увидел в углу Смита и Джимми Ричардсона.

Барбер улыбнулся. «Берти, мальчик, — подумал он, — ты теряешь время попусту». Он стал у стойки и заказал виски.

— ...пятьдесят боевых вылетов, — услышал он слова Ричардсона. У Ричардсона был громкий, гулкий голос, заполняющий весь зал: — Африка, Сицилия, Италия, Юго...

Тут Смит увидел его. Он холодно кивнул Барберу. Тогда и Ричардсон повернулся на своем стуле. Он сму-

щенно улыбнулся и покачался, словно человек, которого друг застал со своей девушкой.

Барбер махнул им рукой. На мгновение он колебался—не присесть ли им и не постараться ли спасти Ричардсона. Он наблюдал за ними, стараясь определить, что они думают друг о друге. Или, точнее, что думает о Ричардсоне Смит. На счет Джимми размышлять не приходилось. Стоит поставить Джимми выпивку—и он ваш друг до гроба. Ибо, несмотря на все выпавшие на его долю житейские испытания—войну, женитьбу, отцовство, жизнь за границей,—Джимми не приходило в голову, что он может кому-то не понравиться, что кто-то может причинить ему вред.

Барбер внимательно следил за лицом Смита. Он уже достаточно изучил Смита, чтобы догадываться о многом из того, что таилось за красивыми глазами и бледной, напудренной маской лица. Сейчас Барбер с полной уверенностью мог сказать, что Смит скучал и желал отделаться от Ричардсона.

Барбер обратился к своей выпивке, улыбаясь про себя.

«Берти-мальчику хватило одного часа,—подумал он,—одного часа созерцания этой добродушной пустой физиономии, чтобы убедиться в непригодности Джимми для полета с маленьким ящиком пятифунтовых банкнот из Каира в Канн».

Барбер быстро допил свой стакан и вышел из бара, прежде чем Смит и Ричардсон успели подняться из-за столика. Ему нечего было делать вечером, но он не хотел оказаться вынужденным обедать в обществе Джимми и Маурин Ричардсон.

И вот с тех пор прошло почти два месяца, и уже тридцать два дня никто ничего не слышал о Джимми Ричардсоне...

За полдня поисков Барберу нигде не удалось напасть на след Берта Смита.

Около восьми часов Барбер при-

шел в Английский бар на Афинской площади. Он промок под дождем, устал, ботинки его пропитались водой, и он чувствовал, что простуживается. Он оглядел комнату, но она была почти пуста. С беспокойством думая о своих расходах на такси, он разрешил себе заказать виски.

Потягивая в тихом зале виски, Барбер вновь и вновь твердил себе: «Я должен был сказать что-нибудь. Но что я мог сказать?»

«Я был так дурацки самонадеян,—с горечью думал Барбер.—Я был так дурацки уверен, что Джимми Ричардсон слишком глуп, чтобы ему предложили такие деньги. Я был так дурацки уверен, что Берт Смит слишком умен для того, чтобы нанять его».

Он не сказал ничего из того, что должен был сказать, и теперь все это обрушилось на обезумевшую, потерявшую мужа, оставшуюся без гроша молодую женщину, которая просила его о помощи, когда помочь было уже поздно. Оставшуюся без гроша, ибо Джимми был слишком глуп даже для того, чтобы взять хоть сколько-нибудь денег авансом.

Он вспомнил, какими были Джимми и Маурин, когда они, улыбающиеся, смущенные, преисполненные юношеской важности, стояли рядом с полковником Самнерсом, командиром их эскадрильи, в день своей свадьбы в Шривпорте. Он вспомнил самолет Джимми рядом со своим самолетом в небе над Сицилией, вспомнил лицо Джимми, когда он сел в Фодже с горящим мотором, вспомнил пьяный голос Джимми, распевającego в неаполитанском баре, вспомнил, как на другой день после прибытия в Париж Джимми говорил: «Послушай, козлик, вот этот город как раз по мне, у меня Европа в крови».

Он допил виски, расплатился и медленно пошел наверх. Зайдя в телефонную кабинку, он вызвал свой отель, чтобы справиться, не получено ли что-нибудь для него.

— Мадам Ричардсон звонила вам с четырех часов несколько раз,— сообщил старичок, дежурящий у коммутатора гостиницы.— Она хотела, чтобы вы ей позвонили.

— Хорошо, — сказал Барбер. — Спасибо. — Он собрался повесить трубку.

— Постойте минуточку, — сердито проговорил старичок.— Она час назад позвонила и попросила передать вам, что ее не будет дома. Она сказала, что если вы вернетесь до девяти часов, то она хотела бы, чтобы вы зашли к ней в бар отеля «Бельман».

— Спасибо, Анри,—сказал Барбер. — Если она позвонит еще, то скажите, что я уже отправился туда.

Он вышел из отеля. «Бельман» был недалеко, и он шел медленно, хотя дождь все еще лил. Он вовсе не торопился увидеть Маурин Ричардсон.

Придя к «Бельману», он несколько поколебался перед тем, как войти; он чувствовал себя слишком усталым для этого, ему хотелось, чтобы встречу с Маурин можно было отложить хотя бы на следующий день. Вздохнув, он толкнул дверь.

Бар был небольшой и до отказа заполненный солидными, хорошо одетыми людьми, проводящими время за своей предобеденной выпивкой. Тут он увидел Маурин. Она сидела в углу, вполоборота к залу; ее потертое легкое пальтецо было наброшено на спинку стула. Она сидела одна, и возле нее на подставке стояла в ведерке бутылка шампанского.

Барбер направился к ней, разозленный видом шампанского. «Вот на что она тратит мои пять тысяч франков,—думал он с досадой.—И женщины посходили с ума в наши дни».

Он склонился над ней и поцеловал в темя. Она нервно повернулась на месте, но улыбнулась, узнав его.

— О, Ллойд,—сказала она шепотом. Вскочив она крепко обняла его и поцеловала. От нее сильно разило

шампанским, и он подумал: «Уж не пьяна ли она?»

— Ллойд, Ллойд,—твердила Маурин. Она чуть оттолкнула его, но продолжала держать его за руки. Под глазами у нее были размазаны слезы, а губы дрожали.

— Я пришел сразу, как только мне передали ваши слова, — Ллойд старался, чтобы его голос звучал рассудительно и успокаивающе, опасаясь, что Маурин вот-вот не выдержит, несмотря на то, что кругом полно людей.

Она продолжала стоять перед ним, жадно вцепившись в него руками, губы ее шевелились. В замешательстве он взглянул на ее руки. Они были все такие же—покрасневшие, с неровными ногтями, но на ее пальце сверкало огромное бело-голубое кольцо. Его не было, когда она приходила к Барберу в отель, и он помнил, что никогда раньше не видел у нее этого кольца. Он поднял глаза, почти испуганный, думая: «Что это она затеяла? Чем занялась?»

И тут он увидел Джимми. Джимми пробирался к ним между столиками. Лицо его было озарено широкой улыбкой, он слегка похудел, сильно загорел и вообще выглядел так, словно только что вернулся после месячного отдыха на южном побережье.

— Хи, козлик, — кинулся к нему Джимми, и голос его прогудел по всей комнате, покрывая ровный шум общего разговора.—Я как раз опять звонил тебе.

— Он вернулся, — сказала Маурин.—Он вернулся сегодня в четыре часа, Ллойд.—Она внезапно опустилась на стул. Что бы там ни случилось после четырех часов, но ясно было, что она с тех пор порядком-таки прикладывалась к бутылке. Она сидела, все еще держа Барбера за руку, обратив к мужу сияющее, чуть ошеломленное лицо.

Джимми похлопал Барбера по плечу и крепко пожал ему руку.

— Ллойд! Старина Ллойд!.. Гар-

сон! — рывкнул вдруг Джимми на весь зал. — Еще бокал! Снимай пальто. Садись, садись.

Барбер снял пальто и, не торопясь, сел.

— Добро пожаловать, — сказал он тихо. Он высморкался. Простуда не миновала-таки его.

— Прежде всего я должен передать тебе кое-что. — Джимми с важным видом запустил руку в карман и вытащил оттуда пачку десятидесятифранковых банкнот. Пачка была в два дюйма толщиной.

— Маурин рассказала мне, — произнес он серьезным тоном. — Ты был настоящим, редким другом, Ллойд. Можешь ты разменять десятку?

— Пожалуй, что нет, — сказал Барбер. — Нет.

— Гарсон, — окликнул Джимми официанта. — Принесите мне, пожалуйста, вместо этой две по пять.

Джимми осторожно налил шампанское. Подняв свой бокал, он чокнулся сперва с Барбером, потом с Маурин. Маурин продолжала смотреть на него так, словно она видела его впервые.

— За преступление, — Джимми подмигнул. Мигая, он скривился, как ребенок, которому трудно произвести столь сложное движение без участия в нем, по меньшей мере, половины лица.

Маурин захихикала.

Они выпили. Шампанское было превосходным.

— Ты обедаешь с нами, — сказал Джимми. — Как раз мы все трое, Красавица, я и ты, потому что, если бы не ты... — приняв торжественный вид, он положил руку Барберу на плечо.

— Да, — сказал неопределенно Барбер. Ноги его замерзли, мокрые брюки прилипли к мокрым нос-

кам, ему пришлось еще раз высморкаться.

— Красавица показала тебе свое кольцо? — спросил Джимми.

— Да, — кивнул Барбер.

— Оно у нее только с шести часов, — сказал Джимми.

Маурин подняла руку, уставилась на свое кольцо и снова захихикала.

— Я знаю местечко, — произнес Джимми, — где можно получить фазана, самую лучшую бутылку вина во всем Париже и...

Официант вернулся и дал Джимми две бумажки по пять тысяч франков.

— Если тебе когда-нибудь придется тугу, — сказал Джимми, передавая ему одну банкноту, — ты знаешь, куда обратиться, не правда ли?

— Да, — произнес Барбер, засовывая бумажку в карман.

Он чихнул несколько раз подряд, а минут через десять сказал, что очень извиняется, ибо с такой простудой ему трудно быть участником вечеринки. И Джимми и Маурин стали упрашивать его остаться, но он сказал, что вдвоем они будут чувствовать себя лучше.

Он допил второй бокал шампанского, обещал, что будет к ним наведываться, и вышел из бара.

Он был голоден, а фазан был вообще одним из самых любимых его блюд, и, по сути, простуда была не такой уж сильной, но он чувствовал, что не сможет выдержать целый вечер с Маурин и Джимми, наблюдая, как они любят друг друга.

Он отправился в свой отель пешком, потому что и так уже истратился на такси, поднялся к себе и, не снимая пальто, уселся в темноте на край кровати. «Лучше мне убраться отсюда, — подумал он, вытирая тыльной стороной руки повисшую на носу каплю. — Только куда же мне податься?..»

Ираклий Абашидзе

ПО ДОРОГАМ ИНДИИ

(Очерк третий)

Я уже писал о том, что Гурбахш Сингх пригласил нас в свою деревню, в край сикхов Пенджаб, страну пяти (пендж) рек. Пенджаб считается житницей Индии. Религия пенджабцев — сикхизм. Бог сикхов держит в руках меч, но в основном и эта религия, как и другие верования Индии, проповедует неппротивление злу. Гандизм — это тоже неппротивление злу насилием. Но сила гандизма, его пафос — в отказе от сотрудничества с англичанами. «Не сотрудничайте с англичанами, не работайте на их предприятиях, не покупайте английских товаров, одевайтесь только в национальные одежды», — учил Ганди.

...Мы направились в столицу Пенджаба — Амритсар. Это город, до которого дошел Александр Македонский. Здесь была граница его громадной империи.

Амритсар — довольно большой город, в нем свыше полумиллиона жителей. В центре возвышается знаменитый амритсарский «Золотой Храм». Вокруг него — мраморные бассейны. В них стремительно проносятся рыбы. Они хорошо видны в прозрачной воде. Вокруг храма богатеи в свое время построили белые палаты. Простые же паломники, которые идут к храму издалека, ютятся в бараках. Сейчас правительство решило приобрести у владельцев дворцы и сделать их гостиницами для пилигримов.

Храм сверкает на солнце позоло-

ченными куполами и стенами. Мы разулись и, получив специальные носки, вошли в храм. В центральном зале, на покрытом цветами ковре, сидят слепые музыканты и непрерывно, день и ночь, поют под свой аккомпанемент церковные песни. Эти песни, не прекращаясь, звучат здесь со дня основания храма (так же, как в Калькутте, в Бриллиантовом храме джайнистов, свечи горят с тех пор, как он был возведен).

На середине ковра лежит меч. Он символизирует религиозную мораль сикхов. У жестокого человека должно просить пощады и доброты, — говорит их учение. — Но если жестокий человек не проявит доброты, нужно отсечь ему голову мечом. Впрочем, сикхи все же надеются, что у каждого жестокого человека можно вымолить сочувствие и доброту.

За общим залом — еще одна комната. Там на ковре сидит человек и держит на коленях огромную книгу. Служитель культа давно уже знает книгу наизусть. Он листает ее, потом смотрит на нас и вновь что-то бормочет. Молодой человек машет над ним опахалом. Чтобы прочитать книгу, нужно ровно два дня и две ночи — сорок восемь часов. Прочтешь — и начинай сначала.

Храм в Амритсаре славится, как храм общего бога, храм братства, человечности и подавления жестокости. Поэтому сюда приходят последователи всех вероисповеданий, даже мусульмане.

Ремонт храма, его обслуживание — все это обязанность самих прихожан. Они считают ее делом богоугодным и даже впадают в грех, споря между собой за право уборки храма. Во дворе храма растет дерево, все увешанное венками из желтых цветов. Это паломники несут и несут их. Местные жители утверждают, что дереву пятьсот лет.

На мокром от дождя каменном полу храма мы промочили ноги. Но нас уверили, что мы не простудимся. «Что вы, что вы! — сказали нам. — Вы ведь в «Золотом Храме», под охраной бога!» И верно, бог оградил нас от насморка; правда, не всех — двое все-таки остались вне его внимания.

Наш хозяин Раху Кандин Пхация, родственник Гурбахша Сингха, пригласил нас в клуб промышленников. Здесь собрались богачи Амритсара, а также представители различных партий. Во главе длинного стола сидел председатель союза промышленников, одетый в европейский костюм. Узнав, что мы только что вернулись из «Золотого Храма», он начал с нами беседовать о религии. «Я ни в чем не согласен с коммунистами, — заявил он, — но что касается религии, то я тоже коммунист. Религия — это глупость и самообман». Такое резкое выражение атеистических взглядов в Индии нас не могло не удивить.

Среди собравшихся был и руководитель коммунистической партии Пенджаба, член Индийского парламента, высокий, красивый, чуть поседевший веселый человек Сон Сингх Диош. Половину своей жизни он провел в английских тюрьмах. Капиталист во главе стола все время недовольно бурчал в его сторону: «В парламенте он выводит нас из терпения все новыми и новыми своими предложениями увеличить налоги на промышленников. И что он берет-ся рассуждать об имуществе других, когда сам ничего не нажил? Вот кто мешает развитию национальной экономики, противостоит интересам национальной независимости страны».

Сон Сингх Диош хохотал, а капиталист злился все больше и больше. Сингх был в этот день в особенно

хорошем настроении, он с интересом расспрашивал о жизни и деятельности людей Советской страны, просил, чтобы ему обо всем рассказывали очень подробно. Когда мы уходили, Сингх Диош проводил нас до машины, от души пожелал счастливого пути и успехов в труде.

Машины двинулись в сторону деревни, где живет Гурбахш Сингх. Я смотрел на проплывающие мимо поля, на многочисленных животных, с любопытством глядевших на машины или даже долго их сопровождавших, и мне казалось, что я заново читаю «Витязя в тигровой шкуре»: «Слушать вышли звери лесные...» Вообще в Индии домашних животных подчас не отличишь от диких.

В деревне Чугован нас остановили жители. Был устроен митинг. Митингом руководила энергичная женщина, которая успокоилась лишь после того, как все мы выступили с речами. Нам задавали множество вопросов, долго не отпускали, после каждого нашего выступления протяжно кричали: «Хинди — руси, бхай, бхай!»

Только через два часа вошли мы в дом Гурбахша Сингха в деревне Притнагар. Была уже ночь. Кругом — тишина. Дом Гурбахша Сингха освещен газовыми фонарями (электричества здесь нет). С веселой улыбкой, широко раскинув руки для объятий, встречает нас на лестнице хозяин. Он познакомил нас со своей семьей: женой, сыновьями, внуками. Пришли и соседи, они сели на пол, подобрав под себя ноги. Ночь мы провели, читая стихи и распевая песни. Девушки опять пели печальные песни о любви — почему-то о любви я слышал только ласково-печальные мелодии, — а маленькая девочка спела «Проснулся Пенджаб» — образец нового пенджабского музыкального фольклора.

Нас привлекли замечательные картины совершенно незнакомого художника: «Поэзия», «Воспоминание юности», «Легенда о любви», «Индийский рабочий», «Вышла замуж», «Старик - сикх», «Юноша - сикх». В «Легенде о любви» шах Джахан обещает умирающей жене построить Тадж-Махал. «Индийский рабо-

чий» — сильный мускулистый шахтер, с большим отбойным молотком в руках. «Воспоминание юности» — дремлющего старика посещает видение: молодой парень с девушкой; этот парень — его молодость...

В кресле сидит пожилой человек. Обе его ноги разбиты параличом. Это Собха Сингх — автор картин, известный пенджабский художник, или, как он себя называет, «артист из ущелья Кангра».

— У нашей живописи нет будущего. Да и настоящего, — с горечью говорит он. — Мне известно, у вас искусству покровительствует правительство. У нас же очень мало заказов. Разве нужны какому-нибудь богатому, привыкшему к безвкусице, торгашу произведения настоящего искусства?

И вот Собха Сингх, повторяя наших народников, поселился в ущелье Кангра, в деревне Эндрита, и там работает. Без стремления к славе, к известности, без всяких претензий. Он полагает, что нет нужды читать народу мораль и поучать его. Нужно, чтобы ты сам жил достойно, и тогда ты станешь примером для народа.

Собха Сингх любит поэзию. Он и здесь устроил мушаиру между присутствующими, яростно бил в ладоши и самозабвенно кричал: «Ва-ах! Ва-а-ах! Вах!». Потом, успокоившись, стал упорно уверять нас, что многие поэты якобы нанимают людей, чтобы те им аплодировали. Собха Сингх начал подражать какому-то поэту-заике. Я не мог сдерживать смеха. Когда художник узнал, что в нашей делегации есть свой поэт-заика, он покраснел, как ребенок, застыдился и, как ни просили его продолжать талантливую имитацию, делать это отказался. Он долго извинялся передо мной, что не знает нашего языка и потому не смог заметить, заикаюсь я, или это просто уж такой грузинский язык. Я продолжал смеяться...

На другое утро двор Гурбахша Сингха заполнили крестьяне. Они пришли встретиться с нами. Мы вышли на балкон. Их интересовало о Советской стране все. Но почему-то главным интересующим их вопросом был: «Есть или нет в Советском Сою-

зе воровство?». Как видно, до встречи с нами у них была уже целая дискуссия по этому поводу. Одни отвечали утвердительно, а другие, абсолютное большинство, держались противоположной точки зрения. Представьте себе их разочарование, когда мы ответили, что да, этот «пережиток» у нас пока еще не изжит. Крестьяне не только не ожидали такого ответа, они его не хотели; представление индийских крестьян о нашей стране — это представление об идеально-прекрасной стране, где не только все свободны, равноправны, но и где совсем нет несчастливых людей, где нет вообще ничего плохого. По правде говоря, настроение у нас испортилось. За границей, среди друзей нашей Родины, особенно чувствуешь свои неполадки, свои нерешенные еще проблемы, и в тебя вливается жажда скорее все исправить, сделать нашу жизнь еще лучше, чтобы она буквально во всем служила примером для людей, отвечала чаяниям вот таких тружеников, как эти крестьяне.

Нас очень подробно расспрашивали о колхозах, о том, как распределяется земля, какая культура приносит у нас больше всего дохода, какую помощь оказывает крестьянам государство.

— Мы хотим, чтобы вы были сильными, — сказали они также. — Ваша сила приносит мир и нам.

Мы рассказали крестьянам о жизни наших республик. Они удивились: оказывается, в Советской России (Советский Союз они называют часто Советской Россией) говорят на разных языках, и у республик, оказывается, свои правительства, свои планы, своя промышленность.

Когда мы вернулись в Амритсар, местные власти сочли необходимым показать нам городской парк Джеллан Валабал. Здесь в тысяча девятьсот девятнадцатом году английский генерал Дайер расстрелял митинг, погибло две тысячи человек. У входа в парк надпись: «Эта земля пропитана кровью индийских патриотов». Парк — собственность народа, граждане Амритсара на деньги, собранные по подписке, выкупили его у владельца, и парк стал местом траура, символической братской могилой

пенджабцев, павших в борьбе за свободу. Здесь не устраиваются развлечения, не созываются собрания. На деревьях и стенах парка до сих пор сохранились следы пуль. К ним прибиты маленькие дощечки. Сняв головные уборы, мы молча, в глубокой тишине прошли по парку.

На вокзале Амритсара в предназначенный нам вагон вошли за нами несколько молодых сикхов. Это были местные коммунисты, работники комитета партии. Они задали нам тысячу разных вопросов о том, как работают коммунисты Советского Союза. Мы говорили друг с другом очень откровенно. Потом к поезду подошла большая группа других пенджабцев — мэр города в сопровождении горожан. Мэр вошел в наш вагон, поздоровался, а затем, извиняясь, объяснил, почему до сих пор не сумел встретиться с нами: его не было в городе. Потом он вежливо спросил, понравился ли нам город Амритсар. Мы вежливо ответили: «Да, понравился». Ударил звонок отправления, и мэр вежливо попрощался с нами. Мы вежливо сказали: «До свидания...»

Молча, крепким рукопожатием пожали друг другу руки мы и коммунисты замечательного города Амритсара.

Снова Дели. Мы возложили большой венок на могилу Ганди: «Махатма Ганди от писателей Советского Союза». Могила вождя Индии расположена на окраине города. Большая площадь огорожена, дорожки, ведущие к могиле, выложены красным камнем, с обеих сторон — газоны и фонтаны.

Ганди был убит в 1945 году членом какой-то религиозной секты, фанатиком Готсом. Его подкупили англичане. В то время в Индии происходила большая междоусобица между индуистским и мусульманским населением. Ганди выступил с идеей дружбы между народами, населяющими Индию, с проповедью примирения между ними. «Индийцы и мусульмане — братья!» — говорил он. Кое-кто из фанатичных сторонников религиозных индийских сект не одобрил действия Ганди. «Мы никогда не были братьями мусульманам и никогда ими не будем», — заявили

они. Англичане воспользовались случаем и подослали к Ганди убийцу. Труп Ганди был торжественно сожжен, а Прасад, Радха Кришнан, Джавахарлал Неру и другие крупнейшие деятели Индии пронесли прах по всему городу. Сегодня, как я уже говорил, Махатма Ганди — почти бог Индии.

Перед отъездом из Индии мы получили приглаательные билеты общества Индийско-советской дружбы. В клубе Таум-Холла оно устраивало встречу с нами и с приехавшими в те дни в Индию советскими учеными.

Стульев в клубе не было, и все мы расположились, по обычаю, прямо на полу. Нас приветствовал мэр города Дели. Он с искренней гордостью говорил о дружественных взаимоотношениях между Советским Союзом, Индией и Китаем. После выступления мэра струнный оркестр исполнил какую-то песню. (Вообще говоря, в Индии официальная часть и концертные отделения торжественных собраний не отделены друг от друга). Потом опять взял слово мэр города, речь его теперь была очень короткой. «В Советском Союзе, — сказал он, — хорошо знают нашу страну, интересуются нашим искусством, но, простите меня, друзья, я должен сказать вам, что зрители у вас не всегда отличают хорошее от плохого. Почему, — спросил мер, — пользуется таким удивительным успехом в Советском Союзе фильм Радж Капура «Бродяга»? Это же не наша страна, это по-голливудски искаженная Индия. Что в этой картине нравится советским зрителям, мне непонятно».

Этот инцидент, конечно, очень мелкий. Но он в какой-то мере показатель. В Индии очень внимательно относятся к тому, чтобы о жизни их страны у нас было правильное представление.

Потом нас приветствовал известный индийский журналист, великолепный, как мы убедились тут же, оратор, друг нашей страны Джан Багатур Сингх. «Между Индией и Советским Союзом поднимаются высочайшие вершины Гималаев и Гиндукуша. Но в свете наших сегодняшних дружественных взаимоотношений эти великие хребты кажутся ма-

ленькими горками». По мнению оратора, две наши свободные страны, страны Ганди и Толстого, духовно близки друг другу, и мы должны еще больше углублять эту близость для обеспечения мира во всем мире.

Не скажу, что советский духовный строй близок современному индийскому, но, конечно, можно только приветствовать и всеми силами поддержать вторую часть вышеприведенного высказывания — мы должны крепить нашу дружбу с великой Индией. Да и разве совсем нет у нас общего с ней? Об этом общем после речи Багатура Сингха спел вокальный ансамбль песню под боевым названием: «Империалисты, вон из Азии!»

Тут же кто-то из наших друзей прочитал только что сочиненную импровизацию: рассказ о трех братьях — Ганге, Янцзы и Волге. Когда эти три брата обняли друг друга, в мире не нашлось ничего, что было бы мощнее их.

Общество Индийско - советской дружбы устроило еще один прием — в гостинице «Венгра». Там мы вновь увидели Амриту, услышали ее нежный, глубокий голос, видели ее спокойную улыбку.

Вечером в нашу гостиницу «Джаннаты» пришли мои земляки — грузины, участники строительства большого металлургического завода в Бхилаи. С огромной радостью встретили мы специалистов из Рустави —

Ясона Гумберидзе и Платона Чикаберидзе. Нет, Индия, действительно, страна чудес. Разве не чудом сохранилась у руставцев до сих пор бутылка грузинского вина? В далеком Дели мы выпили за Родину.

...Последнее наше утро в Дели. Белый туман стелется по городским улицам. Только верхушки деревьев торчат из тумана. Дели будто ватой закутался, собравшись путешествовать куда-то на север. Высокие городские ворота проглядывают из пелены, словно вершины гор. Весело кричат птицы. Тяжело улетают к востоку, в сторону форта Акбара и «Башни молчания» грифы.

Мы стоим на длинном балконе гостиницы «Джаннаты» и смотрим на столицу Индии. Проводить нас пришли индийские писатели. Гулиам Рубан вынул из кармана бутылку виски, выпил за наше здоровье, расчувствовался вдруг, и на глазах у него показались слезы.

И вот мы едем к аэродрому. В два часа дня пятнадцатого января мы уже сидим в самолете пакистанской авиалинии, готовые к полету в Карачи, где нас уже поджидает самолет, прилетевший из Токио. Потом — Абадан, Междуречье и Сирия, Средиземное море, Афины, Рим, Альпы с Монбланом, Швейцария в снегу, Дюссельдорф, Копенгаген, ночевка в Стокгольме, Рига, Москва! Завтра я буду на тбилиском аэродроме!

Л. Браиловская

ДОМ СТРОИТСЯ НА ЗАВОДЕ

Летом 1956 года я отправилась посмотреть на строительство первого крупноблочного здания, возводившегося в Тбилиси, на улице Ленина. Остановив проходившего мимо молодого человека, который, бесспорно, имел самое непосредственное отношение к строительству, потому что свежие брызги красок и извести покрывали его с ног до головы, я поинтересовалась, как пройти на строительную площадку. Он усмехнулся и вдруг серьезно заявил:

— Нет у этого дома строительной площадки.

— Как—нет строительной площадки?

— Очень просто! Этот дом не строится.

— Почему не строится?

— Что значит—строится дом? — начал объяснять мне мой собеседник таким назидательным тоном, каким обычно разговаривают с маленькими детьми. — Это значит: укладывается кирпич к кирпичу, потихонечку растет стена. А вот этот дом не строят, — продолжал он, — а монтируют, собирают из блоков. Подъемный кран несколько раз повернется, поднимет блоки, установит друг на друга—и этаж готов. Вот так и собирают, — сказал он, растягивая по слогам последнее слово, — значит и площадка не строительная, а сборочная...

В наши дни слово «стройка», хотя еще очень распространено, но уже потеряло свой первоначальный смысл: части дома создаются в заводских цехах, а на строительных площадках дом только «собирается, монтируется», как разъяснил мне однажды мой случайный собеседник. Огромное пятиэтажное здание, прочное и благоустроенное, сооружается не годами, а два с половиной — три месяца и обходится значительно дешевле.

С тех пор, как в Тбилиси был соору-

жен первый крупноблочный жилой дом, не прошло и трех лет, а уже можно рассказать интересную историю строительства из сборного железобетона в столице Грузии. И не только историю. У крупноблочного и крупнопанельного строительства очень напряженный, нелегкий и богатый событиями сегодняшний день. А если заглянуть глазами строителя в будущее, которое предназначено великим семилетним планом, то нелегко сразу охватить все, поистине сказочные, перспективы развития строительного дела. В строительство включаются все новые машины и механизмы, идет на подмогу рабочим химия, бурлит творческая мысль в проектных учреждениях, улучшается организация строительных работ. Идут нескончаемые испытания и внедрения в практику все новых и новых методов и изобретений.

Ни один вид строительства не диктовал с такой настойчивостью необходимость создания все более совершенных механизмов, башенных кранов. Ведь без этого немислимо применение железобетонных деталей — стеновых блоков и панелей, настилов для междуэтажных перекрытий, балконных плит и многого другого, — того, что делает современный дом сборным.

Великий семилетний план определил основную задачу строителей в следующих словах: «...обеспечить дальнейшую широкую индустриализацию строительства, превратить строительное производство в механизированный процесс сборки и монтажа зданий и сооружений из блоков, частей и деталей, изготовленных в заводских условиях».

Да иначе и нельзя! Без организации поточного крупноблочного и крупнопанельного строительства из сборного железобетона, нам нелегко будет выстроить за семь лет свыше миллиона двухсот тысяч квадратных метров жилья

только в столице Грузии — Тбилиси. А такой размах строительства немислим без надежной индустриальной базы.

В 1956 году был пущен в эксплуатацию Тбилисский завод железобетонных изделий № 1. Здесь были созданы из железобетона первые в Тбилиси образцы стеновых блоков, настилов для междуэтажных перекрытий, лестничных маршей и площадок. Но тогда завод еще мало походил на большое промышленное предприятие. Достаточно сказать, что плохо был оборудован один из важнейших участков завода — бетонный цех. Бетон приготавливали в трех примитивных бетономешалках, а затем на носилках перетаскивали к формам. Плохо были оснащены арматурный и формовочный цехи. В каждом рабочем процессе проглядывала кустарщина. И все же завод жил, работал, давал продукцию, хотя это было всего 8—10 блоков в день.

Директор завода Реваз Иродионович Болквадзе знакомит нас с начальником полигона Отари Чомахидзе.

— Он сумеет вам рассказать всю биографию завода, — говорит Реваз Иродионович, — он превосходно знает и людей и производство. Ведь он один из тех, кто первым пришел работать на наш завод.

Отари Чомахидзе, высокий, крепко сколоченный мужчина в кожаной куртке. Когда он широко шагает по территории завода, по цехам, чувствуется, что он сросся с заводом сердцем, думами, надеждами. Он с доскональными подробностями рассказывает о каждом, даже не очень значительном, событии, происшедшем когда-либо на заводе. Отари пришел сюда в начале 1956 г., когда предприятие еще только формировалось.

— Трудно было вначале на заводе, — говорит он. — Оборудования не хватало, механизация слабая. Приходилось все перестраивать на ходу, собственными силами, не дожидаясь, пока будет получен проект реконструкции предприятия.

К счастью, оказалось немало людей с выдумкой. Рационализаторским предложениям не было конца. Многие были использованы в процессе работы. Мы сами запроектировали и построили пропарочные камеры, в которых происходит один из завершающих процессов — «пропаривание» и затвердевание железобетонных конструкций, потом значительно увеличили их пропускную способность; оборудовали растворобетонный узел, дробильно-сортировочную установку.

Отари Чомахидзе ведет нас посмотреть «вибростолы», которые тоже были

пущены по инициативе инженеров, техников и рабочих завода.

Мы подошли к большим площадкам, которые никак не напоминают то, что мы обычно называем столом. Эта площадка во время загрузки формы бетоном начинает сильно вибрировать. И у нас на глазах высокая куча бетона, только что высыпанного из бункера в выбрирующую форму, сама собой оседает, расползается и растекается, как снежный холм, тающий под лучами жаркого солнца. И вот она уже плотно заполнила все уголки формы, а сверху растеклась ровной поверхностью, на которой выделяются только зерна щебня.

Раньше процесс укладки бетона в форму производился путем долгого трамбования ручными трамбовками. Это был тяжелый и непроизводительный труд.

Сколько времени простаивали вагоны, подвозившие заводу металл, лес и другие материалы, из-за того, что не успевали их разгружать! Теперь соорудили кран-балку, механизировали разгрузку. И заводу легче стало, и вагоны не простаивают, и государству дали за год 50 тысяч рублей экономии.

Самую ответственную задачу на потоке решали автомашины. Они подвозили бетон в формовочный цех, сырье — со склада в цехи. Но потом по рельсовому пути, проложенному на территории завода, побежала тележка с бункером. Теперь все меньше приходится обращаться к услугам автомашин, а производительность труда увеличилась в два — два с половиной раза.

Установили станки для выпрямления арматуры, которые дают возможность использовать весь металл без отходов. Ни один килограмм металла не пропадает сейчас на заводе. А это дает от 4 до 6 тысяч рублей экономии в один день.

И если в первое время мощность завода определялась 17 тысячами кубических метров сборного железобетона в год, то в 1958 г. завод уже выпустил 42 тысячи кубических метров. А согласно семилетнему плану, после предстоящей еще значительной реконструкции и расширения, завод освоит выпуск 74 тысяч кубических метров железобетона в год.

Чомахидзе рассказывает о многом. Он идет по заводу, чувствуя себя хозяином, ему все знакомо, все ясно. Он переговаривается с товарищами, спрашивает, советует. К нему внимательно прислушиваются.

— Чомахидзе — авторитет! — говорит о нем парторг завода Лаврентий Константинович Аронишидзе. — Специалист хороший и человек настоящий.

Упорный очень — пришел на завод без специальности, вскоре стал бетонщиком, потом мастером, а сейчас — начальник полигона и на строительном факультете политехнического института учится. Да и вообще народ у нас сильный. Заводу нелегко давались победы, даже самые незначительные. Вот и закалялись люди. Были, конечно, и такие, у которых не хватило духу, но они обычно быстро отсеивались.

А сейчас уже многие у нас собираются жить и работать по-коммунистически. Взять хотя бы бригаду бетонщиков, возглавляемую Джимшером Бочоришвили. За полмесяца она выполняет месячный план. Сам Бочоришвили, награжденный недавно орденом Трудового Красного знамени, рапортовал об успехах своей бригады на XII Всесоюзном съезде профсоюзов, куда он был послан делегатом...

За последнее время коллектив завода пополнился свежими силами — пришло много выпускников средних школ, получающих здесь интересные специальности, пытливно вникающих во все детали производства. Здесь их сейчас немало: Гурам Аронишидзе, Заури Кристесашвили, Отари Мансашвили, Эдуард Оганезов и еще много других — всех не перечислишь. Это будут прекрасные мастера и инженеры по сборному железобетону.

Сам завод далеко несовершенен. Ему еще расти и расширяться, осваивать новые виды продукции, необходимые строительству. И то, что завод не остановился в своем росте, что он продолжает строиться, заметить нетрудно. Здесь все время что-то испытывается: или какой-нибудь механизм, или новый способ приготовления бетона.

На территории завода разместились большой полигон. Уже забетонирована площадка, устремился ввысь башенный кран, почти готовы пропарочные камеры.

Нам рассказали, что в ближайшее время на этом полигоне начнут изготавливать крупные стеновые панели, из которых будет сооружен в Тбилиси, недалеко от завода, экспериментальный жилой дом. Этот дом будет поистине детищем завода. От успехов коллектива во многом будут зависеть и темпы этой стройки и качество работ. Здесь, в заводских цехах, будут созданы все детали дома, начиная стеновыми панелями и кончая колоннами, балконами, лестничными маршами и площадками. На заводе уже полным ходом идет подготовка к этому ответственному испытанию.

Завод постепенно налаживает четкую и ритмичную работу. Излечиваются «болезни роста» первых шагов круп-

ноблочного строительства, когда создание каждого нового проекта, по которому сооружалось здание, влекло за собой определенную перестройку на заводе, нужно было на ходу менять оснастку, чтобы изготавливать новые формы для новых образцов или, как их называют строители, — типоразмеров блоков и других элементов здания. Только по одному виду продукции — по настилам междуэтажных перекрытий выпускалось 139 типоразмеров, в то время, когда на московских стройках ассортимент сборных элементов уже давно ограничивается двенадцатью типоразмерами. Сейчас утверждены новые типовые проекты 36-ти и 46-квартирных жилых домов. Сразу станет легче работать и заводу и строителям. Легче будет организовать массовый выпуск одинаковых изделий, которые широким потоком хлынут из заводских ворот на стройки. Быстрее станут собирать одинаковые дома. И внешний вид улиц от этого совсем не ухудшится, наоборот — они станут стройнее, красивее.

На заводе у нас произошла интересная встреча. Правда, удивляться этой встрече приходилось только тем, кто здесь бывает нечасто. Академика Кириака Самсоновича Завриева — директора Института строительного дела Академии наук Грузинской ССР — давно уже на заводе не считают гостем. Он здесь «свой» человек.

Почти каждая новая научная работа, над которой трудится коллектив института, вскоре становится достоянием завода — здесь воплощаются в действительность опыты и эксперименты, расчеты и замыслы, возникшие в тишине кабинетов и лабораторий, здесь они обретают плоть и кровь, начинают жить и, если оправдывают себя, — здесь же получают путевку на новостройки и промышленные предприятия не только нашей республики, но и всего Советского Союза.

— Никогда прежде жизнь не диктовала необходимости такого тесного сотрудничества практиков-строителей — рабочих и инженеров с учеными, — говорит К. С. Завриев. — Только гигантский размах строительства может так настойчиво требовать от работников науки такой напряженной творческой работы, постоянных исканий, исследований. Технический прогресс так бурно вторгается во все отрасли домостроения, что только успевай изобретать и обобщать опыт новостроек.

А ведь всего 12—15 лет назад в Тбилиси еще не возникала необходимость создания научно-исследовательского института строительного дела. Существовало бюро антисейсмического строительства, перед которым стоял вопрос: как

обеспечить сопротивление сооружений действию землетрясений.

Но затем начали стучаться в дверь и другие проблемы строительства. А в 1948 году бюро было преобразовано в Научно-исследовательский институт строительного дела.

К. С. Завриев знакомит нас со своими учениками—старшим научным сотрудником института О. И. Квицаридзе и младшим научным сотрудником Т. Н. Пашалишвили, рассказывает о цели их визита.

Т. Н. Пашалишвили разработал новый прием перемешивания бетона, сопровождаемый вибрированием. Это на 30—50 процентов увеличит прочность бетона и обеспечит большую экономию цемента. Преимущество этого метода заключается еще и в том, что он не требует сложных агрегатов, а может осуществляться на обычных бетономешалках несколько измененной конструкции. Сейчас этот метод будет применяться на заводе.

В последние годы широкое распространение получили так называемые легкие бетоны, среди которых особое место занимает напряженно-армированный бетон (так называют железобетон, в котором при его изготовлении стальная арматура подвергается предварительному натяжению для повышения общей прочности.).

Для предварительного напряжения арматуры О. И. Квицаридзе придумал остроумные концевые захваты, которые способствуют более четкому выполнению сложных технологических процессов. Эти захваты очень популярны сейчас и за пределами нашей республики. Большое внимание уделяет институт проблеме использования местных материалов и отходов производства для изготовления железобетона. В этом направлении ряд интересных работ принадлежит научному сотруднику института Т. М. Вачнадзе.

— Особенность нашего времени, — говорит К. С. Завриев, — заключается в том, что научного работника гораздо проще разыскать на стройке, чем в лаборатории института. А тех, кто повседневно, непосредственно связан со строительством, очень часто можно встретить в лабораториях института.

Настоящее и будущее строительной индустрии столицы находится в руках треста «Стройиндустрия» Главтбилстроя. О делах и планах всех его предприятий мы узнали из рассказа Р. Ф. Нинидзе — начальника треста, человека с многолетним опытом, превосходно знающего свое хозяйство.

Завод железобетонных изделий в Грма-Геле был первенцем индустриальной базы для крупноблочного строи-

тельства в Тбилиси. Но темпы строительства зданий из сборного железобетона скоро стали не по плечу одному заводу.

Одно за другим на подмогу строителям стали вступать в строй новые и новые предприятия, изготавливающие сборный железобетон. В обиходе строителей появилось новое слово — КПП — комбинат производственных предприятий, комбинат, объединяющий отдельные объекты по выпуску деталей из сборного железобетона. А вскоре, вслед за КПП № 1, специализировавшимся на крупных стеновых блоках и мелких деталях для зданий—карнизов, элементов балконов и т. п., вступили в строй КПП № 3 и КПП № 4.

В районе Навтлуги совсем недавно вырос новый мощный завод железобетонных изделий. Уже в декабре 1958 года строители получили возможность испытать его продукцию в деле и остались очень довольны. А с января 1959 года завод бесперебойно снабжает новостройки деталями зданий из железобетона, выдав за несколько месяцев на полтора миллиона рублей продукции. Мощность завода увеличивается ежедневно. И неудивительно. Здесь созданы все условия, чтобы заводу было удобно работать. На территории завода создана обогатительная фабрика, которая сортирует и перерабатывает гравий в щебень. В этом году здесь же будет смонтирован завод, производящий кассеты — формы для изготовления крупных стеновых панелей.

Завод железобетонных изделий № 2 уже завоевал доброе имя и, несмотря на то, что он делает пока еще первые шаги, ему поручено очень ответственное задание.

Еще не так давно мало кто задумывался о весе дома. Казалось таким естественным, что многоэтажный дом весит много тысяч тонн. Но сейчас вопрос снижения веса здания стал исключительно важным. Чем легче дом, тем меньше он требует строительных материалов и труда. Пятиэтажный типовой кирпичный дом весит около 8.000 тонн. Такой же дом из крупных легкобетонных блоков — 5.500 тонн. А пятиэтажный дом из крупных панелей весит только 4.000 тонн. Значит, на крупнопанельный дом потребуется в два раза меньше материалов, чем на кирпичный. В два раза меньше потребуется автомашин для доставки его деталей и меньше будет затрачено человеческого труда. Вот почему над проблемой снижения веса зданий так упорно трудятся конструкторы и инженеры.

Ключом к решению этой задачи явилось внедрение укрупненных сборных конструкций облегченного веса.

Первые успехи уже налицо. Недавно грузинский архитектор Георгий Чахава разработал проект пятиэтажного 40-квартирного жилого дома, который будут собирать из деталей, более крупных, чем панели, — из секций.

Каждая секция представляет собой отдельную комнату весом 4—7 тонн.

Заводу нужно освоить выпуск всего трех типоразмеров деталей, из которых сложится удобная двухкомнатная квартира, рассчитанная на одну семью, с полезной жилой площадью в 32 квадратных метра. Проектом предусмотрено все, до мельчайших удобств. На заводе будут созданы перегородки-шкафы, которые будут вмонтированы в стены при сборке дома. Они дадут возможность менять планировку квартиры, и, при необходимости, сами жильцы, без особых затруднений, сумеют двухкомнатную квартиру переоборудовать в трехкомнатную. Каждая квартира будет украшена красивым балконом-лоджией, выходящим на улицу.

Для сборки такого жилого здания понадобится всего 10—15 дней. Стоимость одного метра жилой площади не будет превышать 800—850 рублей (в настоящее время квадратный метр жилой площади обходится в среднем около полутора тысяч рублей), а если завод наладит серийное производство деталей из железобетона с предварительно напряженной арматурой, то стоимость одного квадратного метра будет сведена до 750 рублей. Значительно уменьшится и вес каждой секции.

Освоить изготовление секций и смонтировать первый экспериментальный жилой дом поручено заводу железобетонных изделий № 2. Но все, что было рассказано о заводе железобетонных изделий № 2, далеко не исчерпывает значения этого предприятия для строительной индустрии нашей республики. Пока здесь воплощаются в жизнь только первые пункты семилетнего плана развития индустриальной базы столицы. А для тех масштабов, которые примет крупнопанельное домостроение в семилетке, нужно создать еще немало новых промышленных объектов, которые обеспечат новостройки всеми необходимыми элементами зданий из сборного железобетона.

Недавно было принято решение создать в республике мощный домостроительный комбинат. Сейчас это уже не только решение: это — детально разработанный проект, это — наличие полного комплекта оборудования, предназначенного для выпуска элементов крупнопанельных жилых домов поточным методом. Здесь будут производиться все детали для монтажа зданий: блоки фундамента, панели цоколя, наружных и внутренних стен, дымовентиляционные блоки, карнизы и другие мелкие детали. 35 тысяч квадратных метров жилой площади будет выпускать в год этот комбинат.

В годы семилетки 80 тысяч кубических метров товарного бетона ежегодно — такова мощность нового завода, первая очередь которого будет пущена в эксплуатацию в самое ближайшее время.

45 тысяч кубических метров железобетона в год столице нашей республики даст второй домостроительный комбинат, который вступит в строй в 1963 году.

И еще вот о чем рассказывают цифры: все промышленные предприятия треста «Стройиндустрия» Главтблестроя, изготовляющие детали зданий, к 1965 году будут выпускать 135 тысяч кубических метров только сборного железобетона (в 1958 году было выпущено 48 тысяч кубических метров). Больше чем в десять раз увеличится выпуск крупных стеновых блоков.

Строительство жилищ — одна из самых важных задач, поставленных на повестку дня семилетним планом. Вот почему и на строительных площадках, и в цехах заводов, выпускающих готовые детали зданий, и в лабораториях ученых идет такая напряженная борьба за индустриализацию строительства, за то, чтобы дома производились из отдельных частей и деталей на конвейере — так, как изготовляются сейчас на заводских конвейерах железнодорожные вагоны, автомобили, радиоприемники. Первый год семилетки, год 1959, уже несет в себе много нового. В каждом городе, в каждом поселке любого района республики строится все больше и больше легких, прочных и комфортабельных жилищ.

Н. Джаши,

кандидат искусствоведения.

Основоположники марксизма об искусстве

Советский читатель получил ценный сборник — «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». В новом сборнике читатель находит ряд новых разделов, в нем, по сравнению с его предыдущими изданиями, значительно расширено собрание отдельных высказываний и замечаний основоположников марксизма об искусстве и литературе.

Первый том сборника открывается разделом об общих вопросах художественного творчества, основополагающих проблемах эстетики: материалистическое понимание истории, искусство в классовом обществе, искусство и коммунизм. Заключительная часть тома содержит историю искусства и литературы в отдельных замечаниях Маркса и Энгельса. Во втором томе сборника помещен критический разбор романа Э. Сю «Парижские тайны», сделанный К. Марксом, приводится характеристика так называемого немецкого «истинного социализма» в художественной литературе, показана непримиримая борьба Маркса и Энгельса против буржуазной пошлости и реакционных идей, против вульгарной демократии и буржуазных нравов в литературе. В томе значительное место уделено высказываниям Маркса и Энгельса о поэтах и писателях, приведены письма и воспоминания, рисующие огромную широту литературно-художественных

интересов основоположников марксизма.

Подлинное изучение истории культуры и искусства, их роли в обществе стало возможным лишь после возникновения марксизма. «...Маркс открыл закон развития человеческой истории, — указывал Энгельс 17 марта 1883 года, — тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»

Вместе с созданием научного коммунизма Маркс и Энгельс заложили основы материалистической эстетики. Только на основе исторического материализма, на основе марксизма стало возможным создание подлинного учения о культуре и искусстве. Основоположники марксизма блестяще доказали, что в классовом обществе не может быть искусства, которое не выражало бы определенный классовый интерес, определенное классовое мировоззрение.

Маркс и Энгельс, опираясь на завоевания классической эстетической мысли, сформулировали гениальное положение, согласно которому искусство, так же, как мораль, религия и другие виды идеологии, не обладает абсолютной самостоятельностью, что сущность искусства, его роль и законы развития могут быть поняты лишь из полного анализа общественной

«К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». (В двух томах). Составитель М. Лифшиц. Издательство «Искусство», Москва.

жизни, где определяющим является экономический базис. Маркс и Энгельс на основе всестороннего и глубокого анализа и критики капиталистического способа производства раскрыли истинное положение искусства в классовом обществе, его роль в общественном развитии, с позиции революционного пролетариата дали классические образцы характеристики творчества ряда выдающихся деятелей культуры прошлого и современных им писателей.

Известно, что ревизионисты не раз пытались принизить взгляды основоположников марксизма на искусство. Некоторые «теоретики» разглагольствовали в недавнем прошлом, а порой и сейчас повторяют вздорные измышления о том, что эстетические взгляды Маркса и Энгельса не содержат «цельной эстетической теории». Но история жестоко посмеялась над всеми буржуазными идеологами, которые и прежде не раз объявляли марксизм, марксистскую эстетику «устаревшей», «потерявшей значение».

Исторический опыт показывает, что чем больше побед одерживает марксизм, чем шире его влияние в массах, тем более злобными и шумными становятся нападки его противников. Марксизм давно уже перестал быть только теорией, под знаменем марксизма-ленинизма ныне живет, борется и строит новую жизнь около миллиарда людей земного шара, марксистской эстетикой руководствуются деятели культуры социалистических стран, прогрессивные художники всего мира. И поистине тщетны потуги современных ревизионистов «улучшить» это всесильное и преобразующее мир учение.

Величайшая заслуга Маркса и Энгельса в разработке вопросов эстетики заключается в том, что проблемы культуры и искусства ими всегда рассматривались в органической связи с общими вопросами развития истории, борьбы революционного пролетариата, с основным вопросом критики капиталистического способа производства.

Определив суть базиса и надстройки, их взаимосвязь, основоположники марксизма подвели под общественные науки подлинно научный фундамент. Таким образом был найден

ключ к пониманию всех общественных явлений, в том числе литературы и искусства.

Основоположники марксизма доказали, что искусство является одной из форм общественного сознания и поэтому причины всех изменений в искусстве следует искать в процессе жизни, в реальной действительности. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии».¹

Рассматривая экономическое развитие, базис, как определяющий фактор в развитии идеологических форм, Маркс и Энгельс вовсе не отрицали активную роль надстройки, в том числе искусства. По их мнению, надстройка не является пассивным следствием, она активно воздействует на экономическое положение, базис, способствует его господству или расшатывает его. Но в то же время Маркс и Энгельс резко выступали против попыток превращения идеологического развития в абсолют самостоятельности.

Основоположники марксизма в своих трудах дали глубокий анализ процесса развития художественной культуры в условиях классово-антагонистических формаций, особенно в условиях домонополистического капитализма, блестяще раскрыли положение искусства, художника в буржуазном обществе.

Маркс и Энгельс не отрицали, что в определенных условиях капиталистический способ производства, особенно в эпоху его возникновения и расцвета, в какой-то степени способствовал развитию искусства. Но положение резко изменилось, как только буржуазия превратилась в господствующую реакционную силу. В условиях капитализма «...все так называемые высшие роды труда — умственный, художественный и т. д. — превратились в предметы торговли и лишились, таким образом, своего прежнего ореола»².

В результате глубокого изучения противоречий буржуазного общества Маркс и Энгельс доказали, что основным противоречием капитализма является противоположность меж-

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 99.

² Там же, стр. 203.

ду трудом и капиталом, противоположность между общественным характером производства и частным способом присвоения. В связи с этим они пришли к выводу, что «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии»¹.

Это положение является очень важным в марксистской эстетике, так как оно вскрывает враждебность капитализма искусству, показывает, что для развития искусства при капиталистическом способе производства нет благоприятных условий.

На примере творчества английского поэта Д. Мильтона Маркс доказал, что капиталистическое производство лишило священного ореола все роды деятельности, которые прежде считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом.

Весьма важные для материалистической эстетики положения мы находим в введении к «Критике политической экономии» Маркса (1857 г.). Рассматривая в ней античное искусство, Маркс приходит к выводу, что в области самого искусства некоторые формы, имеющие крупное значение, возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития. Это очень важное положение, так как апологеты либеральной буржуазии, как известно, всю трубили о том, что раз достигнуты большие успехи в развитии индустрии, техники, в области точных наук, то и в области искусства уже преодолен ранний «варварский» период. Маркс разоблачил апологетов буржуазии и доказал, что уровень развития искусства зависит не от уровня развития производительных сил, а от тех общественных условий, при которых развивается искусство. Таким образом, Марксом не только анализируются неблагоприятные условия для развития искусства в буржуазном обществе, не только дана оценка античного искусства, но выдвинуто также общетеоретическое положение об отношении искусства к общественной жизни, о связи искусства с базисом, о его роли в обществе.

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 192.

Основоположники марксизма, вскрывая враждебное отношение буржуазного общества к искусству и поэзии, не ограничивались лишь критикой буржуазной морали и эстетики, как это делали так называемые «истинные социалисты» и другие идеологи буржуазии. Общей чертой всей поэзии и прозы немецкого «истинного социализма» было непонимание борьбы классов и революционной миссии пролетариата, «истинные социалисты» ограничивались патетическими тирадами по адресу окружающей «бесчеловечности», призывами к гуманности, к братству между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Маркс и Энгельс, подвергнув резкой критике младогегельянцев и «истинных социалистов», показали, что путь к подлинно революционным общественным идеалам требует разрыва с отвлеченной, «надклассовой», «общечеловеческой» точкой зрения, требует трезвого понимания классовой противоположности между капиталом и трудом, между буржуазией и пролетариатом.

В противоположность высказываниям главного представителя немецкого «истинного социализма» К. Грюна о Гете, основоположники марксизма считали, что единственным путем к правильной оценке Гете является освещение его творчества с точки зрения реальной исторической перспективы борьбы классов. Маркс и Энгельс критиковали великого немецкого поэта не за то, что он был либерален, а за то, что временами становился рядовым мещанином, филистером.

В Гете «постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном франкфуртского патриция, достопочтенным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с этим убожеством перемирие и приспособляться к нему. Так, Гете то колоссально велик, то мелок; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер»¹. В анализе творчества Гете основопо-

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 508.

ложники марксизма дали блестящие образцы использования материалистической теории отражения в искусстве. Они доказали, что только победа социализма может разрешить непримиримые антагонистические противоречия буржуазного общества. Поэтому вопрос о судьбах, о дальнейшем развитии искусства, является вопросом революционного преобразования общества на коммунистических началах.

«Лишь после того, как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее прогрессивных народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого»¹.

Основоположники марксизма с гениальной прозорливостью предвидели основные черты нового, коммунистического общества. Коммунизм для них — это подлинная свобода для каждого члена общества, для всестороннего гармонического развития человеческой личности.

«Если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек в нем познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человека»².

Именно в условиях подлинной экономической, политической и духовной свободы, указывали Маркс и Энгельс, всесторонне развиваются творческий талант и возможности личности. Только пролетарская революция создает неограниченные возможности для действительного развития художественной культуры, искусства, только освобожденный пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплуатации и всякому классовому господству. В этом заключается великая историческая миссия пролетариата,

могильщика капитализма и преобразователя общественной жизни.

Историческая практика блестяще доказала всесильность, правоту бессмертных идей марксизма. Именно при социализме созданы неограниченные возможности для расцвета культуры, искусства, для всестороннего развития человеческой личности.

Великая Октябрьская социалистическая революция впервые за всю историю человечества поставила на службу народу все блага науки и техники, все завоевания культуры и совершенно по-новому подошла к вопросу о месте человека в общественной жизни, в производственном процессе, к самому человеку, как создателю и творцу истории, всех материальных и духовных ценностей общества.

Величайшая заслуга основоположников марксизма заключается в том, что они подлинно-научно обосновали принципы реализма в искусстве. Эти принципы свое дальнейшее развитие получили в трудах В. И. Ленина, в важнейших документах КПСС, легли в основу нового, социалистического искусства.

Свое понимание реализма Маркс впервые высказал в 1845 году в статье «Критический разбор романа Эжена Сю «Парижские тайны». Основная мысль романа Э. Сю на первый взгляд истинна и благородна. Автор хотел представить развратному, эгоистическому буржуазному обществу зрелище страданий несчастных, осужденных на невежество и нищету людей. Э. Сю водит читателя по тавернам и кабакам, где собираются убийцы, воры, мошенники, распутные женщины, по тюрьмам, больницам, домам умалишенных, по чердакам и подвалам, где ютятся, проклиная свою судьбу, бедняки. Такова канва романа. Однако главным героем романа показан представитель высшей знати, призванный якобы защитить люмпен-пролетариев, «очистить их от грехов». Именно за этот порок романа Маркс критикует как рецензента Шелигу (Цыхлинского), так и автора книги. Маркс показал, что мелкобуржуазная прожен-терско-филантропическая социальная философия Э. Сю в значительной степени совпадает с идеалистическим

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 215.

² Там же, стр. 382.

мировоззрением представителя группы младогегельянцев Шелиги (Цыхлинского), написавшего хвалебную статью о романе «Парижские тайны». Э. Сю лишает своих героев человеческой привлекательности и индивидуального своеобразия, превращая художественные образы в аллегории «долга» и «нравственности». Жизненные отношения уступают место авторской тенденции, не вытекающей из образа, а навязанной ему извне.

К. Маркс, выступая против того, чтобы случайное, несущественное явление изображалось, как абсолютно необходимое, типическое, всеобщее, выступает не только против искажения, но и против натуралистического изображения действительности.

Основоположники марксизма высоко ценили как познавательную, так и художественную стороны искусства, никогда не противопоставляли их друг другу, как это делали теоретики идеалистической эстетики. Характеризуя творчество английских писателей, Маркс в 1854 году писал: «Современная блестящая школа романистов в Англии, чьи наглядные и красноречивые описания раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем это сделали политики, публицисты и моралисты, вместе взятые, изобразила все слои буржуазии...»¹.

Аналогичную мысль развивает Энгельс в письме к М. Гаркнесс в 1888 году:

«Бальзак, которого я считаю гораздо более крупным мастером реализма, чем всех Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского общества... из которой я даже в смысле экономических деталей узнал больше (например, перераспределение реальной и личной собственности после революции), чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»².

Большое значение для понимания проблем реализма, типического в искусстве имеет знаменитая перепис-

ка основоположников марксизма с Ф. Лассалем, посвященная трагедии последнего «Франц фон-Зикинген».

Основоположники марксизма от-крыто и резко указали на ложность концепции автора драмы, не сумевшего нарисовать подлинного героя, который был бы выразителем интересов масс. Маркс и Энгельс подчеркивали, что подлинным героем крестьянского движения в Германии был не Франц фон-Зикинген, а Томас Мюнцер, и последний должен был явиться героем исторической трагедии. Основоположники марксизма упрекали Лассала в абстрактности, в недостатке реалистичности, в слабой обрисовке характеров, они считали основным недостатком драмы отсутствие «шекспиризации», превращение героев «в простые рупоры духа времени».

Говоря о том, что «за идеальным нельзя забывать реалистического, за Шиллером — Шекспира», основоположники марксизма упрекали Лассала в том, что он своих героев заставляет больше заниматься абстрактным резонерством вместо того, чтобы изображать реалистические образы.

Энгельс в письме английской писательнице М. Гаркнесс (1888 г.) дал глубокое и всестороннее марксистское определение реализма, являющееся основополагающим положением материалистической эстетики. «На мой взгляд, — писал Энгельс, — реализм подразумевает, помимо правдивости деталей, правдивость воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах». Энгельс, упрекая М. Гаркнесс в том, что у нее в романе «Городская девушка» рабочий класс фигурирует, как пассивная масса, неспособная помочь себе, больше того, не предпринимающая даже попыток к тому, чтобы помочь себе, делает весьма многозначительное замечание: «Революционный отпор рабочего класса угнетающей его среде, его судорожные попытки, полусознательные или сознательные, добиться своих человеческих прав вписаны в историю и должны поэтому занять свое место в области реализма»¹.

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 529.

² Там же, т. I, стр. 11—12.

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 11.

Весьма метко подмечена общественно-преобразующая и воспитательная роль нового искусства в эпоху буржуазии в следующих словах Энгельса: «...социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, правдиво изображая реальные отношения, разрывая господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнения по поводу неизменности основ существующего порядка...»¹.

Маркс и Энгельс большое значение придавали мировоззрению художника, деятеля культуры. Они неоднократно подчеркивали, что пропаганда определенных идей, их страстная защита являются важнейшей чертой произведения искусства. «Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии, как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны»².

Вместе с тем, Маркс и Энгельс восставали против того, чтобы идея, «тенденция» существовали вне художественного образа, как его придаток, боролись против того, чтобы изображенные в художественном произведении герои превращались «в простые рупоры духа времени», чтобы «личность растворялась в принципе». Тенденция, по их мнению, должна естественно вытекать из положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось.

Величайшая заслуга основоположников марксизма заключается также в том, что они впервые в истории человечества правильно определили

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, стр. 9.

² Там же, стр. 9.

роль передового, прогрессивного искусства, которое, по их мнению, призвано быть не только орудием познания, но и инструментом преобразования действительности. Именно поэтому они уделяли столь большое внимание вопросам искусства, боролись за высокую идейность и художественное совершенство, внимательно следили и заботливо оберегали ростки нового, пролетарского искусства, всемерно старались в интересах пролетариата использовать передовое художественное наследие прошлого, на службу пролетариату, трудящимся поставить писателей, поэтов, художников своего времени.

Основоположники марксизма дали гениальный анализ шедевров мировой художественной литературы, блестящие характеристики многих выдающихся писателей. Творчество Данте и Скотта, Шиллера и Шекспира, Гете и Бальзака, Гейне и Гюго, Сервантеса и Кальдерона, Веерта и Фрейлиграта и многих других выдающихся писателей не раз являлось объектом исследований Маркса и Энгельса. В трудах основоположников марксизма даны классические образцы конкретно-исторического, подлинно-научного подхода к явлениям искусства, оценок творчества ряда деятелей мировой культуры.

Весьма обширен и значителен круг вопросов, охваченных в двухтомнике произведений основоположников марксизма об искусстве. Гениальное учение Маркса и Энгельса об искусстве и литературе, развитое и обогащенное великим Лениным, Коммунистической партией Советского Союза, было, есть и остается незыблемым фундаментом развития советской культуры и искусства. В этом величии и всеилие боевой революционной эстетики марксизма-ленинизма.

* * *

Издание двухтомного сборника «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве» — важное событие в культурной жизни нашей страны, и нет необходимости доказывать всю целесообразность его обязательного и быстрого издания на грузинском языке.

О Г О Н Ь К И

Сверкают в вечерней синеве огоньки клубов.

«Заходи, товарищ, сюда, — словно зовут они. — Здесь ты сможешь отдохнуть после трудового дня, узнать много интересного. Заходи, товарищ...»

Что же, друзья, нельзя отказываться от гостеприимства. Зайдем на огонек. Заглянем в клубы в вечерний час, где будем надеяться, нас ждет радушный прием и веселый отдых.

Надежды не обманули нас, когда мы попали в клуб имени Плеханова. В этот вечер сюда шла преимущественно молодежь. Предстоял карнавал; он обещал быть веселым, необычным — участников его ждало множество неожиданностей и сюрпризов.

Было еще рано — шел седьмой час, до начала карнавала оставалось немало времени, и пока молодые паровозо-вагоноремонтники заполняли просторное, украшенное самодельными пестрыми флажками фойе, мы вместе с заведующим клубом Григорием Михайловичем Османашвили осматривали зал, библиотеку — все, чем богат этот дом, предназначенный для отдыха рабочих, их жен и детей.

Здесь все не по-казенному. Красивые занавеси. Цветы в глиняных горшках — много цветов, расставленных повсюду. Ковровые дорожки. Затейливые вышивки на полотне. Картины, написанные маслом и акварелью...

— Нравится? — спрашивает заведующий клубом.

— Нравится.

— Как говорят: чем богаты, тем и рады.

— Сколько денег ушло на оборудование этой комнаты?

— Денег? Многое из того, что вы здесь видите, сделано своими силами — и эти вышивки, и эти дорожки... Пойдемте, я покажу вам остальные наши владения.

Вместе с Григорием Михайловичем мы переходим из комнаты в комнату.

— Это комната для кружковой работы. Здесь встречаются члены творческой секции — начинающие поэты, прозаики, драматурги... А здесь собираются любители музыки... А в этой комнате заводские шахматисты проводят турниры, участвуют в сеансах одновременной игры. У нас побывали мастера Каспарян, Гургенидзе, Шишов.

— И много у вас любителей шахмат?

— Сейчас много. Мы провели несколько квалификационных турниров и — пожалуйста: есть даже перворазрядники.

Еще одна комната. Она заперта, над дверью надпись: «Без стука не входить».

— Святилище юных фотолюбителей, — бросает заведующий клубом и, не останавливаясь, направляется к следующей двери. Там, за дверью, слышен шум настраиваемых инструментов, звон меди, барабанная дробь.

— Зайдем?

Клубный духовой оркестр проводит последнюю репетицию. Через час на карнавале раздадутся первые аккорды, и музыка не умолкнет до рассвета... В оркестре состоят ученики заводского ремесленного училища, руководит им Константин Квачантирадзе.

Заведующий клубом представлял нам все новых активистов, и чем ближе мы знакомились с ними, тем больше убеждались: здесь энтузиасты не только музыканты. Энтузиасты — и Медея Чавчавадзе, организовавшая переписку с рабочими братских социалистических стран на их родном языке; и мастер кузнечного цеха Христофор Кервалишвили — руководитель коллектива художественной самодеятельности; и фельдшерница Тамара Долидзе — активный распространитель книг на своем вагонном участке и староста кружка начинающих литераторов, в котором члены кружка знакомятся с книжными новинками, читают свои произведения маститым писателям и даже выпустили литературный альманах; и радист завода Ясон Иосебашвили — организатор «магнитофонного» концерта ко-

рифеев искусства, во время которого не только прозвучали голоса Шалапина, Собинова, Неждановой, Сараджишвили, но и были прочитаны короткие лекции об их творчестве, и многие другие — всех имен и всех их дел не перечислишь в коротком очерке.

Эти люди — преимущественно члены правления клуба, так сказать — его хозяева. Они руководят работой секций, выясняют запросы рабочей молодежи, составляют планы клубной работы. В планах столько интересных дел, затей, начинаний, что чувствуешь: актив клуба непрерывно ищет новое, ищет творчески, работает с огоньком.

Вспоминаются слова Никиты Сергеевича Хрущева, сказанные на XIII съезде комсомола: «Разве не может молодежь своими силами, своими руками привести в порядок многие культурные учреждения?.. Разве нельзя наладить в этих учреждениях содержательную воспитательную и просветительную работу? Конечно, можно».

— Можно, — подтверждает Григорий Михайлович. — XXI съезд партии принял контрольные цифры развития народного хозяйства нашей страны, и сейчас рабочие горячо взялись за их претворение в жизнь. Но ведь дело не только в том, чтобы производить много чугуна, стали, электроэнергии. Всего этого у нас много, а будет еще больше. Главное — воспитание людей, которым предстоит выполнять грандиозные планы, начертанные партией. Воспитание подлинных строителей коммунизма. И в этом деле наша роль очень велика, клуб может многое сделать.

Заведующий клубом рассказывает, что было сделано им в предсъездовские дни. Здесь не только организована выставка, рисующая перспективы завода в ближайшем семилетии, не только читаются лекции, проводятся беседы, специально подбираются кинофильмы, посвященные успехам советского народа и ведущей роли партии в развитии нашей страны. Это делают все клубы. Здесь были найдены и другие формы воспитательной работы с массами. Паровозо-вагоноремонтникам, например, запомнился вечер вопросов и ответов, на который пришли сотни рабочих. На вечер пригласили заместителя председателя Госплана республики, министра просвещения, начальника Горстроя, начальника транспортного управления горисполкома, начальника городского управления торговли, председателя исполкома Ленинского райсовета, начальника завода. Они отвечали на вопросы рабочих. Вопросов было много, и вечер затянулся за полночь. Интересной была также встреча бригад коммунистического труда с новаторами производства. Полезными оказались и десятки других дел, заду-

манных клубом. — увлекательных дел, направленных на воспитание нового человека...

...Пока Григорий Михайлович рассказывал обо всем этом, молодежный карнавал начался.

Мы вышли в фойе — там уже гремела музыка, пары в карнавальных масках кружились в вальсе, и конфетти, словно снежинки, падали на танцующих...

У входа высилась деревянная горка — ее изготовили комсомольцы столярного цеха. Сегодня можно попасть в клуб только по этой горке — сядешь на отполированную поверхность и скатишься вниз. Дежурный член правления клуба не требовал пригласительных билетов: пригласительный билет — карнавальный костюм или маска.

Через несколько дней мы зашли на огонек в клуб обувной фабрики № 1. Такой же яркий свет, как и над клубом паровозо-вагоноремонтников, сиял у входа, освещая покрытую асфальтом улицу. Но впоследствии оказалось, что сияние это холодное, что оно, подобно бенгальскому огню, светит, но не греет.

Возле подъезда висела афиша: «Сегодня — кинофильм. Начало сеанса...»

И вот мы беседуем с заведующим клубом Абесаломом Пичхая. Он что-то подсчитывает, делает записи на испещренном листе бумаги. Вид у него сосредоточенный, он весь ушел в решение какой-то, судя по всему, трудной задачи и отрывается от своего дела явно неохотно.

— План, — говорит он, — финансовый план! Нужно выплачивать зарплату штатным работникам, а денег, понимаете...

— И большой у вас штат?

Абесалом Самсонович перечисляет: завклубом — раз; завсекцией по работе среди детей — два; педагог — три; организатор художественной самодеятельности — четыре; завбиблиотекой — пять; бухгалтер на полставки; да те, что приглашаются временно по договору, да те, кого зовут на разовых началах... И всем плати, для всех изыскивай средства...

— И большие средства?

— Фабком дает тридцать пять тысяч. Не хватает. Еще бы тысяча десять, иначе как выкрутишься? Ведь всем плати...

— Что было в вашем клубе вчера?

— Кинофильм.

— А третьего дня тоже кинофильм?

— Тоже.

— А четыре дня назад?

— Танцы.

— За плату? Или по пригласительным билетам?

— Конечно, за плату. Ведь финансовый план!

В апреле девятнадцать вечеров в этом

клубе демонстрировались платные фильмы. Четыре вечера было отведено танцам. Что же это — клуб или кинотеатр? Или танцплощадка?

— Это клуб, — говорит заведующий. — У нас ведется культурно-массовая работа. Вот наш план.

Он сер, этот план, как пасмурный дождливый день.

...Танцы под радиолу. Кинофильм. Снова кинофильм. Опять танцы.

Редко заходит сюда лектор — в марте его не было ни разу, в апреле одну лекцию все-таки провели — о проблемах... художественного чтения. На фабрике идет борьба за выполнение семилетнего плана, жизнь, проникнутая пафосом труда, бьет ключом, в мире происходят удивительные события, а клуб не нашел более актуальной проблемы, с которой следовало бы познакомить рабочих!.. Нет, никого не обманет сияние фонарей над входом, никого не потянет в этот клуб на огонек, чтобы отдохнуть, повеселиться.

Бывает, что в однообразие клубной жизни вдруг ворвется событие, о котором потом долго говорят. Так было в одном из тбилисских клубов, когда там решили провести вечер отдыха с аттракционами. Пригласили из филармонии специалистов-массовиков, купили недорогие вещицы для раздачи призов, напечатали пригласительные билеты. На вечер пришло много молодежи.

Но этот вечер пришлось начать точь-в-точь, как об этом говорил на XIII съезде комсомола Н. С. Хрущев, — со звонка в милицию...

А потом в той графе плана, где делается отметка о выполнении мероприятия, записали: выполнено. Значит все в порядке, и не о чем беспокоиться.

— Так ли уж все в порядке?

Вопрос этот адресуется заведующему клубом. Но он явно не торопится отвечать. Мы сидим в скверике, неподалеку от клубного здания, и мирно беседуем. Я рассказываю ему о том, как интересно побывать в клубе паровозо-вагоноремонтников, и о том, как неинтересно в клубе обувщиков, но мой собеседник слушает безразлично. Потом он протягивает нам раскрытую коробку «Казбека», закуривает сам. В воздухе тает папиросный дым.

Завклубом снова затягивается и долго молчит. Раздумывает. И вдруг наклоняется вперед всем корпусом, и лицо его преображается, в глазах появляются искорки:

— Хотите начистоту?

— Конечно.

...То был не рассказ — исповедь. Исповедь человека, у которого долго капливались на душе горечь и обида, так долго, что успели, в конце концов,

покрыться толстым слоем безразличия. Сейчас рана обнажилась — мой собеседник взволнован.

— Клуб, отдых... Что ж, послушайте. Вы знаете, как я впервые пришел в клуб? На крыльях прилетел. Я когда-то сам играл в самодеятельности, мечтал — организуем кружок и так сыграем, что профессиональным артистам завидно станет. Планов у меня было столько, что на двадцать клубов хватило бы. А что стало с моими мечтами? Вот, собираюсь уходить. На производство.

Знаете, с чего началось крушение моих надежд? С первого руководящего указания, которое я получил от завкома. Мне сказали: главное — финансовый план, иначе клубу конец, финансировать его некому. Вот вам две самые доходные статьи: кино и танцы. Двенадцать кинофильмов в месяц, и ни на один меньше — это деньги, а без денег клуб не проживет и дня. Почему это — не проживет? Нет, вы скажите, почему не проживет, если клуб — общественный очаг культуры, если его задача — помочь людям хорошо отдохнуть? Разве нельзя тут обойтись силами общественности, комсомольцев, например? Но потом я подумал, что так легче: раз есть люди, которые получают деньги, с них и спросить можно постороже. Фильмы, танцы — постепенно я привык ко всему этому и вот... превратился в заурядного администратора. Свободных вечеров оставалось немного, мы заполняли их лекциями, иногда встречами.

Лекции читали квалифицированные люди — мы приглашали их из городского отделения Общества по распространению политических и научных знаний, и, скажу по совести, — делали все, чтобы на них шли. Но удивительное дело: на них шли неохотно. Зал каждый раз почти пустовал. Разве только тогда он заполнялся народом, когда объявлялась лекция о международном положении — в иных случаях ни броские афиши, ни пригласительные билеты — ничто не помогало.

Правда, откровенно говоря, бывают наряду с хорошими и скучные лекции. Порой, наверное, так делается: избрал себе лектор тему, подготовил текст, его обсудили, утвердили. И шагает лектор с этим текстом из клуба в клуб, с предприятия на предприятие. Ему безразлично, кто сидит в зале, — литейщик или токарь. Лекция его «апробирована», утверждена, в ней, как говорится, комар носу не подточит, и после лекции завклубом или кто-нибудь другой все равно напишет в его путевке то, что полагается. Но кто же нам нужен — лектор, пропагандист партийных идей или пономарь, заучивший один текст и читающий его всем и вся?

Иные лекторы, знаете, что стали делать? Придут на полчаса раньше (это в

лучшем случае — на полчаса!), запишут два-три примера хорошей работы передовых производственников, несколько цифр и вставляют их в свою лекцию. Так сказать, «конкретизируют» ее. Видимость конкретности создается полная. А много ли пользы от нее сидящим в зале?..

Никто в работу нашего клуба серьезно не вмешивается. Комсомольцы приходят сюда не как хозяева клуба, а как гости. «Что у вас сегодня? Ах, опять кино? Заладили одно и то же...» Без актива очаг культуры не создашь.

Я все-таки думаю, что настала пора многое в клубном деле изменить. Во-первых, сократить количество демонстрируемых фильмов. Во-вторых, отказаться от всех штатных единиц — пусть клуб будет по-настоящему самостоятельным. И властвуют пусть в нем комсомол и профсоюзы. Актив — в каждой секции, в каждом кружке, да не формально, а чтобы решал, кого привлечь к делу, какие готовить костюмы для выступления, составлял сценарии вечеров, подбирал репертуар, даже собирал людей на репетиции — словом полностью хозяйничал, целиком и полностью. В-третьих, повысить ответственность хозяйственных руководителей и министерств за работу клубов. Ремонт там всякий, материальное обеспечение возложить на них. Они за предприятия отвечают? А клуб — частица предприятия. К такому выводу уже, кажется, пришел не один я. Поймите, что до сих пор делалось. У профсоюзов есть деньги — нет фондов, у хозяйственников есть фонды — а деньги на клубы не предусмотрены. С них никто не спрашивал, они и не чувствовали ответственности.

...Время от времени встретишь других заведующих клубами, отведешь душу, иногда услышишь кое-что интересное. В клубе ПВРЗ, например, кружок художественной самодеятельности поставил «Разлом» Б. Лавренева и попросил народного артиста СССР Акакия Хоравы сыграть в самодеятельном спектакле главную роль. Он согласился. В клубе медработников литературный кружок собирается выпустить свой альманах. В клубе шелкоткацкой фабрики организовали вечер умелых рук.

Однажды мой товарищ ездил в Ленинград, зашел в один клуб, видит: на маленьких столиках пакеты с мукой, изюмом.

— Вкусная комната, — говорит. — Что здесь будет?

Ему отвечают:

— Соревнование с изюминкой. Конкурс на лучший пирог. Участники конкурса приготовят пироги, торты, кренделя, бисквит, жюри продегустирует их, а потом устроим товарищеский чай со своим угощением. Понимаете, угощение не из «Гастронома», а сделанное своими ру-

ками. Это придумала секция девушек.

— У вас есть такая секция? — спрашивает. — Чем же она занимается?

— Главным образом, домоводством. Будущие хозяйки учатся готовить, сервировать столы, красиво одеваться. Но круг интересов работниц, конечно, не ограничивается одним лишь домоводством — он гораздо шире. С домоводства началось. Среди работниц нашлись умелые кулинары, опытные швеи. Потом выяснилось, что девушки не прочь обменяться мнениями о фильме, который накануне шел в клубе, — и организовали его обсуждение. Потом кто-то рассказал о прочитанной книге, книга заинтересовала, ее стали передавать друг другу, а когда прочли, решили пригласить в гости автора, чтобы высказать ему свои пожелания. И этот писатель, и его товарищи по перу, и художники, артисты, композиторы приходят в клуб запросто, словно к себе в дом. Однажды был затеян «разговор по душам» на тему о том, как лучше устроить свою личную жизнь. В гости пришли женщина-врач, женщина-инженер, женщина-судья, и они рассказывали о себе, о своих профессиях: и столько вопросов посыпалось со всех сторон, столько высказали девушки сокровенного, спрятанного «на самом донышке сердец», столько услышали полезных советов, что никто не заметил, как стрелки часов приблизились к часу ночи...

Я показываю собеседнику газету «Труд» — в ней рассказывается об опыте ленинградских клубов.

— Прочтите. Это, по-моему, интересно.

Он пробегает статью, потом начинает читать статью вновь — неторопливо, вчитываясь в каждую строчку. Оказывается, в Ленинграде при многих клубах открыты прокатные базы спортивного инвентаря. В одном клубе устроили цикл вечеров, посвященных людям отважных и вместе с тем скромных профессий, — врачам, санитаркам, пожарным, милиционерам. В другом организовали встречи с друзьями по интересам. Это, должно быть, увлекательно: не каждый хочет смотреть фильм или участвовать в художественной самодеятельности, но каждый чем-то интересуется, решительно каждый. И «встречи по интересам» означают сотни — не единицы и не десятки, — а сотни новых приверженцев клуба. В третьем устроили «русский бал», а чтобы помочь молодежи лучше узнать русскую старину, традиции народа, его обычаи, самобытную культуру, в фойе была оборудована русская чайная, у входа приглашенных встречали участники художественной самодеятельности в национальных костюмах, с хлебом-солью... В четвертом открыли «клуб для всех» — в определенный день войти может каждый, без

билета, и никакой милиции не надо, ибо вечер увлекателен, да и комсомольцы следят за общественным порядком. В пятом...

— Золотая россыпь, — говорит завклубом. — Ее бы собирать по крупинке. Да кому? Был у нас в Тбилиси Центральный Дом культуры. Недавно его закрыли. Для чего он существовал, так никто и не понял. Этот Дом культуры имел множество подсобных предприятий, около миллиона рублей дохода на текущем счету, но он никогда и никому не служил методическим центром. А клубам нужен такой центр. Пусть это будет не Дом культуры, а какой-нибудь отдел в республиканском Совете профсоюзов, но кто-то должен собирать и обобщать опыт, делать его достоянием всех. И чтобы были это энтузиасты, люди с щедрой душой, с огоньком. Тогда и работать будет интересно.

— Вы всерьез решили уходить с клубной работы?

Собеседник ответил не сразу. Потом сказал:

— А что если попробовать? Самому? Пойти в комсомольский комитет, выложить все, рассказать о ленинградцах... Для начала устроить «грузинский бал»... А? Нет, честное слово, нужно попробовать...

* * *

Есть в Гагрском районе село Сальме и там колхоз имени Сталина. В колхозе, расположенном на границе с Российской Федерацией, дружно трудятся грузины, эстонцы, русские, армяне. Его председатель коммунист Давид Ерквания, активист партийной организации Эрнст Савиаук, завсвинофермой комсомолка Маймо Мазикас и семеро других носят Золотые Звезды Героев Социалистического Труда, а десятки колхозников — ордена и медали. В этой артели умеют хорошо работать. И умеют хорошо отдыхать. Когда наступает вечер и в селе Сальме зажигаются огни, люди наслаждаются отдыхом. Именно наслаждаются...

В один из осенних вечеров шла в клуб «на огонек» Маймо Мазикас. Лесная тропинка, узкая и крутая, то сбегала к реке, то поднималась в гору, и Маймо шла по ней, напевая песенку. И вот она оказалась на широкой улице, у самого клуба.

Маймо распахнула дверь. Клуб был полон народу. Самодеятельный драмкружок ставил на сцене колхозного клуба «Калиновую рощу».

Девушки, сидевшие неподалеку от дверей, подвинулись, освобождая место. Маймо под села к ним. Спектакль был веселый, интересный, зрители от души смеялись и дружно аплодировали, а

когда закончилось последнее действие, в зале убрали стулья, киномеханик включил радиолу — начались танцы. К Маймо подошел Георгий Муст, и Маймо закружилась в вальсе, и десятки пар кружились рядом в большом и просторном зале колхозного клуба.

— Хороший спектакль, — похвалила Маймо. — И ты хорошо сыграл, Георгий. Матрос Ветровой, настоящий матрос!

... Все знали, что колхозный счетовод Георгий Муст с детства увлекается искусством, что он неистощим по части выдумок и затей, говорили даже, что профессию счетовода он обрел, увлекшись работой над ролью не то бухгалтера, не то какого-то другого счетного работника. И потому, когда стал вопрос о том, кто должен занять пост заведующего клубом, колхозники единодушно решили: Георгий.

— Ты знаешь, что у твоего предшественника Чаленко было плохо? — предостерегал его секретарь партийной организации. Слишком уж он заботился, чтобы мебель и всякий там инвентарь, упаси бог, не испортили, и поэтому часто держал клуб на замке.

— Распахни шире двери, — советовали ему Маймо Мазикас и другие комсомольцы, — и пусть каждый вечер приходит в клуб молодежь. И потом — учти вот что: люди у нас от зари до зари на работе, сам знаешь, какие люди, они заслуживают хорошего отдыха.

Георгий посмотрел на Золотую Звезду Героя Социалистического Труда, блестящую на груди Маймо, и улыбнулся:

— Знаю, какие у нас люди.

— Но, может быть, ты думаешь, что хороший отдых только в том и заключается, чтобы придти вечером в клуб и послушать концерт приглашенных из города артистов? Что же, и такое можно организовать. Раз в месяц или раз в два месяца. А в остальные вечера? Кино? Полезное дело. Танцы? Тоже не повредят. И все-таки не это главное. Пусть каждый найдет себе в клубе дело по душе, по сердцу — вот что важно, Георгий.

И вскоре, заглядывая в клуб, люди стали находить себе дело по сердцу. Они приходили сюда, как в свой дом. Приходили педагоги, бухгалтеры, агрономы, ветврачи — колхозная интеллигенция, актив заведующего клубом. Приходили участники многочисленных самодеятельных кружков. Приходили молодые колхозники, взявшиеся читать вслух библиотечные книги, любители шахмат, художники, музыканты — оказалось, что в колхозе много увлекающихся, одаренных людей, и все они тоже стали активистами колхозного клуба.

Мы попали в клуб, когда репетировал грузинский хор. Хористы устрои-

лись на сцене, и комсомолец Эради Двалишвили, постучав палочкой по попитру, сказал:

— Начнем!

Он взмахнул рукой, и плавно полилась «Песня о Грузии». Потом репетировали «Песню о героях», «Кутаиси».

— Попробуем разучить новую песню, — предложил Двалишвили. — На тот текст, что мы читали в прошлый раз. Я уже сочинил к нему музыку.

Негромко, вполголоса он запекает песню, первые ее критики — участники хора молча слушают, потом подхватывают мелодию — не все сразу, не вмиг: сначала запекает с автором звеньевой из второй бригады Шакро Хурцидзе, к нему присоединяются Дмитрий Гогиберидзе, Володя Двалишвили...

И участники русско-эстонского драматического кружка, драмкружка на армянском языке, эстонского хора пристрастились к самодеятельному искусству. В нем активно участвуют и молодые и пожилые. Всей семьей пришли в кружки Савиауки: член колхозной парторганизации Эрнст Михайлович, его жена Эрна Теновна, их сын Аркадий. Колхозница из шестой полеводческой бригады Азган Карагулян руководит армянским драматическим кружком. Заслуженная учительница школы Грузинской ССР Элла Александровна Янес дирижирует эстонским хором. Как-то хор довелось выехать на певческий праздник в Таллин, где хозяева подарили гостям из Грузии национальные костюмы, и теперь хор выступает в них.

А иной раз приедут участники самодеятельного коллектива из соседнего колхоза, расположенного в Российской Федерации, или комсомольцы устроят молодежный вечер, или профессионалы дадут концерт. Есть, кому заполнить сцену в клубе сальменцев...

Беспокойным, напористым был Георгий Муст. Потом он уехал. Теперь новый заведующий всего себя отдает клубной работе. Но этому искусству его еще надо учить.

Когда среди колхозников зашел разговор о том, что они хотят видеть в своем клубе, звеньевой Шакро Хурцидзе сказал: «Пусть лучшие расскажут о себе. Передовые колхозники должны обмениваться опытом». Учитель Элварди Дзидзигури добавил: «Хорошая лекция для нас — праздник». Колхозник Платон Абрахамия предложил: «У нас есть радиоузел, давайте чаще выпускать свою радиогазету».

Те, чья служебная обязанность учить заведующего клубом, — отдел культуры исполкома Гагрского райсовета, райком комсомола, — его учат мало. Не потому ли заведующий клубом всю страсть вложил лишь в спектакли, концерты, развлечения?

Но и в этом его на каждом шагу под-

стерегают трудности. Драмкружок поставил больше ста спектаклей, однако не часто случается, чтобы в колхоз приехал квалифицированный консультант и рассказал, как нужно работать режиссеру, как ставить спектакли, какую выбрать пьесу.

Выбрать пьесу? А из чего выбирать? Всякий раз после очередного спектакля возникал этот вопрос. И никто не мог на него ответить. После «Калиновой рощи», которую рискнули поставить по собственной инициативе, актеры спросили:

— Что же дальше? Баранчука забудим?

«Баранчук проснулся» — небольшая пьеса, кружок поставил ее впервые несколько лет назад. Потом стали репетировать все, что попадется под руку, — лишь бы играть, лишь бы выступать: кружок жаждал деятельности. Когда запас иссякал и вновь возникал вопрос: «Что же дальше?» — вспоминали о «Баранчуке», и жители Сальме, читая афиши о предстоящем спектакле, шутили:

— Гляньте, Баранчук снова проснулся. Который раз за год!

Казалось, зрители знали уже эту пьесу наизусть. Предвкушая смешной финал, они смеялись в самых трагических местах, подталкивали соседей локтями: «Сейчас он этому скажет, а тот...». Но артистов щадил и каждый раз награждали дружными аплодисментами. А что мог поделаться завклубом? Из города прислали такие пьесы, что лучше их не играть, в отделе культуры пожимали плечами: писатели виновны — мало пишут на колхозные темы.

Так или иначе, а новых пьес не много, и волей-неволей приходится обращаться к «дежурному» Баранчуку.

* * *

Как-то мне пришлось знакомиться с работой сельских клубов в одном районе. Помню, долго бродил я по пыльным улицам небольшого села, разглядывая добротные дома под железными крышами, стараясь угадать, в каком из них разместился клуб. И как был разочарован, когда мне указали на неказистую обшарпанную хатенку и сказали, что это и есть клуб сельсовета.

Собственно, это был даже не клуб, а длинный узкий зал, расположенный рядом с правлением колхоза. Сюда можно придти на собрание, но вряд ли кому-нибудь из местных жителей захочется провести здесь свободные часы. Облупившийся потолок, унылые ряды деревянных скамеек, выщербленный пол.

Заведовала клубом совсем молодая и очень старательная, добросовестная девушка. О ее трудолюбии свидетельствовали пестрые от множества каких-то картинок стены, разложенные на столиках книжки и брошюры. Девушка поняла,

каково наше первое впечатление, и сказала:

— Неуютно, это правда. Что поделаешь, — клуб сельский, а не колхозный, и председатель колхоза не считает меня своим работником. Я просила его отремонтировать помещение, провести радио... Безуспешными оказались мои просьбы. А ведь другого клуба в селе нет, и колхозники могут посещать только этот.

Сельский, колхозный... И это в селе, где один колхоз и один клуб. Что за наваждение! Стали разбираться — и выяснилось, что все очень просто, хотя и весьма нелепо. Клуб этот принадлежит сельсовету, находится на государственном бюджете, и правление колхоза не хочет тратить на него денег. Колхоз имеет миллионные доходы, давно мог бы построить свой клуб — хороший и добротный, но, видимо, прижимистые люди оказались в правлении: миллионеры, а расходуют в год на культурные нужды то тысячу рублей, то — если расщедрятся — немногим больше.

Не пришла ли пора покончить с таким явлением: сельские и колхозные клубы существуют обособленно, имеют разные бюджеты и разных «хозяев», хотя решают они одни и те же задачи, обслуживают одних и тех же людей. Ведь куда лучше сосредоточить руководство ими в одних руках, скажем, в руках районных отделов культуры, которые сейчас распоряжаются только сельскими клубами, а к колхозным касательства не имеют.

... Вечером кинофильм не должен был демонстрироваться — и в клуб, как и следовало ожидать, никто не пришел. Тусклые огоньки сиротливо мерцали над входом, а молодые парни и девушки собирались группами на улицах и, как могли, коротали свой досуг.

Утром мы подробно познакомились с работой клуба. Заведующая выложила на стол около тридцати тетрадок, и в каждой из них значились мероприятия на один и тот же период. В одном из планов был даже записан пункт о том, что необходимо составить... планы. От тетрадей и планов рябило в глазах, но за ними, как ни печально, не ощущалось кипучей, многообразной культурной жизни села, в них не было ни выдумки, ни инициативы. Планы составлялись по схемам, посланным свыше, они походили друг на друга, словно близнецы, они превратились в самоцель, ибо отдел культуры привык судить о работе клуба лишь по тому, как составлена документация, и требовал, чтобы она (не работа, а документация!) была в полном ажуре. Если на чтение всех тетрадок нам понадобился почти целый день, то сколько времени ушло на то, чтобы их составить?!

Так формализм захлестнул живое дело.

Но бесконечные клубные планы — это лишь отзвук формализма. Во всей своей красе он предстал перед нами позднее, в районном центре. Мы увидели инспектора по сельским клубам, который успевал за день объездить три — четыре села, но при этом не успевал никому ни в чем помочь. Мы слышали о семинарах, которые проводились регулярно, два раза в месяц, но от которых было мало толку, потому что, проведя семинар, отдел культуры думал не о том, как помочь претворить высказанные на нем полезные советы в жизнь, а о том, каким должен быть очередной семинар, — уже по другим вопросам.

И тогда мы подумали: быть может, лучше, если от работников клубов перестанут требовать столько писанины, если клубная документация обойдется одним месячным планом, составленным не по схеме, данной свыше, а самостоятельно, и тетрадь учета, в которых будет записано лишь самое главное и самое интересное? Быть может, полезнее, чтобы от инспектора не требовали ежедневных гастролей по селам, а ограничились, пусть не столь частым, зато более длительным пребыванием — пять дней, неделю — в одном селе, и таким пребыванием, которое оставляет по себе добрую память? Быть может, правильнее изменить систему организации семинаров заведующих клубами — проводить их не в районном центре, а на местах, по близлежащим зонам, поочередно во всех клубах? И, наконец: не лучше ли передать методические функции домам культуры, а на отделы культуры возложить контроль за работой клубов, практическую помощь им?

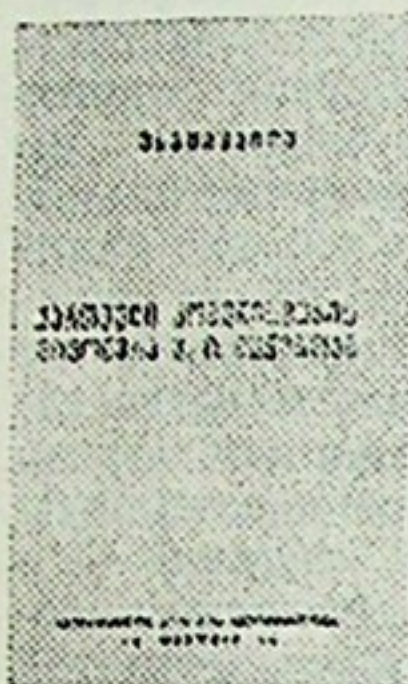
* * *

Немало клубов в городах и селах нашей республики доставляют людям радость. Клуб совхоза, вырабатывающего лучший в мире чай, — в Чакве. Клуб колхоза-миллионера — в Натанеби. Клубы кутаисских автомобилестроителей, батумских нефтяников, горийских текстильщиков...

Там хозяева — комсомольцы. Партийные организации направляют их работу, помогают им. Комсомольцы не ищут для себя нянек. У них много энергии и много задора, а выдумки — хоть отбавляй, у них крепкие руки, и они многое делают своими силами.

В этих клубах смех и песни раздаются до поздней ночи, гремит музыка, не умолкают шутки. И, словно звезды на синем безоблачном небе, брызжут из распахнутых настежь окон веселые, зовущие, золотые огоньки...

В. И. Ленин и грузинские коммунисты

Недавно вышла из печати интересная книга кандидата исторических наук, доцента В. Эсанашвили «Переписка грузинских коммунистов с В. И. Лениным».

Документы, рассматриваемые в этой книге, как справедливо замечает автор, «проливают свет на многие важные, значительные моменты деятельности

нашей Коммунистической партии и ее великого вождя В. И. Ленина».

Среди приведенных в книге материалов — много новых, лишь недавно обнаруженных и ныне впервые публикуемых.

Как известно, переписка грузинских революционеров с В. И. Лениным завязалась в 1901 году, а первым грузинским корреспондентом Ленина был Ладо Кецохвели.

В начале 1901 года Л. Кецохвели основал в Тбилиси маленькую нелегальную типографию. Об этом узнал В. И. Ленин и тотчас же написал ему письмо, в котором поручил организовать в этой типографии перепечатку «Искры». Л. Кецохвели выполнил поручение В. И. Ленина — и в сентябре 1901 года вышел первый номер «Искры», перепечатанный в типографии грузинских большевиков. В связи с этим между В. И. Лениным, Н. Крупской и Л. Кецохвели завязалась очень оживленная переписка. К сожалению, из всех этих писем удалось обнаружить лишь два письма Л. Кецохвели, которые и рассматриваются в книге. В одном из них, адресованном Н. Крупской (от 26 апреля 1902 года), Л. Кецохвели делится с ней своим

планом организации грузинской типографии и за границей.

В. Эсанашвили приводит также недавно найденные и очень интересные письма И. В. Сталина к В. И. Ленину. Первое ответное письмо Ленина, по словам И. В. Сталина, «было сравнительно невелико, но оно давало смелую, бесстрашную критику нашей партии и в нем с замечательной ясностью и лаконизмом был изложен весь план работы партии на ближайший период».

В работе впервые публикуется письмо И. В. Сталина, датированное 1905 годом, в котором освещается положение, создавшееся в партийной работе весной 1905 года в Грузии и Закавказье, дается глубоко точная и исчерпывающая характеристика грузинских меньшевиков, представление о соотношении сил большевиков и меньшевиков и об энергичной борьбе большевиков против меньшевиков.

Большой интерес представляет переписка В. И. Ленина с Миха Цхакая. М. Цхакая информировал В. И. Ленина о работе Тбилисского и Имеретино-мерельского партийных комитетов и сухумской, ткибульской, хонской и чиатурской парторганизаций. Автор работы подробно останавливается на этих письмах.

В книге рассматриваются малоизвестные и даже не известные до этого письма В. И. Ленина и Серго Орджоникидзе, в том числе и три недавно найденных письма Серго к Ленину.

В. И. Ленин систематически переписывался с С. Орджоникидзе в тяжелые годы гражданской войны, иностранной интервенции и в первые годы после установления Советской власти в Грузии, помогая ему ценными советами и указаниями.

Касаясь взаимоотношений В. И. Ленина с Н. Д. Кикнадзе, автор уточняет, что Лениным написано Кикнадзе не два письма, как полагали до сих пор, а не менее пяти. Кикнадзе же отправил В. И. Ленину более шести писем, а не-

В. Э с а н а ш в и л и. «Переписка грузинских коммунистов с В. И. Лениным». Издательство ЦК КП Грузии. Тбилиси, 1958 г.

три, как считали прежде. Первое письмо было написано 16 июня 1913 г.

Ныне мы узнаем, что Кикнадзе по поручению Ленина переводил на русский язык и посылал ему статьи, отражающие ход борьбы грузинских большевиков с меньшевиками, ликвидаторами и националистами. Н. Кикнадзе в своих письмах характеризовал позицию Н. Жордания в первой мировой войне, сообщал Ленину о работе женеvской группы большевиков, обращался к нему за разъяснением сложных теоретических и практических вопросов революционной борьбы.

Тесная дружба связывала В. И. Ленина со старейшим грузинским большевиком М. Давиташвили. Они оживленно переписывались на протяжении многих лет. К сожалению, письма их утеряны, но ряд фактов, приведенных в книге, дает нам представление об их взаимоотношениях.

С Лениным переписывался известный грузинский большевик, профессиональный революционер Самуил Буачидзе. Их письма тоже не сохранились, за исключением двух, которые и разбираются в книге.

В книге публикуется также несколько писем В. И. Ленина к Ф. Махарадзе. Еще до личного знакомства, состоявше-

гося 17 февраля 1921 года, весной 1920 года Филипп Махарадзе посылает Ленину свое первое письмо — «докладную записку». «Эта докладная записка Филиппа Махарадзе, — как отмечает автор, — является очень интересным документом. В ней, между прочим, объясняется тот факт, почему в Грузии не установилась Советская власть в дни Октябрьской революции. Махарадзе на объективных фактах показывает Ленину, что в тот период в Грузии еще не создалась революционная ситуация. Это письмо Махарадзе — еще один документ, который отрицает бытующее в нашей историографии ошибочное мнение, что, мол, в дни Октября обстановка в Грузии вполне благоприятствовала свершению революции, но ею не воспользовались грузинские большевики».

Опубликование переписки Ленина с грузинскими коммунистами — большой вклад в нашу партийную литературу. Книга эта поможет коммунистам Грузии в деле еще более глубокого научного изучения ряда вопросов истории партии и даст еще более ясное представление о той большой роли, которую играл В. И. Ленин в создании и укреплении партийных организаций в Грузии.

Д. КАКАБАДЗЕ.

КНИГА О ТБИЛИССКОМ ТЕАТРЕ ИМЕНИ З. ПАЛИАШВИЛИ

В культурной жизни Грузии уже давно назрела необходимость подвести итоги творческого значения Тбилисского оперного театра. Поэтому выход в свет книги П. В. Хучуа как нельзя более своевременен.

В книге впервые последовательно освещается плодотворная деятельность этого очага грузинского музыкального искусства на протяжении целого столетия, подчеркивается его стимулирующая роль в создании новых грузинских опер и балетов. При этом автор органически связывает работу театра с общественной и политической жизнью Грузии.

В первом разделе «Страницы прошлого», отмечается всегдашнее тяготение

П. В. Хучуа. «Тбилисский государственный ордена Ленина театр оперы и балета имени Палиашвили». Редактор Г. Чхиквадзе. Издательство «Зари Востока», 1958 г.

грузин к театру, сначала к драматическому, а затем и к оперному. Автор подчеркивает большое значение для развития театра оперных произведений грузинских композиторов старшего поколения — М. Баланчивадзе, З. Палиашвили, Д. Аракишвили, В. Долидзе. Их произведения явились обобщением творческих устремлений предшествующего периода развития грузинской музыкальной культуры и, вместе с тем, мощным толчком для ее дальнейшего интенсивного роста.

В разделе «На новом пути» П. В. Хучуа подробно останавливается на различных этапах формирования грузинской драматической музыки после Октября. Автор кратко, но метко и убедительно характеризует каждую новую грузинскую оперу, каждый новый балет, прошедший в театре им. Палиашвили, рассматривает и их дальнейшую сценическую судьбу. Но, думается, надо было бы дать более подробный анализ новых опер и балетов, более глубокое объяснение причин творческих неудач многих композиторов — авторов грузинских советских опер, а также попытаться наметить пути, по которым следует идти, чтобы ярче отразить нашу замечательную действительность.

Достаточно подробно прослежен в

книге П. В. Хучуа творческий рост грузинских режиссеров, дирижеров, художников, балетмейстеров, а также отдельных артистов оперы и балета, выступавших как на сцене Тбилисского оперного театра, так и на других оперных сценах Советского Союза. Большое внимание уделено гастролям театров и отдельных исполнителей других республик в театре имени Палиашвили.

Увлекательная книга П. В. Хучуа, написанная к тому же с глубоким профессиональным знанием дела, является ценным вкладом в советское музыкальное знание и несомненно даст читателю много полезных сведений о развитии оперного искусства, о роли, которую играет в этом развитии театр имени З. Палиашвили.

М. ВАЧНАДЗЕ.

НОВЫЕ РАБОТЫ ГРУЗИНСКИХ РУСТВЕЛОЛОГОВ

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Грузинская руствелология в минувшем году обогатилась тремя крупными исследованиями монографического характера. Это «Шота Руставели» А. Барамидзе, «Эстетика Руставели» Г. Надирадзе и «Творчество Руставели» Ш. Нуцубидзе. Каждая из этих работ, не повторяя друг друга, в особом ракурсе, в оригинальном освеще-

нии трактует вопросы, связанные с личностью, эпохой и мировоззрением Шота Руставели, идейно-художественной проблематикой поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Ш. Нуцубидзе в течение многих лет занимается проблемами руствелологии. «Творчество Руставели» является своего рода итогом его изысканий, и поэтому читатель с особым интересом знакомится с этим исследованием, в котором он найдет яркую и широкую характеристику общественно-экономической жизни Грузии XII—XIII веков и ее отображения в «Витязе в тигровой шкуре».

Как для специалистов, так и для широкого читателя большой интерес представляет раздел «Биография Руставели».

Ш. Нуцубидзе детально изучил все памятники эпохи Руставели, а также результаты изысканий современных грузинских ученых-руствелологов. В этом разделе своей книги он с величайшей осторожностью собирает по крупинкам те драгоценные сведения, которые бросают новый свет на биографию, социальное происхождение и личность Руставели. Убедительной представляется аргументация относительно месхетского

Ш а л в а Н у ц у б и д з е. «Творчество Руставели». Редактор А. Г. Барамидзе. Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

(Юго-Западная Грузия) происхождения великого поэта. В главе «Образованность Руставели» ярко раскрыт интеллектуальный облик Руставели — человека, воспитанного на лучших традициях античной и древнегрузинской философии (Иоанн Петрици и др.). Вполне убедительно предположение Ш. Нуцубидзе о том, что Руставели закончил свой жизненный путь в грузинском Крестовом монастыре в Палестине, около Иерусалима; об этом свидетельствует и грузинская фреска, сохранившаяся в данном монастыре.

Ш. Нуцубидзе увлекательно пишет об истоках поэзии Руставели — литературных (Мосэ Хонели, Шавтели, Чахрухадзе), философских (Платон, Прокл, Петрици, ареопагитские книги) и народных. Большая заслуга Ш. Нуцубидзе в том, что он обратил должное внимание на связь Руставели с народным творчеством, с грузинской мифологией.

Прекрасно проанализировав творчество Мосэ Хонели, Чахрухадзе и Шавтели, Ш. Нуцубидзе показывает, что «Витязь в тигровой шкуре» возник не на голом месте, а опирался на традиции грузинской прозы и поэзии и лучшие образцы грузинского фольклора.

Говоря о связи мировоззрения Руставели с философией ареопагитских книг, Ш. Нуцубидзе категорически утверждает, что автором этих произведений, сыгравших в истории философии большую роль, является грузинский философ V века Петр Ивер. Подобная точка зрения выдвигалась Ш. Нуцубидзе в работе «Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита», в его же «Истории грузинской философии»; с данной концепцией солидаризуется и бельгийский академик Э. Хонигман. Однако ряд крупных ученых (акад. К. Кекелидзе, проф. С. Данелия) не разделяет этого взгляда.

Ш. Нуцубидзе дает блестящий литературно-художественный анализ поэмы Руставели, стремится осветить проблемы ее сюжета, поэтики, художественных образов, национального грузинского стихотворного размера — шаири, художественного метода гениального поэта.

Хочется высказать и некоторые критические замечания.

Ш. Нуцубидзе правильно замечает, что «Руставели творчески перерабатывал грузинскую действительность в художественном отображении мира» и что мимо внимания автора «Витязя в тигровой шкуре» не прошли такие социальные сдвиги в грузинском обществе, как усиление влияния купечества и его значения в государственной жизни. Вспомним описание торгового приморского города Гуланшаро, образы главы купцов Усена, его жены Фатьмы и ту роль, которую они играют в разрешении судьбы главных героев поэмы Руставели — Тариэла и Нестан-Дареджан, Автандила и Тинатин.

Но автор, на наш взгляд, несколько преувеличивает значение купечества и торговых слоев в грузинской феодальной монархии XII—XIII веков. Вряд ли в Грузии того времени «на смену старому господству родовой аристократии и вечной вражде между феодалами и единовластием идет новое общество (?) с развитым торговым классом» и в поэме Руставели «мы видим переход от старого феодального общества с господством родовой аристократии к общественному

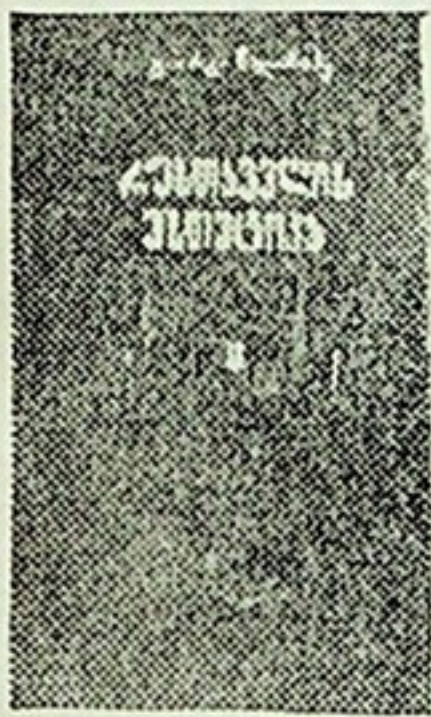
укладу с начинающимся перевесом торговой и демократически-бюргерской части общества и государства» (стр. 17—18).

Из истории известно, что в Грузии XII—XIII веков создавалась обстановка, несколько напоминающая нам Европу эпохи раннего Возрождения, что сказалось и на развитии культуры, искусства и литературы того времени. Поэтому в литературоведении и истории философии можно ставить вопрос о Восточном Ренессансе и относить к одному из его истоков Грузию. Но, как известно, в Грузии так и не был достигнут «перевес торговой и демократически-бюргерской части общества», а «вечная вражда между феодалами и единовластием» шла как во времена Тамар и ее преемников, так и позже, на протяжении всей последующей истории грузинского народа, вплоть до присоединения к России в 1801 году.

Книгу «Творчество Руставели», написанную с подлинным вдохновением, с глубоким пониманием и знанием материала, с интересом и пользой прочтут все, кому дороги Шота Руставели и его поэма «Витязь в тигровой шкуре».

Б. БАХТАДЗЕ.

ЭСТЕТИКА РУСТАВЕЛИ

В капитальном труде Г. Надирадзе «Эстетика Руставели» с большой научной аргументацией доказано, что еще много веков назад, в эпоху мрачного средневековья великий поэт мужественно воспевал человеческую красоту во всех ее проявлениях.

Эстетические взгляды Шота Руставели интересовали многих исследователей прошлого и настоящего времени, но никто из них не осуществил монографической работы в данной области. Этот пробел в значительной степени восполняется трудом Г. Надирадзе.

Книга открывается кратким анализом основных вопросов мировоззрения Руставели, после чего автор переходит к обстоятельному рассмотрению проблемы об отношении образа к действительности.

Г. Надирадзе. «Эстетика Руставели». (На грузинском языке). Редактор А. Гацерелия. Государственное издательство «Сабчота Сакартвело», Тбилиси, 1958 г.

Характеризуя эстетические позиции Платона, Аристотеля и неоплатоников, Г. Надирадзе весьма убедительно показывает оригинальность и своеобразие эстетических воззрений Руставели.

Поэзия для Руставели — высшее проявление мудрости. В этом отношении, по мнению Г. Надирадзе, Руставели следует поставить рядом с Аристотелем. Но это вовсе не значит, что эстетические взгляды Руставели сложились под влиянием великого мыслителя древности. Выводы Аристотеля основаны на изучении фактов литературы древней Греции, а Руставели приходит к теоретическому осмыслению через собственное творчество.

Надирадзе отмечает, что все исследователи творчества Руставели, кроме Ильи Чавчавадзе, воспринимали декларированную им мудрость как этическую категорию, не связывая ее с познанием реальной действительности, тогда как «этическая мудрость поэмы свое обоснование и назначение находит в ее познавательной мудрости... насколько глубоки и обширны масштабы последней, настолько велика и безошибочна ее назидательная сила».

По утверждению исследователя, двенадцатая строфа пролога кроме мудрости дает еще две категории руставелевской эстетической концепции: пользы или полезности («маргеблоба») и годности («варгисоба»).

стой главе — «Идея прекрасного», — в отличие от других глав, отсутствуют выводы. Думается, что несколько конспективно рассмотрены философские взгляды Руставели, в частности, следовало бы глубже и шире рассматривать положение о том, что Руставели представлял мир, как космическую гармонию, как единство природы и человека.

Эти замечания, конечно, несколько не снижают ценности интересного труда Г. Надирадзе и следует подумать об издании его на русском языке.

п. гудушаури.

ОБРАЗ И ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПОЭТА

В монографическом очерке члена-корреспондента Академии наук Грузинской ССР профессора А. Г. Барамидзе «Шота Руставели» затрагиваются очень важные вопросы творчества и мировоззрения поэта, характеризуется эпоха, в которую он жил, а также дается довольно детальный анализ структуры и содержания поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Предислание монографии вступительное содержит ценные сведения об истории рукописей и ее состоянии на данном этапе развития.

В первой части монографии автор характеризует рукописи и издания поэмы, рассматривает содержание пролога и, излагая взгляды Руставели на поэзию и любовь, подчеркивает, что основа гуманизма поэта зиждется на естественных человеческих чувствах, что в центре его внимания стоит земной человек со всеми его страстями.

В главе «Основные историко-литературные вопросы» А. Барамидзе характеризует личность Руставели, приблизительно определяет дату написания им поэмы.

Разбирая сюжетную композицию поэмы, автор указывает, что поэма состоит из двух тесно переплетенных между собой сказов об индийских и арабских героях. Автор справедливо от-

А. Барамидзе. «Шота Руставели». Монографический очерк. (На грузинском языке). Редактор А. Гацерелия. Издательство АН ГССР. Тбилиси, 1958 г.

мечает, что для Руставели главное не внешняя сторона явлений или внешнее проявление чувств и переживаний героев, а внутренняя сущность этих явлений, раскрытие духовного мира героев. Это — одна из ярких сторон новаторства Руставели.

Касаясь социальных взглядов поэта, автор монографии обосновывает мнение, что Руставели, признавая грузинскую феодальную монархию XI—XII веков, осуждал феодальную замкнутость и отстаивал принципы гуманизма.

А. Г. Барамидзе довольно подробно останавливается на предшественниках и современниках Руставели в грузинской и мировой литературе, на переводах поэмы, на ее грузинских народных интерполяциях. Автор обстоятельно рассматривает вопрос литературных продолжений поэмы, которыми он считает сказ об индо-хатайцах, сказ о хваразмийцах и сказ об Омани.

По мнению А. Барамидзе, сказы об индо-хатайцах и хваразмийцах не выпадают из строя поэмы и поэтому должны быть сохранены в ее изданиях, а сказ об Омани, написанный в первой четверти XVII века Кайхосро Оманивичем Чолокашвили, по утверждению автора монографии, не составляет органического единства с поэмой.

А. Барамидзе не разделяет мнения о существовании не дошедших до нас произведений Руставели, например, — поэмы об Иосифе Прекрасном.

Автор подробно анализирует язык поэмы Руставели, рассматривает особенности его стихосложения, указывает на исключительную тонкость в описании картин природы, умение использовать их для передачи чувств и переживаний героев.

Следует отметить, что в монографии порой встречаются повторы и излишние длинноты. Так, несколько растянутым нам представляется сравнительный анализ поэмы с другими произведениями, анализ языка литературных продолжений поэмы. Их можно было бы сузить, отчего монография отнюдь не проиграла бы. Кроме того, нам думается, не излишне было бы подробнее рассказать о выдвигавшихся ранее проблемах руставелологии и их разрешении.

Хотелось бы, чтобы наши замечания были учтены при повторных изданиях книги. Следовало бы также позаботиться о переводе ее на русский язык.

И. МЕГРЕЛИДЗЕ.

НОНЕШВИЛИ (Род. в 1920 г.) —
Иосиф Элиозович грузинский поэт.
Впервые стихи
И. Нонешвили были опубликованы в 1939 г.
в журнале «Чвени Таоба» («Наше поколе-
ние»), а в 1940 г. вышел первый сборник
поэта.

Стихи И. Нонешвили переведены на рус-
ский язык, языки народов СССР, а также
на ряд иностранных языков.

ГАМСАХУРДИА См. журнал
Константинэ «Литературная
Семенович Грузия» № 2 за
1959 г.

КАЧАХИДЗЕ (Род. в 1907 г.) —
Георгий Варламович грузинский поэт.
Первые стихи
опубликовал в 1927 г., затем выходит в
свет ряд сборников его стихов: «Моя пер-
вая ячейка», «Тот участок и та усадьба»,
«Песня продолжается». Поэт работает так-
же в области детской литературы.

ЛЕБАНИДЗЕ (Род. в 1922 г.) —
Мурман Силованович грузинский поэт.
Первая книга ли-
рических стихов вышла в 1950 г. В 1957 г.
вышел сборник избранных стихов поэта.
Стихи М. Лебанидзе в переводе на русский
язык выпущены в 1958 г. издательством
«Заря Востока».

ГЕЛЬВИ — преподаватель
Марина Эрастовна средней школы. Окончила фи-
лологический факультет Тбилисского госу-
дарственного университета.

С 1958 г. публикуются ее переводы на
русский язык произведений грузинских про-
заиков. «Ласточкины гнезда» и «Сын» —
первые рассказы М. Гельви.

МАГИСТРОВА — молодая рус-
Лидия Владимировна ская поэтесса. Учи-
лась на историко-
филологическом факультете Тбилисского

педагогического института имени А. С.
Пушкина.

Стихи Л. Магистровой периодически
публикуются в республиканской и цен-
тральной комсомольской прессе.

КЕШЕЛАВА (Род. в 1908 г.) —
Бондо грузинский поэт.
Константинович Начал печататься
с 1927 г.

Первая книга избранных стихотворений
вышла в 1950 г. Б. Кешелава является так-
же автором художественных очерков и пе-
реводов на грузинский язык произведений
абхазских писателей.

ШОУ Ирвин (Род. в 1914 г.) —
американский пи-
сатель. Автор ряда пьес («Похороните
мертвых» (1936), «Благородные люди»
(1939)), а также сценариев. Ирвин.
Шоу — мастер короткого рассказа. Рассказ
«Ставка на мертвого жокея» на русском
языке публикуется впервые.

АБАШИДЗЕ См. журнал
Иракий «Литературная
Виссарионович Грузия» № 2 за
1959 г.

ДЖАШИ (Род. в 1919 г.) —
Николай Ушангович кандидат искус-
ствоведения, жур-
налист. С 1934 г. систематически печатает-
ся в республиканской прессе.

В 1955—1958 гг. вышел ряд книг Н. Джа-
ши: «Грузинская советская архитектура»,
«Вопросы искусства», «В. И. Ленин о куль-
туре и искусстве» и др.

РОСТОВЦЕВ (Род. в 1915 г.) —
Леонид Абрамович журналист. Очер-
ки и публицистические статьи Л. Ростов-
цева систематически печатались в цен-
тральной и республиканской периодической
печати.

Технический редактор М. Соселня

Подписано к печати 7 мая 1959 г. 6 печ. лист.

Формат бумаги 70×103¹/₁₆.

Заказ № 365

Тираж 4000.

УЭ 028.7

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография „Заря Востока“ им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

6. 29/115

